

ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В НОМЕРЕ: *100 лет со дня рождения Антона Павловича ЧЕХОВА*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 4 (1701)

24 ЯНВАРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Хореографический ансамбль «Березка» выступает в Астраханском городском парке культуры и отдыха имени Карла Маркса.

Фото А. Заплетина.

На первой странице обложки: Таганрог. В школе № 2 имени А. П. Чехова выходит рукописный сборник «Чеховцы». Десятиклассница Светлана Землянская читает помещенный в сборнике очерк «Волнующий юбилей» на занятиях чеховского литературно-творческого кружка.

Фото И. Романова.

На последней странице обложки: Пенсионер Роман Алексеевич Максимчук не отстает от молодых.

Фото И. Тункеля.

ВЕЛИКИЙ ПРИМЕР БОРЬБЫ ЗА МИР

На четвертой сессии Верховного Совета СССР избранники народа единодушно одобрили предложения Советского правительства и ЦК КПСС, изложенные в докладе товарища Н. С. Хрущева «Разоружение — путь к упрочению мира и обеспечению дружбы между народами». На снимке: депутаты принимают Обращение Верховного Совета СССР к парламентам и правительствам всех государств мира.

Федор ПАНФЕРОВ

...Еще десять минут. Через десять минут председательствующий на совместном заседании палат сессии Верховного Совета СССР предоставит слово Никите Сергеевичу Хрущеву. Депутатам и гостям известно, что основное и животрепещущее в докладе Никиты Сергеевича — это: «Разоружение — путь к упрочению мира и обеспечению дружбы между народами». Но как это прозвучит в докладе, на что позовет Председатель Совета Министров СССР?

Я не помню, были ли когда на сессиях такие взволнованные «коридорные разговоры», как на данной сессии. Мне кажется, такого еще не было. Были споры, были недоуменные вопросы, но такой взволнованности еще не было.

— Во время первых лет диктатуры рабочего класса того, кто тогда поставил бы вопрос о сокращении армии, назвали бы по меньшей мере безумцем,— сказал депутат с Украины, человек довольно пожилой, убеленный сединами и, судя по орденским планкам на груди, немало повоевавший против гитлеровской Германии.

Сказав это в кругу столпившихся депутатов и гостей, он выжидательно посмотрел на всех и добавил:

— А ныне мы приветствуем, потому что для внутренних нужд страны армия нам вовсе не нужна. Она нужна нам лишь для защиты от нападения врага, для сохранения мира.

— Разве какой-либо империалист ныне по-

Москва. Кремль. Н. С. Хрущев беседует с группой депутатов Верховного Совета СССР.

Фото А. Гостева.

Советские люди с большим удовлетворением встретят мероприятия по дальнейшему сокращению вооруженных сил, в результате осуществления которых значительная часть военных товарищей вернется к труду на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях и учебных заведениях.

Н. С. ХРУЩЕВ

МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА!

У ленинградца Михаила Федоровича Филатова большая семья; и все — сыновья, внуки, зять — работают на Кировском заводе. Сам Михаил Федорович имеет пенсионную книжку, но производство оставлять не хочет. Сейчас он бригадир в копровом цехе, который снабжает сталеваров шихтой.

Часто в проходной, в цехах встречаются члены большой рабочей семьи Филатовых. Но чтобы всем сразу собраться дома,— это редко удается. Если надо встретиться всем, значит, дело важное. Тогда все съезжаются к сыновьям Михаила Федоровича — Федору и Ивану: они в одной квартире живут.

На этот раз Михаил Федорович приехал к сыновьям с женой, Евдокией Васильевной, когда все были уже в сборе. В квартире стоял веселый шум. Причину семейного сбора узнали скоро.

— Давайте, не откладывая, сейчас сядем и напишем,— решили Филатовы.

Михаил Федорович взял ученическую в клеточку тетрадь и старательно вывел:

«Дорогой Никита Сергеевич!

Примите горячий ленинградский привет от рабочей семьи. Все мы радуемся и гордимся, что наша Родина своим новым законом о сокращении Советской Армии на одну треть первой подала добрый пример всем державам...»

Слова легко ложатся на бумагу. Приводя в пример жизнь своей большой семьи, Филатовы делятся мыслями с главой правительства:

«Мы с вами полностью согласны, товарищ Хрущев: разоружение выгодно всем государствам. Рабочий народ всего мира ждет от своих правительств скорейшего разоружения. Он хочет навсегда избавиться от ненавистных войн».

Семья Филатовых знает, что такое война. Михаил Федорович сражался и в гражданскую войну и во вторую мировую войну. Был тяжело ранен в ногу осколком снаряда. Во время артиллерийского обстрела Ленинграда гитлеровцами на заводе получил ранение старший сын, Федор; погиб на фронте младший сын, Николай. Тяготы войны пережила и дочь Валентина, добровольно служившая медсестрой.

«Из газет мы узнали,— продолжает писать Филатов,— что вице-президент США господин Никсон не хочет сокращать вооруженные силы. Ужасы войны не коснулись господина Никсона, он не потерял сына на войне, ему не приходилось работать под артиллерийским обстрелом, не пережил господин Никсон и блокады. А мы, ленинградцы, советские люди, знаем, что такое война! Правильно вы сказали, товарищ Хрущев, что нельзя забывать уроков прошлого. Мы их помним. И если кто вздумает нарушить мир — пусть пеняет на свою безумную голову. Мы сумеем постоять за себя...»

— Вот им, пожалуй, не придется видеть войны,— показывая на внуков, говорит Михаил Федорович.— Но чтобы этого не было, надо крепко бороться за мир!

Подписавшись, Филатов-старший передает авторучку жене, Евдокии Васильевне. Все члены большой рабочей семьи поставили свои имена под письмом Никите Сергеевичу Хрущеву, одобряя разумный и своевременный шаг Советского правительства.

К. ЧЕРЕВКОВ

Филатовы пишут письмо Н. С. Хрущеву

Фото А. Бахарева.

* * *

Мы сокращаем армию Законом
От имени своей Советской власти.
И шар земной по воле миллионов
Уже выходит на орбиту счастья.
Как рады нынче матери России:
К ним сыновья идут из гарнизонов!
Они их на руках своих носили,
Растили от пеленок до погонов.
Девчата наши нынче очень рады:
К девчатам возвращаются до срока
Гармоники, с которыми нет сладу,
И соловьи, и свадьбы... Издалёка
Их ждут поля, заводы и красавицы:
Идут солдаты до дому, до хаты.
Но это в мире кой-кому не нравится,
Хотя идут из армии солдаты.
Не нравится, что рады миллионы.
Но шар земной идет к орбите счастья
Уверенно и твердо по законам,
Открытым для него Советской властью.

Сергей ОРЛОВ

требует у себя в стране сокращения вооруженных сил? Да он не может существовать без армии! Не только для угнетения народов других стран, но и для охраны себя, своих подлых дел внутри страны, где он живет,— так произнес депутат далекого Севера.

— Правда. Нам внутри страны ныне армия не нужна,— вмешалась в разговор доярка из Рязанской области А. Ф. Ивкина, на отвороте пиджачка которой видны орден Ленина и золотая звездочка. Сказав это, она почему-то смутилась и быстро добавила: — Правда-правда. Зачем нам, например, армия на ферме? Лучше было бы, если бы наши мужья и женихи вернулись из армии к нам в колхоз: дела-то творим большие, нужна помощь мужчинская.

Эти слова вызвали одобрительный смех. Та́к ведь, как депутат от Рязани товарищ Ивкина, думают все советские люди. Они хотят мирно, творчески трудиться на пользу социалистического государства и добиться того, чтобы жить в коммунистическом обществе. В Стране Советов родилось самое важное, самое главное, то, что сплачивает людей в единую семью всех — больших и малых—народов,— это творческий труд, это естественное желание создавать материальные и духовные ценности, очень нужные нашему обществу. Доярка товарищ Ивкина за свой бескорыстный, честный и нелегкий труд получила от правительства высшую награду — звание Героя Социалистического Труда, но главное, она в творческом труде нашла свое счастье, свою радость, и ныне в таком труде весь смысл ее жизни. А разве она одиночка в славной Рязанской области, в той области, которая когда-то считалась самой нищей, забитой, полуграмотной, а ныне вот такими людьми, как товарищ Ивкина, выведена на передний план по добыче изобилия продуктов и поднята на высокую ступень культуры?.. Разве доярки других областей, краев и республик мыслят по-иному, нежели доярки Рязанщины? А разве трактористы, комбайнеры, не говоря уже о рабочих нашей мощной индустрии, нашей советской интеллигенции, помышляют о войне, о нападении на народы других стран? Да у нас в Стране Советов законом запрещено помышление о войне, не говоря уже о том, что устремление к грабительской войне противоречит моральному облику советского человека.

— Трудовая битва на уме у нас,— сказала Ивкина с трибуны после доклада Н. С. Хрущева.

— Мы на вооружение взяли не пушки, а кукурузу,— поддержал ее один из председателей колхозов.

А в самом деле, есть ли что лучше на земле, как трудовая битва?

...Десять минут подходят к концу.

Зал заседания, балконы переполнены депутатами, гостями... И председательствующий предоставляет слово Никите Сергеевичу Хрущеву.

Бурей аплодисментов присутствующие в зале встречают Председателя Совета Министров СССР. Никита Сергеевич не ждет, когда эта бу-

Сошлись в воскресенье почитать газету, потолковать по душам (слева направо): Н. Заяц, Н. Бабич, М. Корнейко, И. Гладкий.
Фото Н. Козловского.

НАША ДУМКА

В селе Требухове, что за Броварами, близ Киева, мы зашли в один из домов колхоза «Жовтень».

В просторной комнате сидели четверо за развернутыми газетами.

— Вот заканчиваем читать доклад товарища Хрущева и новый закон,— поднялся нам навстречу хозяин, Николай Денисович Бабич.— Слушали по радио, а теперь захотелось еще прочитать, вникнуть как следует. Правильно решил Верховный Совет! На самом деле: завоевывать чужие земли мы не собираемся, а свою, на случай чего, есть чем защищать. Так зачем держать под ружьем столько народу? Ведь в армии что ни человек, то золотые руки, золотая голова. Это же сила!

— Вы только посмотрите, как работают в нашем колхозе демобилизованные! Два Николая, Кузьменко и Овчиенко, водители машин; еще один Николай, Заяц (вот он, тут, за столом),— тракторист; рядом с ним Михаил Корнейко — прекрасный столяр; Алексей Бруденко— ветфельдшер. Да разве всех сразу вспомнишь! Хорошо работают, по-гвардейски. Ну, и живут тоже в достатке. Возьмите хоть меня, я тоже воином был, а теперь работаю механиком на пилораме. Жена моя в школе трудится. Домашний наш «гарнизон» — четверо детишек: двое в школу ходят, двое еще малыши... Дом этот, кирпичный, под шифером, недавно построили, и сад посадил — яблони, груши, сливы. Наше село и Никита Сергеевич хорошо знает, бывал у нас...

Пусть, кто хочет, едет к нам — дела хватит и для армейских и для флотских... Есть и десятилетка в нашем Требухове и музыкальная школа.

Дело наше правое. Потому у нас и лунники, и спутники самые высокие, и ракеты самые дальние, что руководство у нашего народа мудрое, дальновидное... Верно я говорю, Иван Павлович?

— Верно, Николай,— отвечает майор запаса Иван Гладкий.

— Правильно,— кивает Михаил Корнейко, колхозный столяр.

— Так вот, товарищ корреспондент, и напишите. Пусть все знают нашу думку.

Б. ПРИКОРДОННЫЙ

В ЦЕХЕ, КАК В СТРОЮ

С Сергеем Васильевичем Павловым мы встретились в литейном цехе автомобильного завода имени Лихачева.

— Одну минутку, сейчас освобожусь,— говорит он.

Во всем облике Павлова, начальника сварочного отделения, сразу чувствуется «военная косточка»: из-под рабочего халата выглядывает чистая гимнастерка с подшитым белоснежным воротничком; вся фигура складная, подбористая, движения неторопливые, четкие.

И вот мы беседуем о том, что волнует сегодня миллионы людей во всем мире.

— Доклад Никиты Сергеевича,— рассказывает Павлов,— я дважды слушал по радио, читал в газете. Закон о новом сокращении вооруженных сил отвечает думам и чаяниям каждого честного труженика.

По своему опыту знаю, что демобилизованные воины найдут себе работу по душе, смогут хорошо устроить свою жизнь. Был я кадровым офицером в артиллерии, командовал батареей. И, конечно, не без волнения расставался с армией около пяти лет назад. На заводе имени Лихачева меня тепло, дружески встретили, помогли быстро приобрести специальность, обеспечили жильем. Назначили сначала помощником мастера, потом мастером. Теперь я руковожу сварочным отделением большого цеха. Навыки руководства людьми я получил, командуя батареей.

Хорошо устроились и другие офицеры, мои однополчане. Капитан Николай Александрович Толмачев, например, заместитель командира по политчасти на моей батарее, уехал в совершенно незнакомый ему город — Богданович. Там ему дали квартиру, приняли учиться в техникум. Окончив техникум, Толмачев получил новую специальность.

Мне хочется от души сказать всем, кто по демобилизации скоро уходит из армии: наш дружный коллектив автозаводцев примет вас как друзей. Вы сможете работать и учиться: ведь при заводе есть институт и техникум!

А. ГОЛИКОВ

Сергей Васильевич Павлов, офицер запаса, начальник отделения в цехе на автозаводе имени Лихачева.
Фото Я. Рюмкина.

В Уральском политехническом институте. Слева направо: студент В. Десятник — лейтенант запаса, преподаватель Герой Советского Союза Н. Аникин, студент Б. Породнов — бывший военный летчик.
Фото И. Тюфякова.

ВЧЕРА — ВОИНЫ, СЕГОДНЯ — СТУДЕНТЫ

В широких коридорах Уральского политехнического института не умолкает гул голосов. Всюду обсуждается доклад товарища Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета.

— У нас в институте более тысячи бывших воинов, — рассказывает председатель студенческого профкома В. Е. Слободин.— В прошлом году на одно только дневное отделение было зачислено 229 недавних солдат и офицеров, а на заочное и вечернее отделения демобилизованных поступило втрое больше.

— Василий Десятник, студент второго курса физико-технического факультета, лейтенант запаса,— представился вошедший в комнату высокий юноша.

Познакомились мы и с другим лейтенантом запаса, Б. Породновым. Два года тому назад он был военным летчиком, а теперь — студент, будущий инженер.

Много бывших воинов и среди преподавателей института. Год назад в «Огоньке» мы писали о Герое Советского Союза Н. И. Сыромятникове. После демобилизации он окончил политехнический институт, затем стал здесь доктором технических наук, профессором.

Увенчан Золотой Звездой Героя и Н. А. Аникин — ассистент кафедры экономики машиностроения, в прошлом гвардии капитан, участник обороны Сталинграда.

Сейчас в институте начали готовиться к приему очередного армейского пополнения.

Г. АРОНОВ

ря смолкнет (бережет время), и спешно всходит на трибуну.

В первой части своего доклада Никита Сергеевич говорит о достижениях страны. Приводит разительные цифры о стремительном росте материальной и духовной культуры.

Но вот во второй части доклада глава Советского правительства не без волнения сообщает, что есть предложение сократить Советскую Армию на один миллион двести тысяч человек. И тут зал взорвался аплодисментами, и аплодисменты перешли в овацию. Но тут же, что было заметно по лицам депутатов, у всех мелькнула тревожная мысль:

«Да, это хорошо: один миллион двести тысяч физически крепких мужчин и юношей вернутся к мирному труду, к своим семьям. Но ведь за рубежом оголтелые империалисты не только бряцают оружием, но и готовятся к агрессии. Не слишком ли мы размахнулись с сокращением Советской Армии, не рановато ли? На Советскую страну все честные люди земного шара смотрят, как на светоч, вселяющий в них уверенность, что жить и трудиться гораздо лучше без капиталистов,— это уже давным-давно доказал наш народ. И вот, так резко сокращая армию, не подставляем ли мы бока агрессорам?»

Тревога закономерная.

И Никита Сергеевич, точно подслушав эту тревогу депутатов и гостей, сказал:

— Партия, правительство, весь советский народ горячо благодарят ученых, инженеров, техников, рабочих, знаниями и трудом которых достигнуты крупные успехи в деле создания атомного и водородного оружия, ракетной техники и всех других средств, позволивших так высоко поднять обороноспособность нашей страны, что, в свою очередь, дает возможность нам идти сейчас на дальнейшее сокращение вооруженных сил.

И еще сказал Никита Сергеевич:

— Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство могут доложить вам, товарищи депутаты, что оружие, которое у нас уже есть,— это грозное оружие, а то, что, так сказать, на выходе,— еще совершеннее, еще грознее.

И еще он сказал:

— Если агрессоры развяжут новую войну, то она будет не только их последней войной, но и гибелью капитализма, так как народы ясно поймут, что капитализм является источником, порождающим войны, и дальше не будут терпеть этот строй, несущий страдания и бедствия человечеству.

А дальше:

— Если все это учесть, то советские люди могут чувствовать себя спокойно и уверенно: современное вооружение Советской Армии вполне обеспечивает неприступность нашей страны.

Вот когда аплодисменты тысячи людей снова перешли в бурную овацию, говорящую всему земному шару:

«Мы, советские граждане, устремлены к одному — мирным и творческим трудом создавать материальные и культурные богатства, к чему призываем честных людей всех стран».

Трудящиеся стран социалистического лагеря, люди доброй воли, все, кто заинтересован в сохранении мира, сердечно приветствуют новую мирную инициативу Советского Союза.

Мир — высшее счастье

С исключительной радостью и безудержным восторгом, движимые вечной и нерушимой дружбой болгарского и советского народов, мы с благодарностью встретили доклад Н. С. Хрущева, закон «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР» и «Обращение Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик к парламентам и правительствам всех государств мира».

Доклад, закон и обращение взволновали всех, кому дорог мир, где бы они ни жили — на востоке или на западе, глубоко отозвались в сердцах нашего народа.

Болгарский народ стоит плечом к плечу с советским народом и жаждет мира как высшего счастья, как жаждут его все народы земного шара.

Заменить металл оружия металлом для заводов, танк — комбайном, бомбардировщик — мирным «ТУ-104» — все это будет новым толчком в сознании народов, в умах политических и государственных деятелей к тому, что мирное сосуществование государств с различным общественным строем является историческим фактом и жизненной необходимостью.

Миллионы сторонников болгаро-советской дружбы разделяют надежду Верховного Совета СССР на то, что новое одностороннее сокращение Вооруженных Сил Советского Союза послужит примером и для других государств, особенно для тех из них, которые располагают самой большой военной мощью.

Благодарим вас, советские братья, за вашу любовь к человеку, за великий пример, который может избавить народы от бремени вооружений, от страха и угрозы войны; за защиту мира во всем мире.

Цола ДРАГОЙЧЕВА,
председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы

Приблизим этот день

Хриплый вой несется из Бонна, из всех подворотен международной реакции. Сокращение Вооруженных Сил Советского Союза там тщатся изобразить как... угрозу.

Но народы утратили вкус к подобному фальшивому кликушеству. Народы видят то, что очевидно: в Советском Союзе каждый третий солдат возвращается домой. И народы спрашивают: а почему и у нас нельзя сделать то же?

Приближается время, когда политика разума станет сильнее, чем политика «с позиции силы». И я глубоко убежден, что новая советская мирная инициатива — крупный шаг вперед, к тому дню, когда армии всех стран мира будут распущены, когда все атомные и водородные бомбы будут утоплены в море.

Все мы и каждый из нас в отдельности должны своей работой, своим словом помогать тому, чтобы этот день наступил как можно скорее.

Стефан ГЕЙМ,
немецкий писатель

Глубокая благодарность

— Влияние вашего шага на весь мир огромно,— сказал нашему корреспонденту Поль Робсон по поводу нового сокращения Советских Вооруженных Сил.— Решение сократить армию бросает еще один вызов Америке. Историческое значение вашей инициативы в том, что вы прокладываете пути к полному разоружению, о котором говорил Н. С. Хрущев в Организации Объединенных Наций. Не случайно, что великая социалистическая страна сокращает свою армию. Социализм уверен в своей силе. Солдаты, вернувшись к мирной жизни, своим трудом сделают его еще могущественнее.

Потом Робсон берет блокнот и пишет быстро, взволнованно, мешая русские и английские слова:

«Очень счастлив быть с Вами. И самая глубокая благодарность советским людям, их великому лидеру Н. С. Хрущеву и тебе, Верховный Совет. Вы сделали замечательное дело, дав великолепный пример всему человечеству. Мы выиграем мир.

Поль РОБСОН».

И потом добавляет к подписи два слова: «Павел Васильевич». Так зовут Робсона его русские друзья.

ДЛЯ БЛАГОДЕНСТВИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Советский Союз еще раз доказал свое искреннее стремление к всеобщему разоружению, приняв решение об одностороннем крупном сокращении своих Вооруженных Сил. Замечательный миролюбивый акт Советского Союза — лучший ответ западному словоблудию о том, что советская политика мира — лишь «пропаганда». Этот акт получит огромный отклик и в Японии, он разоблачит политику перевооружения Японии и нового военного сговора с США как совершенно бессмысленную и изжившую себя.

Я выражаю свое глубочайшее уважение советскому народу, его правительству, премьеру Хрущеву за этот великий вклад в дело международного мира и благоденствия всего человечества.

Каору ЯСУИ,
председатель Всеяпонского совета за запрещение атомного и водородного оружия.

Я аплодирую

Глубоко впечатляющая речь премьера Хрущева на заседании Верховного Совета СССР будет принята с огромным энтузиазмом и надеждой в каждом, самом отдаленном уголке нашей планеты. Его откровенное, честное, глядящее вперед, умное заявление окажет огромное воздействие на общественное мнение.

Я капиталист, и я всем сердцем поддерживаю план мистера Хрущева о полном и всеобщем разоружении. Я аплодирую решению о резком сокращении Вооруженных Сил Советского Союза. Я полностью согласен с оценкой премьером Хрущевым хода переговоров по вопросу об испытаниях атомного оружия.

Выдающиеся ученые из 23 крупнейших стран, с которыми я близко связан, согласны со мной в том, что испытания ядерного оружия не должны быть никогда возобновлены и что использование ядерного, а также биологического и химического оружия должно быть навсегда и повсеместно поставлено вне закона.

Я полностью убежден, что премьер Хрущев говорит то, что он думает, и что его красноречивый призыв в сентябре к Объединенным Нациям о полном разоружении и его заявление в Верховном Совете были сделаны совершенно искренне и с глубокой верой.

Я решительно требую, чтобы Соединенные Штаты покончили с «холодной войной» и предприняли меры к установлению нормальных торговых отношений с Советским Союзом.

Сайрус ИТОН,
американский промышленник и общественный деятель

На пороге новой эры

Свыше десяти лет я участвую в движении сторонников мира. После второй мировой войны мне не раз доводилось обсуждать проблемы мира во Всемирном совете церквей и в различных других церковных организациях. И я всегда тяжело переживал факт растущего недоверия, которым были проникнуты мои коллеги на Западе. Всякий раз, когда я говорил о мирных устремлениях моей родины, Чехословакии, рассказывал о повторных мирных предложениях Советского Союза, я наталкивался на скептические вопросы, на мнение, будто всеобщее разоружение может осуществиться только тогда, когда будет обеспечен «абсолютный контроль» и решены чуть ли не все идеологические и политические вопросы, разделяющие человечество.

Речь Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 14 января, а также решение сессии о сокращении Вооруженных Сил СССР — самое убедительное и неопровержимое подтверждение мирной политики Советского Союза. Сегодня все человечество знает, что мирные предложения Советского Союза были всегда глубоко искренними; что они являются выражением силы, а не слабости; что инициатива в области разоружения повышает политический и моральный престиж Советского Союза; что на советскую инициативу этим государствам надо ответить подобным же образом.

Иозеф Ж. ГРОМАДКА,
доктор богословия, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

ПОВОРОТНЫЙ МОМЕНТ ИСТОРИИ

К. А. АББАС,
индийский писатель

6 января, в ответ на мою просьбу, мне была предоставлена счастливая возможность побеседовать с Председателем Совета Министров Советского Союза Н. С. Хрущевым.

Во время почти трехчасовой беседы Никита Сергеевич любезно и откровенно ответил мне на ряд моих вопросов. Меня интересовали самые различные вещи, начиная от судеб капитализма до построения коммунистического общества в СССР, от стихов и романов до идеи сосуществования.

Но когда я спросил, каковы будут следующие предложения Советского Союза по разоружению, Никита Сергеевич улыбнулся и попросил меня потерпеть с недельку. Он сказал, что ответ на мой вопрос я услышу на сессии Верховного Совета СССР.

И вот, когда 14 января в 11 часов утра Н. С. Хрущев поднялся на трибуну и более ста корреспондентов, сидевших вместе со мной на галерее для прессы, замерли в напряженном ожидании, меня охватило необычайное волнение.

Конечно, я предполагал, что, проводя твердую и последовательную политику мира, Н. С. Хрущев может сделать какие-либо конкретные предложения по вопросам разоружения. Но я никак не мог представить себе, что эти предложения могут оказаться такими смелыми и убедительными, как сокращение Советской Армии на одну треть!

Западная дипломатия так часто выступает со всякими лицемерными заверениями о своем миролюбии, что народы стали с недоверием относиться к заявлениям некоторых государственных деятелей. Чтобы слова возымели свое действие, они должны подкрепляться делами, поступками. И вот перед человечеством — благородный, ясный и конкретный поступок, подтверждающий каждое слово о мире, когда-либо сказанное Н. С. Хрущевым и другими представителями Советского Союза. Это не только пример, но и предложение великим державам Запада последовать этому примеру. Если США, Англия и Франция хотят, чтобы народы мира поверили их заявлениям о стремлении к миру, они тоже должны подтвердить свои слова не новыми заявлениями, а конкретными делами, столь же благородными и великими, каким является акт Советского Союза.

Я не могу не вспомнить сегодня грязную и злопыхательскую статью, напечатанную в 1951 году в специальном выпуске американского журнала «Кольерс». Там со злорадством говорилось о воображаемой «гибели» Советского государства в будущей мировой войне. Это, конечно, была подстрекательская и неумная пропаганда «холодной войны». Как глупо должны чувствовать себя сегодня авторы этой мерзкой писанины! Самым заклятым врагам социализма и Советского Союза должно быть ясно теперь, что они не в состоянии запугать, а тем более нанести поражения Советскому Союзу.

Что же касается миллионов миролюбивых людей на всем земном шаре, в социалистических и несоциалистических странах, то они, безусловно, будут приветствовать заявление Н. С. Хрущева как самый обнадеживающий и прекрасный залог мира — залог, которого ждет все человечество, уставшее от угрозы атомной войны.

Для миллионов людей в Азии и Африке, все еще страдающих под игом империализма, заявление Н. С. Хрущева имеет еще более важное значение. Советский премьер-министр заявил, что огромные средства, которые ранее тратились на вооружение, можно бы было использовать на оказание экономической помощи слаборазвитым странам. Индийский народ, как один из народов, получающих помощь от Советского Союза, несомненно примет с радостью мудрое и высокогуманное решение Верховного Совета.

Решение Верховного Совета — не просто сокращение вооруженных сил. Это поворотный момент в современной истории. Человечество решительно отворачивается от мрачных и пагубных перспектив войны и уверенно вступает на путь к миру.

ТРИО ОБАНКРОТИВШИХСЯ ПОЛИТИКАНОВ

Сторонники «холодной войны» типа известного американского миллиардера губернатора штата Нью-Йорк Рокфеллера, бывшего президента США Трумэна и бывшего государственного секретаря Ачесона тянут старую ноту «холодной войны», запугивая «угрозой коммунизма».

Рис. Д. Циновского.

Париж, площадь Сталинграда

Г. БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

В пять часов вечера Париж возвращается с работы. Самое время продавать газеты. Поль Посси не так уж стар, но 28 лет своей жизни он занимается именно этим. Девять лет он продает газеты на площади Сталинграда. Его фанерная будочка, даже не будка, а просто три стенки с полкой посередине для газетных кип, примостилась у самого выхода из метро. Через каждые две — три минуты оттуда выкатывается на площадь толпа людей.

Поль разговаривает со мной и одновременно успевает ловко отсчитывать сдачу, вручить газету, сказать «Мерси, мосье» или крикнуть «Купите «Франс суар».

— Ого, сокращение Советской Армии. Это настоящая сенсация! — говорит Поль.— Особенно для наших рабочих кварталов. Вы посмотрели бы, что тут делалось около моей будочки в тот вечер. Шутка ли, миллион двести тысяч солдат из армии — по домам! Такие новости приятно продавать. Вы знаете, по вечерам, после работы, не так-то уж хочется заниматься политикой. Люди предпочитают что-нибудь полегче — спорт, происшествия,— а тут рвали газеты из рук!.. У нас не буржуазный квартал, народ откровенный: что на уме, то и на языке. Рады, по-настоящему рады все... А тем, кто не рад, приходится помалкивать. Я читаю газеты. После того, как вы лунник запустили, после того, как Хрущев съездил в Штаты, предложил разоружаться, о вашей стране куда меньше стали писать пакостей. Ничего не поделаешь, успехом не пользуется пакость.

...А люди идут и идут. В рабочих блузах, в беретах, в пиджаках, больше потрепанных. Коренастый мужчина в старенькой куртке, в берете подошел к Полю, молча кивнул, молча дал деньги, молча взял газету и устало пошел в сторону канала Сен-Мартен. Я остановил его. Он посмотрел на меня не очень приветливо: «Что нужно?» Но, услышав вопрос, ответил сразу, будто обдумывал его давно:

— Это здорово, вот что скажу я! Очень здорово! Все наши ребята — шоферы такси — рады. Вы первые сделали это. Теперь надо, чтобы и другие. Если другие — американцы, англичане, французы — не пойдут за вами, вы окажетесь в худшем положении. Я не хотел бы этого. И наши ребята тоже. Но ничего, риск тут нужен... Фамилия моя Филипп, зовут Люсьен. Шофер такси. До свидания!

Площадь Сталинграда неказиста на вид, она не очень чиста и очень шумна. Уже смеркается, магазины зажигают огни. Больше всего света от кафе с музыкальным названием «Ля мандолина». Возле кафе на тротуаре — длинная стойка. Пожилая женщина продает устрицы. Торговля идет не очень-то бойко, и мадам Марсель Бонн-Росси охотно беседует со мной. Она арендует это место у владельца кафе вот уже двадцать лет. Это самый крупный «устричный пункт» во всем 19-м округе Парижа. Она произносит это с гордостью и, видимо, для пущей важности закладывает за ухо толстую вечную ручку.

— Я очень часто слышу разговоры о России,— говорит мадам Бонн,— особенно в последнее время. Ведь вы знаете, к нам едет мосье Хрущев. А дня два тому назад писали в газетах, что вы разоружаетесь сами. У нас только об этом и разговоров. Очень хорошо вы сделали, очень! Может быть, действительно никогда не будет войны! — Она на мгновение задумывается: — Ведь у меня два сына. И потом, никто не ест устриц во время войн. Тот хозяин, что продает устрицы напротив,— кстати, не очень свежие, у меня прямо с моря,— его зовут тоже Марсель, моложе меня на 7 лет. Он поет такую песню: «Если бы парни всей земли...» Хорошая песня.

— У нас, в Советском Союзе, тоже есть такая песня, мадам,— говорю я.

— Неужели?! Это замечательно!.. Попробуйте моих устриц, я угощаю вас бесплатно, за разоружение!..

Человек со светлыми, заботливо расчесанными усиками под красивым, тонким носом, одетый несколько щегольски, во всяком случае лучше других здесь, на площади Сталинграда, приехал не на метро, а вышел из машины. Он оказался торговым агентом одной из крупнейших во Франции бумажных фабрик. Зовут его Луи Лежен.

— Это очень хорошо! — ответил он на наш вопрос.— Очень хорошо, что так начинаются шестидесятые годы! Значит, открывается новая эра. Когда-то дрались провинции между собой, потом начали драться государства с государствами. А пора кончать, хватит! Не правда ли? Надо договариваться, а не драться. Хрущев подает пример всему миру. Те, кто хочет войны, должны понять: идея захвата земного шара — чепуха теперь! В наше время она устарела. Гитлер хотел ее возродить и плохо кончил. Не правда ли? Значит, надо отбрасывать войны. Нельзя уничтожать людей только за то, что каждый из нас хочет жить по-своему. Очень хорошо Хрущев начал шестидесятые годы. Очень хорошо! Не правда ли?

Париж.

По приглашению Президента Республики Индии Раджендра Прасада и индийского правительства 19 января из Москвы в Дели отбыли на самолете «ТУ-104» с визитом доброй воли Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов и депутат Верховного Совета СССР Е. А. Фурцева. На снимке: проводы на Внуковском аэродроме.

Фото А. Новикова.

ЦВЕТЕТ ДЕРЕВО ДРУЖБЫ

Н. ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Гости из Советской страны — Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов, депутат Верховного Совета Е. А. Фурцева вместе с другими членами советской делегации отправились утром 21 января на окраину столицы Индии. Там на широком зеленом поле стоит скромный памятник, и высокая ограда обрамляет большую каменную плиту.

Дели — один из тех немногих городов мира, облик которых высекало время в течение долгих тысячелетий. Здесь много исторических памятников, очень древних и новых. Но среди них нет более почитаемого места, чем этот большой треугольный камень. Каждый день сюда приходят люди Индии: землепашцы и профессора, пастухи и поэты, каменотесы и государственные мужи. Они приносят с собой яркие цветы, и лепестки их осыпаются на серую поверхность камня. Так они чтят память великого сына индийского народа, гуманиста и просветителя, борца за независимость страны — Мохандаса Ганди.

По здешнему обычаю, члены советской делегации сняли обувь и по мощенной камнем дорожке понесли большой венок алых цветов. Возложив венок, делегаты несколько минут стояли в торжественном молчании над прахом великого Ганди. Тишина. Слышно, как поют птицы на деревьях парка, раскинувшегося вокруг. Парк этот разбит недавно. Деревья здесь еще молодые, но буйно идущие в рост, зеленеющие под лучами благодатного солнца. И когда глядишь на парк, на юные его деревца, кажется, что они символизируют новую Индию. Ее свобода и независимость еще молоды, а страна бурно развивается и растет, народ смело шагает в будущее.

В этом молодом парке высокие гости из Советской страны решили посадить и свое дерево. В парке появилось новое растение. Оно именуется коралловым деревом, ибо цветет большими красными цветами. Но сегодня все его называют деревом дружбы.

Товарищи К. Е. Ворошилов, Ф. Р. Козлов и Е. А. Фурцева полили его водой. Закончив посадку, К. Е. Ворошилов сказал:

— Пусть растет это дерево, пусть оно расцветает, как растет и крепнет дружба советского и индийского народов на благо мира и прогресса!

С первого момента нахождения на индийской земле почетные гости из Советского Союза оказались в атмосфере необыкновенной теплоты и сердечности. Самое скрупулезное перечисление всех подробностей тщательно разработанной торжественной церемонии встречи на аэродроме не сможет передать эту атмосферу дружбы.

После приема почетного караула из всех родов войск, представления высших официальных лиц и дипломатов члены делегации направились к огромной толпе делийцев, собравшихся на аэродроме. Десятки венков из живых цветов одевали на К. Е. Ворошилова, Ф. Р. Козлова, Е. А. Фурцеву. Но вот через головы собравшихся к Клименту Ефремовичу Ворошилову тянется чья-то рука с аленьким букетиком цветов. Климент Ефремович берет букет, пробирается к его владельцу, крепко обнимает и целует его.

Одиннадцать миль расстояния отделяют аэродром от дворца Президента Республики — резиденции делегации Советского Союза. Вдоль этого украшенного пути тысячи жителей индийской столицы горячо приветствовали посланцев великой дружественной державы. Дети, женщины и старики, люди из всех слоев общества с букетами цветов, под звуки национальной музыки торжественными выкриками и аплодисментами приветствовали гостей. Перед величественным дворцом Президента Председатель Президиума Верховного Совета СССР принял торжественный парад президентской гвардии, одетой в красные, расшитые золотом мундиры.

В 6 часов вечера премьер-министр Индии Джавахарлал Неру нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР. Они встретились как старые друзья. Кинооператоры, фотокорреспонденты заработали аппаратами.

Показывая на них, Климент Ефремович Ворошилов шутя сказал:

— Нам придется подвергнуться серьезному обстрелу.

— Как хорошо, если бы все люди на земле стреляли таким образом! — ответил Неру.

— Это совершенно справедливо,— согласился К. Е. Ворошилов.— Мы сообща можем трудиться для этой цели.

Я передаю из павильона СССР на Международной сельскохозяйственной выставке. Только что советские гости осмотрели павильоны Индии. Здесь ярко рассказывается о достижениях Индийской Республики за годы независимости. Во второй половине дня советский павильон на выставке посетят Президент и Премьер-министр Индии.

Пребывание делегации Советского Союза в Индии вылилось в яркую демонстрацию дружбы двух народов. Впереди еще посещение многих городов, предприятий, провинций, много встреч с талантливым, свободолюбивым народом Индии.

Дели. По телефону.

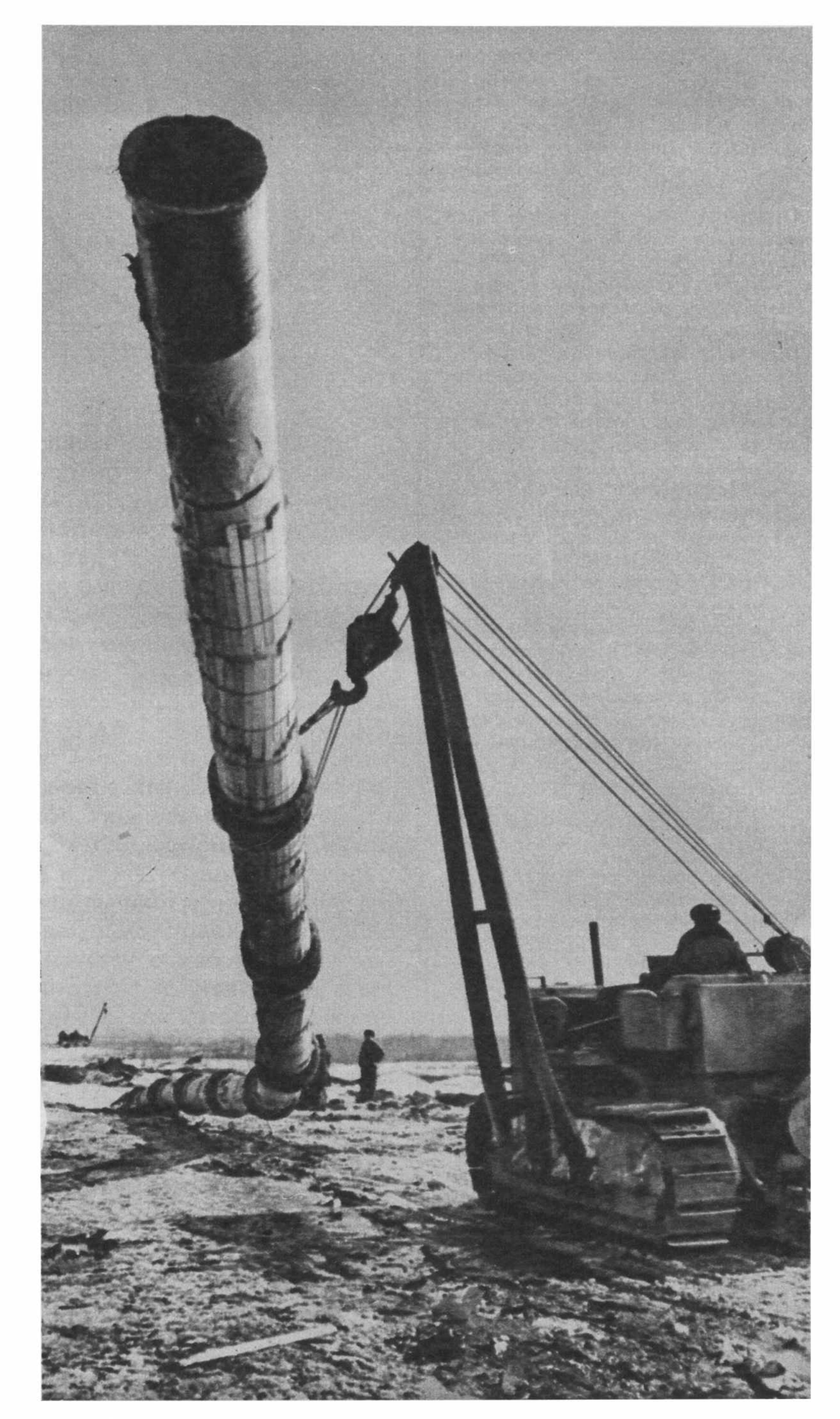
Тепло встретили в Дели товарищей К. Е. Ворошилова, Ф. Р. Козлова и Е. А. Фурцеву. Среди встречавших на аэродроме были Президент Индии Раджендра Прасад, Премьер-министр Джавахарлал Неру и другие официальные лица.

Фото автора. (Принято по фототелеграфу.)

Тимофей ГОНТА

ШЕБЕЛИНКА

На одном из участков строительства газопровода Шебелинка — Брянск.
Фото И. Рабиновича (ТАСС).

Тайны балок

Человек среднего роста, плотный, с непокрытой, наголо обритой, коричневой от загара головой медленно поднимался широкой балкой. Он был одет в темную рубашку с закатанными рукавами, выгоревшие черные молескиновые брюки и грубые рабочие ботинки. За плечами у него был рюкзак, на ремне через плечо висела полевая сумка, а в руках он держал остроносый молоток с длинной ручкой.

Некоторые могут подумать: от балки, по которой шел путешественник, до Харькова всего 80 километров, и поэтому здесь нечего искать исследователю, это же давно обжитые людьми места, а не дикая тайга в Сибири.

Но геолог Николай Филиппович Балуховский — так звали путника — был убежден, что и в этих краях еще не разгаданы все тайны природы, что и тут в подземных кладовых могут храниться нужные человеку сокровища...

Балуховский привычно и кропотливо делал свое дело, а где-то внутри его грыз червячок нетерпения. Мысли невольно возвращались к тому, что привело его сюда, на высокий и крутой правый берег Северного Донца.

Ученик крупнейшего советского ученого, академика Ивана Михайловича Губкина, Балуховский, окончив в 1926 году Московскую горную академию, долго работал под его руководством.

В конце 1936 года Балуховский приехал на родную Украину, работал в Днепропетровском геологическом бюро, Украинском геологическом управлении. Воспитанник той же Московской горной академии, ученый Николай Сергеевич Шатский еще в начале тридцатых годов высказал предположение, что в Днепровско-Донецкой впадине, под Ромнами, на Сумщине, и под Исачками, на Полтавщине, имеются соляные купола, возможно, связанные с нефтью. И действительно, в 1937 году мелкая поисковая скважина под Ромнами впервые на Восточной Украине открыла залежи нефти. Вскоре проблемой восточноукраинской нефти занялся и старший научный сотрудник Института геологических наук Академии наук УССР Балуховский.

Но он пошел от Сумщины и Полтавщины дальше на восток. В 1941 году обнаружил нефть у села Петровского на Харьковщине. Война помешала ему тогда закончить исследования. Собранные материалы, составленная геологическая карта пропали, и только в 1946 году он завершил начатую до войны работу...

И вот Балуховский проводит геологическую съемку местности между Петровским и Змиевым. Он твердо верит: на северо-западных окраинах Донбасса обязательно должны быть месторождения нефти или природного газа, их надо только найти.

Петровский купол — разрушенная водой, ветром и солнцем геологическая структура. Там Балуховский обнаружил лишь жалкие остатки когда-то богатой нефтяной залежи. Значит, теперь надо искать по соседству другую, сохранившуюся, неразрушенную структуру. Балуховский посмотрел на видневшиеся впереди строения и сады села Шебелинки, к которому вела балка. Где-то там дальше надо искать ответ на возникший вопрос.

Пробуждение степи

На буграх правого берега Северного Донца появились невысокие трехногие вышки. Разведчики бурили скважины на глубину 300—500 метров. Исследованиями руководил опытный геолог Владимир Романович Литвинов.

Балуховский составил геологическую карту Шебелинской структуры по обнажениям горных пород, а Литвинов—по данным пробуренных его партией скважин. Оба геолога встретились в Киеве и сравнили свои карты.

Да, обе карты говорят об одном: здесь действительно таятся большие богатства.

...Двухэтажный дом в районном городке Ромны. В непритязательно обставленном кабинете, рассматривая разложенные на столе геологические карты, неторопливо разговаривали четверо.

Докладывал коренастый, черноволосый, с немного скуластым лицом главный геолог треста «Укрвостокнефтеразведка» Самуил Евельевич Черпак. Сын бакинского рабочего и сам в молодости рабочий, он окончил Московский нефтяной институт, потом, как и Литвинов, работал в Грозном и Башкирии, в 1941 году ушел на фронт.

— Надо на Шебелинской структуре закладывать глубокую разведочную скважину,— к такому выводу пришел Черпак.

— Она обязательно даст нефть или газ,— сказал Балуховский.

Литвинов взглянул на Балуховского, пригладил зачесанные назад темные волосы, строго свел брови над горячими глазами и подтвердил:

— Я тоже не сомневаюсь в успехе.

— Геолог не может не быть оптимистом! — заметил Горев и закурил папиросу.

Остальные молча смотрели на него.

Горный инженер Николай Алексеевич Горев еще до войны, когда впервые были найдены признаки нефти под Ромнами, приехал сюда; был старшим инженером участка бурения, директором геологоразведочной конторы, парторгом ЦК партии в тресте. Всю войну воевал. Демобилизовавшись в звании майора, возвратился на Украину, работал главным инженером треста, потом стал его управляющим. Он должен был принять окончательное решение и поэтому старался поглубже вникнуть во все детали произведенной геологами работы. Тем более, что до сих пор их преследовали неудачи — и под Ромнами, и под Исачками, и в других местах.

Горев решительно тряхнул гривой каштановых волос.

— Ну что ж, товарищи, я согласен: давайте попытаем счастья еще и здесь.

...Это было в ясный, солнечный день. На берегу Донца сел самолет «ПО-2». Из самолета вылез Черпак. Его здесь поджидал приехавший на грузовой машине старший геолог Изюмской экспедиции Леонтий Сергеевич Палец.

— Ну как, будем фуражку бросать? — Живое, выразительное лицо Леонтия Сергеевича было серьезно, а глаза смеялись.

— Сначала определимся,— солидно ответил Черпак и достал из полевой сумки геологическую карту.

Посмотрели карту, походили по желтой стерне и буреющей траве.

— Вот здесь,— наконец сказал Черпак, найдя место, соответствующее отмеченному на карте.

Именно оно, по расчетам Балуховского и Литвинова, находилось в наиболее высокой части структуры — там, где вероятнее всего можно было найти залежи нефти и газа. От указанной на карте точки разрешалось отойти на 50 мет-

ров в любую сторону. Но местность тут была кругом ровная.

— Бросай фуражку, Самуил Евельевич!

Черпак высоко подбросил свою фуражку. Там, куда она упала, забили кол.

Бурение начали уже зимой; оно шло хорошо. Скважина к весне углубилась ниже тысячи метров. И вдруг при бурении из нее ударил газовый фонтан. Бурильный инструмент так и остался на забое: поднять, выхватить его из скважины не удалось. Ее еще не обсадили стальными трубами, и ствол обвалился, намертво прихватив бурильный инструмент. Эту первую скважину не сумели спасти, она погибла, но всем уже было ясно: здесь, в недрах,— природный газ.

И не только газ. Когда скважину испытывали через прихваченные бурильные трубы, вместе с газом получили бензиново-керосиновый конденсат.

Так весной 1950 года было открыто Шебелинское газовое месторождение...

Грифоны стерегут богатства...

Летом 1951 года на Шебелинку приехал бурильщик Дмитрий Иванович Саенко. До этого он работал в Баку, затем — в Монголии. Шебелинская разведка только начала развиваться, все здесь еще было не устроено, людям приходилось тяжело. Своего жилья пока не было; как и другие буровики, Саенко с семьей поселился в доме колхозника в ближайшем селе.

Условия бурения на Шебелинке тоже были трудными: очень коварны тут недра, цепко держат в каменных оковах свои сокровища!

...Это была восьмая по счету скважина, которую мастер Саенко бурил на Шебелинке. Официально она именовалась скважиной № 106. Предыдущую, № 111, бригада закончила на девятнадцать дней раньше срока и дала на ней еще невиданную на Шебелинке среднемесячную скорость проходки — 1 080 метров. Именные золотые часы с надписью «За скоростное бурение» и пять тысяч рублей премии получил за это Саенко.

И вдруг беда! Ночью на скважине № 106 произошла авария: вокруг вышки вдруг возникли газовые грифоны.

Нефтяники прозвали грифонами страшные для них боковые выходы струй газа, отделившиеся под землей от его главного источника. Глубоко в недрах запрятан газ. На Шебелинке он обладает давлением в 200—240 атмосфер. Едва скважина доходит до газоносного горизонта, как газ с огромной силой устремляется в нее. И вот если здесь на его пути вдруг возникнет какая-нибудь преграда, он всячески будет стараться ее обойти, будет искать малейшие щели, рыхлые породы, чтобы пробиться через них. А вырвавшись наружу, со свистом и ревом бросается песком, глиной, галькой — всем, что, прогрызая, расширяя новый ход, он увлекает с собой. Это опасность для вышки, которая может просесть, а то и провалиться в подземные пустоты, образуемые грифонами...

День и ночь, сменяясь поочередно, Григорий Васильевич Ручка, Алексей Филиппович Домашенко, Григорий Иванович Манукало, все буровики боролись с грифонами. Дизели на буровой молчали, люди работали лопатами, осторожно: малейшая искра — и газ вспыхнет. А тогда огнем охватит вышку, фонтанирующая скважина превратится в настоящий вулкан.

Особенно опасный грифон выбился возле шурфа, в центре которого находилось устье скважины. Под разрушительным его действием тут образовалась воронка.

Саенко дневал и ночевал на буровой. Жена привозила поесть и со страхом смотрела на воющие вокруг буровой грифоны.

Восемнадцать суток воевала бригада с грифонами. И победила их. Автомашины навозили гору песка. Пришли могучие цементировочные агрегаты. Почти двести тонн цемента закачали в скважину и засыпанную песком опасную воронку у шурфа. И заглушили, уничтожили грифоны.

И не только спасли скважину, а даже сумели наверстать потерянное на борьбе с аварией время. На четырнадцать дней раньше срока они кончили бурение скважины, давшей потом хороший газовый фонтан.

Мудрая сила строителя

Вскоре на Шебелинке была организована контора бурения. Ее главным геологом назначили Бориса Семеновича Воробьева. На Шебелинке он начинал со старшего геолога участка, испытывал первую благополучно пробуренную разведочную скважину № 3, а потом в течение четырех лет возглавлял геологическую службу конторы бурения. Теперь он главный геолог Управления газовой и нефтяной промышленности Харьковского совнархоза.

Шебелинское «голубое топливо» ныне поступает в Харьков, Днепропетровск, Днепродзержинск, Запорожье, Кривой Рог, Никополь, Белгород, Курск и через Брянск — в Москву. Капиталовложения в строительство харьковского и днепропетровского газопроводов окупились за пять и шесть месяцев их эксплуатации. Шебелинка давно с лихвой оправдала все затраты на разведку, которая велась в восточной части Украины в последнюю четверть века. В дальнейшем шебелинский газ получат города юга Украины и Молдавии. На базе шебелинского газа возникнут крупные химические предприятия, которые будут вырабатывать из него синтетические материалы и пластические массы.

За открытие и разведку Шебелинского газового месторождения Николай Филиппович Балуховский, Борис Семенович Воробьев, Николай Алексеевич Горев, Владимир Романович Литвинов, Леонтий Сергеевич Палец и Самуил Евельевич Черпак удостоены Ленинской премии. А депутату Верховного Совета Украинской ССР Дмитрию Ивановичу Саенко присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...Максим Горький однажды замечательно сказал о наших людях: «...в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя... нужно ей дать волю развиться и расцвести, чтоб она обогатила землю еще бо́льшими чудесами».

Люди, открывшие и давшие стране шебелинский газ, обладают мудрой силой строителя.

День рождения Чехова: 29 января — наш праздник, товарищи! Отметим этот день с таким чувством, с каким празднуют у нас в каждом доме и в каждой семье день рождения близких и дорогих людей — отцов, сыновей, братьев. Родившийся сто лет назад в пыльном, провинциальном Таганроге мальчик, который пришел тернистым путем лишений и исканий, неусыпного писательского труда к всенародному признанию, достоин такой чести.

Трудно найти сейчас человека, который не знал бы и не любил Чехова. Его книги читают и любят все, кто только умеет читать. Чехов — истинно народный писатель. Страницы его книг шелестят не только в уютной тишине библиотечных залов. Томики рассказов Чехова мы найдем и в вагончиках полевых станов, и во «времянках» строителей сибирских ГЭС, и в походном рюкзаке геолога, разведывающего тайгу, и в сумке моряка, несущего службу где-нибудь в южных широтах.

Всегда открыто смотрел Чехов правде в глаза, никогда не терял высокого уважения к человеческой личности, веры в нравственное достоинство людей. Да, много еще несправедливости, зла и житейской грязи на земле, словно говорил Чехов своему читателю, но будущее светло и прекрасно, надо только, не покладая рук, трудиться для него.

Красота, счастье и свобода — это для Чехова не удел избранных, а естественная норма жизни любого человека на земле. Вместе с Липой, героиней своей прекрасной повести «В овраге», Чехов верит, что «все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью». И, может быть, от этого предчувствия счастливой жизни в чеховских книгах так много лирики, поэтической одухотворенности и нежной грусти, грусти оттого, что полное, истинное счастье, по которому болит душа чеховских героев, узна́ют лишь люди грядущих поколений.

Чехов дорог нам своим неиссякаемым жизнелюбием. Это он говорит устами одного из своих героев: «Я готов был обнять и вместить в свою короткую жизнь все, доступное человеку. Мне хотелось и говорить, и читать, и стучать молотом где-нибудь в большом заводе, и стоять на вахте, и пахать. Меня тянуло и на Невский, и в поле, и в море — всюду, куда хватало мое воображение».

Сегодня нельзя не вспомнить и о художественном мастерстве Чехова. Недаром Лев Толстой называл его «Пушкиным в прозе». Русская речь в ее изящной простоте и музыкальности была доведена Чеховым до высокого совершенства.

Творчество Чехова оказало большое влияние на всю новейшую литературу мира. Ныне Чехова издают, ставят на сцене, читают и изучают в Англии и Франции, Польше и Чехословакии, Японии и Китае. Чеховская традиция живет в творчестве многих крупных писателей Запада и Востока. Но все-таки ближе всего творчество Чехова советским писателям. Не лишним будет вспомнить признание Михаила Шолохова: «Вот, например, Чехов. Казалось бы, что общего между мной и Чеховым? Однако и Чехов влияет. И вся беда моя и других, что влияет еще на нас мало».

«Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл»,— писал о Чехове Горький.

Отмечая сотую чеховскую годовщину, мы с гордостью и нежностью вспоминаем о замечательном русском писателе-гражданине.

С днем рождения Чехова, дорогие читатели!

*Желание служить
общему благу должно
непременно быть
потребностью души,
условием личного
счастья...*

А. Чехов

Рисунок
И. ГРИНШТЕЙНА.

Дом-музей А. П. Чехова в Ялте.

Спальня А. П. Чехова в Ялтинском доме-музее.

Музей А. П. Чехова в Москве. Здесь Антон Павлович жил с 1886 по 1890 год.

Фото И. Тункеля.

В. Серов. А. П. ЧЕХОВ. 1902 год.

БЫЛ, ЕСТЬ И БУДЕТ ПРЕКРАСЕН

Корней ЧУКОВСКИЙ

I

У Чехова есть откровенно тенденциозный рассказ «Именины», все содержание которого сводится к единственной заповеди: не лги никому, никогда, ни при каких обстоятельствах.

Это даже не рассказ, а моральная притча о том, как смертельно опасна самая невинная ложь. Празднуется день именин в зажиточной помещичьей семье. Приезжают гости, поздравляют, причем дело, как всегда, не обходится без маленьких общепринятых притворств и обманов, за которые Чехов беспощадно казнит героиню самою страшною казнью: у нее, жаждавшей материнства, как счастья, рождается мертвый ребенок.

Не слишком ли сурова эта кара? Но весь рассказ для того и написан, чтобы продемонстрировать с неотразимой наглядностью, что даже малейший обман влечет за собой грозные катастрофы и бедствия.

Здесь Чехов не признавал никаких компромиссов. Еще незрелым юнцом он напечатал очень наивный рассказ «Он и она», в котором попытался отнестись снисходительно к некоему моту и пьянице лишь за то, что герой рассказа был боевым правдолюбцем, никогда не мирившимся с ложью.

За это жена героя прощает ему все прегрешения.

«Когда кто-нибудь,— говорит она,— (кто бы то ни было) скажет ложь, он поднимет голову и, не глядя ни на что, не смущаясь, говорит:

— Неправда!

Это его любимое слово... Не всякий умеет сказать это хорошее, смелое слово, а муж мой произносит его везде и всегда».

Рассказ написан неумелой рукой, и, может быть, поэтому в нем с особенной прямолинейностью высказана заветная мысль писателя: человек должен, не опасаясь ничего, бросать в лицо кому бы то ни было «хорошее, смелое слово»:

— Неправда!

Сам Чехов в те юные годы тоже охотно прощал человеку все слабости, если замечал у него такое же пристрастие к правде. Существовал в Москве исписавшийся, вечно нетрезвый стихотворец Л. Пальмин, и, конечно, многим казалось нелепостью, что Чехов отдает ему столько часов своего воистину драгоценного времени. Чехов в одном из писем объяснил эту странность так: «... можете быть уверены, что за все 3—4 часа беседы Вы не услышите ни одного слова лжи...»

Самое бранное слово в чеховском словаре было «ложь».

«Что за ужас иметь дело со лгунами!» — писал он одному из таких же лгунов о каком-то художнике, пытавшемся продать ему имение.

«Продавец художник лжет, лжет, лжет без надобности, глупо — в результате ежедневные разочарования. Каждую минуту ожидаешь новых обманов... Художник делает вид, что предан мне всей душой, и в то же время учит мужиков обманывать меня».

И замечательно: почти все его разочарования в людях, к которым он был искренне привязан в ранние годы своей писательской жизни,— а таких разочарований выпало ему на долю немало — объясняются именно тем, что эти люди в огромном своем большинстве оказались далеко не такими приверженцами полной и безоглядной правдивости, какими он считал их вначале.

Раньше всего «затрещала» его привязанность к Лейкину, редактору журнала «Осколки», в котором Чехов усердно сотрудничал еще со студенческих лет. Присмотревшись к нему несколько ближе, Чехов писал своему старшему брату: «...скотина, чуть не задавил меня своею ложью...»

И снова через месяц: «Хромому черту не верь. Если бес именуется в св. писании отцом лжи, то нашего редахтура можно наименовать по крайней мере дядей ее... Вообще лгун, лгун и лгун...»

Та же причина заставила Чехова порвать с Григоровичем, к которому он на первых порах отнесся, как известно, с порывистой и почтительной нежностью.

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель,— писал он Григоровичу в середине восьмидесятых годов,— поразило меня, как молния... Как Вы приласкали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость...»

Но прошло несколько лет, и Чехов стал писать о своем «благовестителе» так: «...Те, которые давали обед приезжавшему Григоровичу, говорят теперь: как много мы лгали на этом обеде и как много он лгал!»

И в другом письме: «Вчера приходил Григорович... врал».

И снова: «Врет он».

И сделал из всего этого единственный вывод: «Был когда-то еще Григорович, да сплыл». Это написал он старому поэту, к которому долго относился с сыновней привязанностью.

Но когда поэт, получив на старости лет очень большое наследство, стал разыгрывать из себя чванного барина и оказалось, что он тоже далек от чеховского идеала правдивости, Чехов отошел и от него: «Надо быть большой овцой, чтобы... верить в его дружбу».

Так он написал своему другу Суворину, не предвидя, что через несколько лет придется написать то же самое и о нем, о Суворине, к которому он на первых порах прилепился душой, неизменно восхищаясь его «искренностью», «страстью», «чуткостью». Лишь к середине девяностых годов Чехову мало-помалу удалось разглядеть, что это падший, растленный, циничный и, главное, фальшивый старик, весь продавшийся реакционному лагерю, не стоивший ни одного из тех простодушно-доверчивых писем, которые Чехов писал ему в таком изобилии.

В конце концов окончательное суждение Чехова об «искреннем», «страстном» и «чутком» Суворине свелось все к тому же суровому приговору, который был вынесен и другим недавним друзьям:

«Суворин лжив, ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты...»

Конечно, были и другие причины, которые заставили его порвать приятельские связи с

Сувориным, но можно ли сомневаться, что «ужасная лживость» его бывшего друга сыграла здесь не последнюю роль!

Вообще большой, до сих пор не разгаданной загадкой представляется то обстоятельство, что Чехов, глубокий психолог, так долго не мог разобраться в тех людях, которые окружали его, и лишь потом, словно внезапно прозревший, увидел, что верить в их дружбу немыслимо. «Новых привязанностей нет,— признавался он в 1892 году,— а старые ржавеют мало-помалу и трещат под напором всесокрушающего времени».

Правда, с некоторыми из своих прежних друзей он все еще по инерции продолжал переписываться, но душевная тональность его переписки стала совершенно иной. И оттого так разительно непохожи последние три тома его писем на первые три. Словно написаны другим человеком! Из присущей ему деликатности он нередко сохранял в своих письмах видимость былого дружелюбия, но уже никому не писал нараспашку, стал холоднее и замкнутее, и, главное, из его писем совершенно исчезла та богатая словесная живопись, которой буквально сверкали первые три тома — вплоть до середины девяностых годов. Там он был готов без конца рисовать для друзей и родных все, что ни попадется ему на глаза: крестный ход, казацкую свадьбу, вагонного попутчика, степь; здесь ни красок, ни образов, словно ему уже не с кем делиться щедротами своей чеховской живописи.

Неизвестные автографы

Много лет назад, перебирая растрепанные и истерзанные книги на одном из книжных развалов, я нашел в жалком, самом бедственном состоянии книгу А. Чехова «Остров Сахалин» с дарственной авторской надписью Николаю Владимировичу Алтухову. Алтухов был прозектором Московского университета, однокурсником Чехова по медицинскому факультету.

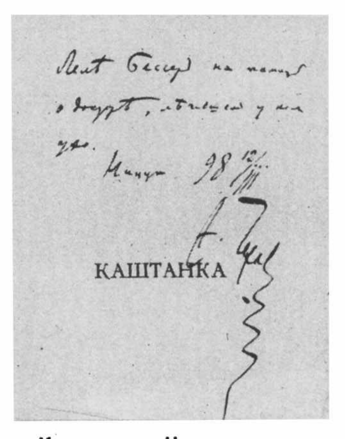
Я принес эту пострадавшую от времени книгу домой, отдал ее старому переплетчику, всегда принимавшему близко к сердцу судьбу книг, и он вернул книге жизнь: в отличном переплете стоит она у меня в шкафу и поныне.

Несколько лет спустя в мои руки попала другая книга Чехова, «Дуэль», с его автографом, подаренная актеру Александринского театра Павлу Матвеевичу Свободину, к которому Чехов испытывал чувство нежной дружбы. Свободин играл в пьесах Чехова роли Шабельского в «Иванове», Светловидова в «Калхасе», Ломова в «Предложении».

Из чеховской надписи на книге можно узнать, что Павла Матвеевича Свободина друзья называли ласково «Поль Матиас».

В 1898 году тяжелобольной Чехов провел некоторое время в Ницце. К нему обращались, видимо, за врачебной помощью некоторые из живших в Ницце русских. На маленькой книжке «Каштанка», хранящейся в моей библиотеке, есть надпись Чехова «Леле Бессер на память о докторе, лечившем у нее ухо».

Семейство Бессеров было знакомо Чехову по русскому пансиону в Ницце. Про Бессеров Чехов писал в письме А. А. Хотяинцевой: «У m-me Бессер желтая рубашечка с палевым воротничком, а у m-r Б[ессер] — лысина и лысина, и больше ничего». Леля Бессер была, видимо, маленькой дочкой Бессеров.

К книгам Чехова с его автографами у меня особое чувство; тонкий, нежный почерк Чехова как бы хранит отблеск его натуры, с величайшим сочувствием и уважением относившейся к любому человеку, который был достоин этого.

Вл. ЛИДИН

II

Нужно ли говорить, что то горькое разочарование в своих прежних друзьях, которое Чехову пришлось испытать, всякий раз вызывало в нем мучительную душевную боль?

«Меня окружает,— писал он сестре 14 января 1891 года,— густая атмосфера злого чувства, крайне неопределенного и для меня непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть. За что? Черт их знает. Если бы я застрелился, то доставил бы этим большое удовольствие девяти десятым своих друзей и почитателей. И как мелко выражают свое мелкое чувство!.. Не люди, а какая-то плесень».

Окончательно он убедился в злостном двуличии этих людей в тот убийственный для его гордости день, когда на петербургских казенных подмостках так громко провалилась его «Чайка».

А. П. Чехов с матерью Евгенией Яковлевной в Ялте. 1901. Из архива С. М. Чехова.

«...Те,— писал Чехов,— с кем я до 17-го окт[ября] дружески и приятельски откровенничал, беспечно обедал, за кого ломал копья (как, например, Ясинский) — все эти имели странное выражение, ужасно странное...»

То было выражение злорадства. Как и всяким завистникам, этим людям было чрезвычайно приятно тяжкое горе человека, которому до той поры они изъявляли притворную преданность. Это злорадство Ясинского чувствуется в каждой строке его ругательной статейки о провалившейся чеховской пьесе.

Не странно ли, что Чехов лишь к середине девяностых годов окончательно убедился в двуличии этих людей и понял, что даже подруга его сестры, поэтесса, над которой он до недавнего времени так благодушно подтрунивал, тоже пропитана лживостью: «Она хитрит, как черт, но побуждения так мелки, что в результате выходит не черт, а крыса».

Словом, приближаясь к концу своего литературного поприща, Чехов мог с полным правом сказать о себе то, что позднее было сказано Блоком:

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Все к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

До какого лицемерия доходили мнимые друзья и почитатели Чехова, мне лично привелось убедиться года через три после смерти писателя, когда, приехав в Петербург, я в несколько дней познакомился и с Потапенко, и с Леонтьевым-Щегловым, и с Ясинским, и с Гнедичем, и с Тихоновым-Луговым, и с Альбовым, и с Баранцевичем, и с другими представителями той писательской группы, которая казалась мне наиболее близкой к Чехову! Меня сильно удивила ее ничем не прикрытая враждебность к нему. Только Владимир Тихонов, Василий Немирович-Данченко да Леонтьев-Щеглов говорили о Чехове с непритворным сочувствием. Остальные были явно ущемлены его славой.

В июле 1890 года Владимир Тихонов, как мы недавно узнали, писал о Чехове в своем дневнике: «А сколько завистников у него между литераторами завелось. Альбов, Шеллер, Голицын, да мало ли!.. А некоторые из них, например, мой брат мне просто ненавистен за эту зависть и вечное хуление имени Чехова...»

Владимир Тихонов был гораздо талантливее своего самовлюбленного брата — Алексея Лугового, автора претенциозных романов, очень обижавшегося, если при нем хвалили, например, Льва Толстого. Он совершенно искренне считал себя непризнанным гением. Когда в разговоре с ним я стал изливать свой восторг перед Чеховым, он насупился и сердито сказал:

— Дутая знаменитость!

И поспешил перевести разговор на другое.

О том, как относились к нему все эти Ясинские, Шеллеры-Михайловы, Чехов понял с большим запозданием. Сам он был так непричастен ко лжи, что всякий раз, когда ему случалось натолкнуться на ложь окружающих, удивлялся ей как большой неожиданности. И каждый, кого Чехов уличал в обмане, переставал существовать для него.

Людям заурядной, житейской морали такое требовательное правдолюбие Чехова не могло не казаться чрезмерным.

Часто он видел ложь даже там, где на поверхностный взгляд не было никакого нарушения истины. Ибо даже истина, настаивал писатель, может ощущаться как ложь, если она внушена человеку каким-нибудь фальшивым побуждением.

Изолгавшаяся мать обманутого жизнью подростка (в рассказе «Володя») нисколько не грешит против правды, когда сообщает соседям о своем родстве с одной генеральской семьей. Володя, по словам Чехова, «знал отлично, что maman говорит правду; в ее рассказе... не было ни одного слова лжи, но тем не менее, все-таки он чувствовал, что она лжет. Ложь чувствовалась в ее манере говорить, в выражении лица, во взгляде, во всем.

— Вы лжете! — повторил Володя и ударил кулаком по столу с такой силой, что задрожала вся посуда и у maman расплескался чай.— Для чего вы рассказываете про генералов и баронесс? Все это ложь!»

Из чего следует, что даже безукоризненно правдивые факты могут ощущаться как самая лукавая ложь, если за ними скрываются какие-нибудь лицемерные помыслы.

Таков был чеховский максимализм правдивости.

III

Этот максимализм правдивости сослужил Чехову великую службу в его борьбе, как сказал бы Белинский, с «гнусной расейской действительностью».

Когда в 1888 году Чехов начал свой великий поход против лжи, царившей во всех жизненных отношениях тогдашних людей, и написал для «Северного вестника» обличительный рассказ «Именины», о котором мы говорили, редактор по прочтении рукописи сообщил молодому писателю, что считает его рассказ безыдейным. «...Я не вижу в Вашем рассказе никакого направления»,— писал он.

Чехов поспешил возразить: «Но разве в рассказе от начала и до конца я не протестую против лжи? Разве это не направление?»

Слова Чехова едва ли убедили редактора, который, как легко догадаться, счел чеховский «протест против лжи» всецело относящимся к узкой области личной морали. Между тем в повальном лганье, которое изображено в «Именинах», Чехов видел всероссийское зло, ибо ложью были в то время, как ядом, пропитаны все поры тогдашней общественной жизни. Вспомним хотя бы знаменитую концовку «Человека в футляре», где слышатся проклятия всему социальному строю, основанному на лицемерии и ханжестве:

«Видеть и слышать, как лгут... и тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносить обиды, унижения, не сметь открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все это из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена,— нет, больше жить так невозможно!»

Вот какой громадный политический смысл таился в чеховском обличении лжи. Чехов имел полное право назвать свой протест против нее направлением.

Общественная мораль, твердил он, только тогда и сильна, когда она опирается на высокое благородство каждого.

Чехов никогда не отделял личной морали от общественной. Люди, нечестные в личном быту, не могут быть, по убеждению Чехова, искренними борцами за социальную правду. Оттого он так презирал либеральных фразеров, которые, собравшись за ресторанным столом, любили в пьяных речах похваляться своей горячей любовью к народу.

Чехов так и записал у себя в дневнике:

«Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т. п., в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, и на улице, на морозе ждут кучера,— это значит лгать святому духу».

Но был общественный слой, в котором сквозь всю его темноту и забитость Чехов видел тяготение к правде и глубокую веру в нее.

«...Все же, приглядываясь к нему (к мужику. — **К. Ч.**) поближе,— говорит в «Моей жизни» маляр Мисаил,— чувствуешь, что в нем есть то нужное и очень важное, чего нет, например, в Маше и в докторе, а именно, он верит, **что главное на земле — правда, и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость».**

То же и в рассказе «По делам службы», где изображен старый крестьянин, замученный бессмысленной и беспросветной работой, и все же, как говорится у Чехова, сохраняющий глубокую веру **«в то, что на этом свете неправдой не проживешь».**

А если это так, то не ясно ли, что правдолюбие Чехова — глубоко народная, национальная черта его личности?

Конечно, дело было гораздо сложнее, чем можно изобразить в краткой журнальной статье. Я очень далек от намерения выставлять Чехова каким-то сусальным праведником. Чехов был живой человек, очень сложный, не чуждый человеческих ошибок и слабостей, и если я так настойчиво подчеркиваю только одно его душевное свойство — непримиримую ненависть ко всяческой лжи,— то лишь потому, что этой ненавистью в моих глазах обусловлен основной характер его стиля, его языка, всей его литературной манеры.

Ибо можно ли сомневаться, что без этого культа безбоязненной, ничем не прикрашенной правды Чехову никогда не удалось бы создать тот смелый, беспощадно правдивый, новаторский стиль, который и сделал его величайшим реалистом эпохи.

Благодаря этому максимализму правдивости Чехов имел драгоценное право повторить вслед за Толстым, что герой всех его писаний, которого он любит всеми силами души, который старается воспроизвести во всей красоте его и «который всегда был, есть и будет прекрасен,— правда».

Восхищение, любовь...

Чехов пользуется на Востоке огромной любовью. В Китае переведены почти все его произведения... Как и вся русская культура, творчество Чехова стало культурным достоянием всего человечества.

Главнейшая причина популярности Чехова заключается, вероятно, в том, что форма и стиль его произведений близки и понятны восточному читателю, который более всего ценит в художественном творчестве лиризм и содержание, свободное от тяжелых и застывших красок.

Влияние Чехова на новую литературу и искусство Китая поистине огромно...

ГО МО-ЖО, Китай

●

Трудно представить себе драматурга, у которого не вызвало бы зависти одно свойство чеховских пьес. Свойство это — чувство равновесия (balance). В этом Чехов, по-моему, ближе к Шекспиру, чем кто бы то ни было другой. Неизбежные искажения, вызываемые самой природой театра с его условно сжатым временем сценического действия, у Чехова не так бросаются в глаза, у него меньше подтасовки, меньше боязни показаться смешным, меньше боязни пафоса. Его художественная манера полна мягкости, он смотрит на мир взглядом добрым...

Главное, что мне хотелось бы подчеркнуть, сводится к тому, что в то время, как чеховское умение проникнуть во внутренний мир своих героев безгранично, в то время, как интерес свой он сосредоточивает прежде всего на их духовной жизни, его широкий взгляд художника простирается далеко за пределы индивидуальной психологии героев... Словом, пьесы Чехова отнюдь нельзя назвать психологическими этюдами. Они выражают весьма критическую точку зрения, характеризующую не только его героев, но и социальную среду, в которой они живут.

Артур МИЛЛЕР, США

●

Нет ничего удивительного в том, что Чехов так сразу и так сильно захватил нашего читателя. Из великих русских реалистов он во многих отношениях особенно нам близок. Мы неизменно восхищаемся человечностью замечательных образов Тургенева, Толстого, Достоевского, но, разумеется, не можем не чувствовать, что помещичий мир Тургенева, аристократическая среда Толстого и — в противоположность этому — пестрый калейдоскоп людей у Достоевского — это мир, которого у нас не было, в который нам, следовательно, нужно было вживаться, что, конечно, при большом искусстве этих мастеров слова было нетрудно. Но когда появился Чехов, он не мог не повлиять уже одним тем, что был нам близок и изображаемой им социальной средой. Его мелкая буржуазия, его интеллигенция и нам хорошо известны, часто они словно взяты из нашей жизни... Поэтому Чехов с его рассказами не попал у нас в чужую среду. Его демократизм находился в полном соответствии с демократическим духом чешской реалистической литературы

Зденек НЕЕДЛЫ, Чехословакия

Антон Павлович Чехов — это был любимый автор нашей молодости. Это он вместе с Толстым, Тургеневым, Пушкиным, Щедриным формировал нашу духовную жизнь, учил глубоко понимать и любить человека, был бездонным кладезем человечности и источником красоты жизни.

Т. СВАТОПЛУК, Чехословакия

●

Чеховская драматургия, ставя вопрос, могут ли люди, которые живут сейчас плохо, жить лучше, дает на это положительный ответ. И убедительность этого ответа достигается тем, что Чехов не вкладывает его в уста персонажей своих произведений, а дает его в подлинном реалистическом изображении действительности. Перед зрителем проходят живые люди во всей оригинальности их духовного облика, лишенные малейшей карикатурности, показанные в их подлинной социальной среде, такими, словом, какими их делает повседневная жизнь определенного класса, определенной страны в определенный исторический момент.

Сила Чехова в том и состоит, что он изображает пошлость и трагизм своих героев, не изолируя их от окружающей среды. Его занимает не «судьба Человека», а участь людей, живущих в обществе, которое они сами для себя создали и которое могут преобразовать.

Андре ВЮРМСЕР, Франция

●

Вряд ли существует в наши дни хоть один французский романист, который решился бы утверждать, что не испытал на себе прямого или косвенного влияния Чехова... А как велико было влияние чеховского творчества на мировую литературу его времени! Такой мастер рассказа, как, например, английская писательница Кэтрин Мансфилд, обязана ему решительно всем. Остальные писатели также обязаны ему в большей или меньшей степени, и во всяком случае Чехов произвел в свое время коренной переворот в жанре рассказа. А так как среди современных писателей очень мало или, вернее, совсем нет людей, не сохранивших связей с одним или несколькими представителями старшего поколения, я уверен, что в жилах каждого романиста наших дней есть хоть капля «писательской крови» Чехова.

А если говорить о себе, то я прекрасно знаю, что, не будь Чехова, я не писал бы так, как пишу. Художественные приемы, использованные в моем рассказе «Морское безмолвие», восходят к приемам англо-саксонских романистов начала века, а те, в свою очередь, восходят к приемам Антона Чехова. Разумеется, мои произведения похожи на произведения Чехова не более, чем бывает похож ребенок на своих многочисленных предков, но литературовед без труда мог бы обнаружить в них то, что ведет начало от Чехова. Это, мне кажется, относится и к большинству современных писателей. Вот почему каждый из нас должен питать к Антону Чехову не только чувство глубокого восхищения, но и сыновней любви.

ВЕРКОР, Франция

И ЛИТЕРАТОР И ВРАЧ

И. ГЕЙЗЕР

В ялтинском Доме-музее А. П. Чехова на письменном столе бережно хранится «медицинское вооружение» писателя-врача Чехова: стетоскоп, молоточек и плессиметр.

Еще в студенческие годы он писал брату Александру: «Медицина моя идет crescendo. Умею врачевать... Не найдешь, любезный, ни одной болезни, которую я не взялся бы лечить...»

Пройдет год с лишним, и Чехов в шутливом тоне напишет Н. Лейкину из Воскресенска, где врачевал тогда, что живет с апломбом, ощущая лекарский паспорт в кармане.

Всю жизнь Чехов занимался своей первой специальностью — медициной. Для писателя-гуманиста она была сферой общественного служения народу. «Если я врач,— писал он,— то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни...»

Для Чехова это было жизненной потребностью.

Чехову советовали не гоняться за двумя зайцами и забросить медицину. Антон Павлович не внял этим советам. «...Я чувствую себя бодрее и довольнее собой,— писал он,— когда сознаю, что у меня два дела, а не одно... Медицина — моя законная жена, а литература — любовница. Когда надоедает одна, я ночую у другой. Это хотя и беспорядочно, но зато не так скучно, да и к тому же от моего вероломства обе решительно ничего не теряют...»

В 1888 и 1889 годах Чехов летом отдыхает в имении Линтваревых на Украине. Но, собираясь отдыхать, он не забывает медицину. «Везу с собой медикаменты,— пишет он В. Г. Короленко,— и мечтаю о гнойниках, отеках, фонарях, поносах, соринках в глазу и о прочей благодати. Летом обыкновенно я полдня принимаю расслабленных, а моя сестрица (Мария Павловна.— И. Г.) ассистентирует мне. Это работа веселая».

Чехов едет на остров Сахалин для того, как он указывал, чтобы написать 100—200 страниц и этим заплатить долг медицине. Совершив свой подвиг, он позднее подчеркивал, что медицина не может упрекнуть его в измене, ибо он отдал «дань учености».

В 1892 году Чехов приобрел усадьбу в Мелихове, куда переехал с семьей. Он полон творческих замыслов и в то же время намерен серьезно заниматься лечением крестьян. На Серпуховский уезд в то время надвигалась эпидемия холеры. Конец отдыху и писательству: Антон Павлович, как метко выразился видный земский врач П. Куркин, «немедленно встал под ружье».

Близко наблюдавшая Чехова в ту пору Щепкина-Куперник вспоминает, как Антон Павлович «принимал больных, читал лекции, как бороться с холерой, сердился, убеждал, горел этим — и писал друзьям: «Пока я служу в земстве — не считайте меня литератором». Но, конечно, не писать он не мог. Он возвращался домой измученный, с головной болью, но держал себя так, будто делал пустяки, дома всех смешил – и ночью не мог спать или просыпался от кошмаров».

А в это время Суворин соблазнял Чехова поездкой за границу. Но писатель не мог покинуть родину, когда беда была у ворот, и он пишет своему корреспонденту: «В то время, как Вы в своих письмах приглашали меня то в Вену, то в Аббацию, я уже состоял участковым врачом Серпуховского земства, ловил за хвост холеру и на всех парах организовал новый участок. У меня в участке 25 деревень, 4 фабрики и 1 монастырь. Утром приемка больных, а после утра разъезды».

Крестьянское население любило своего доктора, и Чехов знал об этом. Не без гордости писал он о том, что когда проходит по деревне, бабы встречают его приветливо, каждая старается проводить, предостеречь насчет канавы, посетовать на грязь или прогнать собак.

Чехов отдавал много внимания медицине, но и медицина, по признанию Антона Павловича, щедро вознаграждала его как писателя.

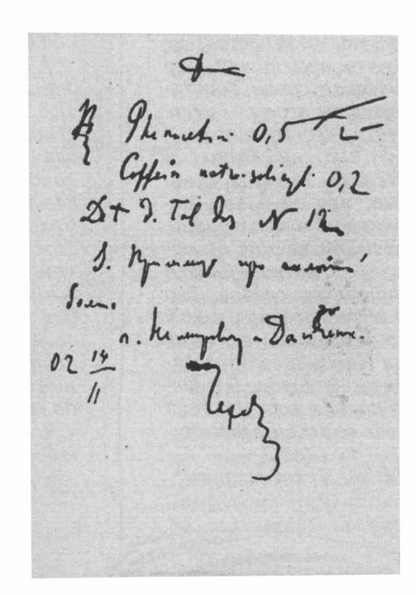
Щепкиной-Куперник Антон Павлович советует: «Изучайте медицину, дружок, если хотите быть настоящей писательницей. Особенно психиатрию. Мне это много помогло и предохранило от ошибок».

В своих произведениях Чехов с сердечной теплотой писал о врачах, особенно земских, которые вели буквально подвижнический образ жизни, работали не щадя сил в глухих уголках царской России. Особое место среди образов врачей занимает доктор Астров из пьесы «Дядя Ваня». Именно Астрова Чехов сделал выразителем своих заветных дум о красоте родной земли, о духовном обновлении человека.

И врачи отвечали своему писателю искренней любовью. Особенно это проявилось на VIII пироговском съезде врачей, происходившем в 1902 году в Москве. Больной Чехов томился в то время в Ялте, «золотой ссылке», как называл ее в минуты тяжелых настроений, оторванный от Москвы, близких людей...

Художественный театр показал делегатам съезда пьесу «Дядя Ваня». После спектакля врачи послали писателю и собрату по профессии дружеские телеграммы. Чехов был глубоко тронут этим. «Такой чести я не ожидал и не мог ожидать,— писал он П. И. Куркину,— и такую награду принимаю с радостью, хотя и сознаю, что она не по заслугам».

9 июля 1904 года у могилы великого писателя и врача известный психиатр Н. Н. Баженов сказал в прощальной речи: «Пусть вместе со славой мирового писателя в сердцах людей живет память о том, кто украсил собой медицинскую науку».

Рецепт, выписанный А. П. Чеховым Вл. И. Немировичу-Данченко.

В пути

Отрывок из киноповести

Вл. НЕДОБРОВО

Рисунок **И. ГРИНШТЕЙНА.**

Туманной январской ночью 1890 года Антон Павлович Чехов и редактор-издатель газеты «Новое время» Суворин возвращались пешком в Эртелев переулок после шумного литературного ужина, устроенного по случаю приезда Чехова в Петербург.

Чехов шел молча, нахмурившись и, казалось, вовсе не слушал своего спутника, который говорил ему горячо, с увлечением:

— Писатели, голубчик, это избранники божьи. Устами их глаголет сам господь бог. Все их мысли, намерения, жизнь носят на себе печать небесного, так как посвящены они разумному и прекрасному, то есть служению вечной правде. Это удел наш.

Чехов рассеянно взглянул на Суворина.

— Удел? — переспросил он.— Вы ошибаетесь, уверяю вас. Мой удел совершенно другой.

— Какой же?

— Умереть под забором. И притом обязательно в пьяном виде. Да-с! Было обо мне такое пророчество в одной газете.

Суворин только рукой махнул.

— Мало ли что пишут в газетах. Чепуха!

— Нет,— ответил Чехов серьезно.— Это не чепуха. Это критика.

— Тем более вам ее не надо читать! Вы пишете не для критики, а для публики.

— Для какой публики? — спросил Чехов.— Разве я знаю ее?

— Она вас знает. И еще как! Ого!

Суворин взял Чехова под руку.

— Пожалуй, и Шекспиру не приходилось слышать таких тостов, какими вас угощали давеча, а?

Он засмеялся совсем по-стариковски — хе-хе-хе! — и преданно заглянул Чехову в глаза. Но оттого ли, что Суворин вел его под руку, а Чехову было неловко или неприятно и этого ему не хотелось показать Суворину, Чехов шел какой-то неестественной, деревянной походкой, не глядя на собеседника. Однако при последних словах Суворина он вздрогнул и освободил свою руку довольно неделикатно.

— Вот именно, потому что Шекспиру этого не приходилось, я и чувствую себя таким прохвостом,— сказал он очень самолюбиво и отвернулся.

Суворину стало неловко. Вероятно, он смутно почувствовал какую-то бестактность в своих словах и пожалел о сказанном.

— Но почему же? — спросил он кротко.

— Потому что, по моему глубокому убеждению, тостами, то есть суетой и шумихой, окружены не Шекспиры или, говоря вообще, не труженики и не пророки. Тосты составляют исключительную привилегию жуликов всякого рода и достаются, по моим наблюдениям, шулерам, скороходам, кокоткам... Впрочем, чепуха! Кажется, я уже писал об этом...

— Вы говорите о своем «Пассажире 1-го класса»? — спросил Суворин.

Чехов ничего не ответил и, помолчав, заговорил гораздо спокойнее:

— Но допустим, что я ошибаюсь и что правы все те, кто кричит мне: «Талант, талант!» — и награждает меня пушкинской премией. Допустим, что я действительно «надежда русской литературы»...

Чехов выговорил с трудом эти слова.

— В таком случае моя святая обязанность оправдать эти возлагаемые на меня надежды. Поступить иначе было бы нелюбезно с моей стороны. Что же мне делать? По-видимому, я должен сейчас не рассуждать о своей славе, а приумножать ее, то есть писать, писать и писать. Но о чем писать? По-видимому, я должен также звать куда-то своих читателей. Но куда звать?

Чехов вгляделся в туман на улице.

— Куда? — повторил он с недоумением.

— Я уже говорил вам куда,— сказал Суворин.— К вечной правде! Вперед!

— Позво-ольте! — недовольно сказал Чехов и сделал широкий жест.— Но что такое вечная правда? И что такое вперед? Если я буду одинаково звать вперед грабителя и монаха, то они, может быть, и пойдут, но, согласитесь, пойдут в совершенно разные стороны. Чтобы звать за собой людей, надо прежде всего отдавать себе ясный отчет в том, кого звать и куда звать. Надо знать это. А я заведомо знаю только одно: что я ничего не знаю. В сущности, я еще не начинал своей литературной деятельности.

Суворин искренне возмутился.

— Позвольте! — вскричал теперь он и с необыкновенной горячностью. Но Чехов остановил его коротким жестом.

— Нет-с! — сказал он категорически.— Не позволю-с!

И, глядя на озадаченного Суворина, продолжал:

— Вам угодно, вероятно, было сказать, что я написал уже много? Увы! Чрезвычайно много. Пуды-с! Рассказы, очерки, водевили, статьи, фельетоны, даже уголовный роман... Кажется, я писал все, кроме стихов и доносов. Но все это чепуха, ерунда, поденщина! Всему написанному мною я не придаю никакого литературного значения. Мне надо учиться, учиться и учиться. Мне надо начинать с самых азов...

Впереди, в тумане, показался дом с большой вывеской: «Новое время». Тучный городовой, прохаживавшийся перед домом, удивленно и подозрительно посмотрел на возникшего перед ним из тумана Чехова, который в пылу разговора энергично жестикулировал. Но вот следом за Чеховым появился из тумана Суворин. Городовой узнал его и взял под козырек.

— Почему же с азов? — примирительно сказал Суворин, останавливаясь посередине улицы около городового.— Даже если согласиться с тем, что вы говорили о своей работе в прошлом, то и ее нельзя считать только поденщиной. Это и ваша школа вместе с тем, более того — академия!

Суворину понравилась его аналогия, и он заговорил с одушевлением:

— Вы окончили эту академию с отличием. Пушкинская премия, о которой вы упоминали сейчас,— это золотая медаль, которой вы удостоены за отличное окончание курса. Не так ли?

Суворин машинально взглянул на городового. Тот, не сводивший с него взгляда на протяжении всей его речи, вытянулся и сказал хрипло:

— Точно так, ваше превосходительство.

Чехов внимательно посмотрел на городового, не понимая, откуда взялся этот третий участник их разговора. Суворин осторожно взял Чехова под локоть и повел прочь от городового к дверям своего дома.

— Я хочу только закончить свою мысль. Видите ли... Обыкновенно художники, оканчивающие курс с золотой медалью, едут в Италию, чтобы завершить там свое образование... проникнуться ощущением высшей правды при созерцании образцов классического искусства. Поезжайте-ка и вы, голубчик. Серьезно.

Суворин позвонил.

Чехов задумчиво пощипал бородку.

— Что ж,— сказал он,— вероятно, вы правы.

— Вот и отлично! — обрадовался Суворин.— Поезжайте-ка. Я вам денег дам.

Отворилась дверь.

— Ехать надо,— сказал Чехов, переступая порог.— Обязательно надо ехать. Но почему непременно в Италию? Почему в Италию? — повторил он, недоумевая.

. . . .

И вот уже нет ни Петербурга, ни дома с вывеской «Новое время», ни Суворина — ничего этого нет, а есть Сахалин, горная таежная речка, широко разлившаяся от дождей, и кругом, насколько хватает глаз,— вода, мутная, взбаламученная. Стремительное, бурное течение. Ветер. Идет дождь со снегом.

В лодке, которую с трудом ведут против течения четверо гребцов, сидит Чехов. Он мокрый с головы до ног. Его пальто хоть выжми, а со шляпы течет вода. Он ежится, приподнимает воротник.

Мохнатый, как паук, гребец, с нависшими бровями, грязный, работая веслом, покосился на Чехова и спросил участливо:

— Что, барин? Не от хорошей жизни, видать, занесло вас в такую пропасть?

— Нет, отчего же,— отозвался Чехов и добавил учтиво: — Вы же живете здесь.

Гребец посмотрел на Чехова с недоумением:

— Сравняли тоже! Мы каторжные. По своей воле тут жить не будешь.

И с силой навалился на весло.

Чехов спросил деликатно:

— А вы сюда... как попали?

— Да было дело,— сказал гребец и усмехнулся: — Рубли лил!

Чехов живо заинтересовался:

— И что же, хорошие выходили рубли?

— Ничего,— сдержанно заметил гребец, и при воспоминании о прошлом его лицо просветлело.— Бывало, перемешаю, гляжу: какие мои, какие царские — не разберешь!

Гребцы сочувственно улыбнулись.

Чехов покивал головой: так, так... Обратился к другому гребцу:

— А вы здесь за что?

Другой гребец, с добродушной и глуповатой физиономией, только почтительно поглядел на Чехова, но ничего не ответил. Тогда фальшивомонетчик сказал неодобрительно:

— Он храм божий ограбил.

Гребцы и рулевой, нахмурившись, покосились на осквернителя храма.

— Что ж,— сказал тот в свое оправдание,— богу деньги не нужны.

Чехов опять покивал: так, так... Затем вытащил из кармана мокрую записную книжку и быстро записал что-то.

Это не понравилось каторжникам. Третий гребец посмотрел на Чехова неодобрительно и сказал со вздохом:

— И все-то они пишут, и пишут, и пишут, царица небесная!

И вдруг, сделав отчаянное лицо, во весь голос закричал рулевому:

— Право держи! Право, право... Не видишь, черт, язви твою душу!

Почти под самым носом лодки возник неведомо откуда взявшийся бревенчатый сруб с соломенной крышей, задранной ветром. Увлекаемый течением дом, покачиваясь, пронесся мимо лодки и исчез в дождевой мгле.

Каторжники набожно перекрестились. И было отчего: лодка чудом избежала столкновения.

Чехов поднял озабоченный взгляд.

— Это что же было?

— А дом был,— будничным тоном сказал четвертый гребец и пояснил: — Деревня близко.

Чехов прислушался. Сквозь пелену дождя отчетливо послышался крик петуха.

Чехов пошевелил мокрыми усами и улыбнулся растроганно. Затем

он встал и, засунув руки в карманы, с любопытством начал смотреть на показавшуюся впереди деревню. Издали она была до обмана похожа на обыкновенную русскую деревушку средней руки. Но чем ближе лодка приближалась к берегу, тем более рассеивалось это впечатление и становилось ясно, что впереди не просто деревня, а страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место, в котором по своей доброй воле люди, действительно, жить не могут.

По чьему-то темному и нелепому произволу деревня была стиснута на узком клочке земли между водою и камнем. Впереди, почти у самых избушек, бушевала река, а позади них стояли горы, отвесные, темные, изрезанные глубокими, мрачными ущельями. Сверху висело небо, низкое, черное. Выл ветер.

Река уже затопила половину деревни, но вода продолжала растекаться все дальше и дальше, захватывая огороды, гряды и подбираясь к стогам сена, низким и покосившимся. Но на улице было людно. Оставаясь совершенно безучастными к тому, что творила река, люди смотрели только на лодку, приближавшуюся к берегу.

Около самой воды стоял навытяжку плотный, мясистый унтер с револьвером на боку. Как только Чехов с помощью гребцов начал выбираться из лодки, унтер сделал страшное лицо и, оборотившись к деревне, закричал:

— Смир-рна! Шапки долой!

Столпившиеся на берегу люди торопливо сдернули шапки и, опустив руки по швам, вытянулись перед Чеховым.

Не ожидавший такой чести Чехов сконфуженно приподнял свою мокрую шляпу и учтиво раскланялся. Затем он обернулся к унтеру, намереваясь что-то сказать, но не успел выговорить ни слова, так как унтер начал кричать:

— Ваше превосходительство! Разрешите доложить... Во вверенной мне деревне Крутой Яр проживают отбывшие срок каторжных работ и переведенные в крестьянское состояние вольные поселенцы! Налицо мужчин — 60, женского полу — 34, в карцере сидит 5 человек, в бегах трое... Все обстоит благополучно!

Шатаясь от сильных порывов ветра, Чехов выслушал рапорт.

— Благополучно? — переспросил он, с трудом шевеля губами и удерживая рукой норовившую сорваться с головы шляпу.

— Так точно, ваше превосходительство! — прокричал унтер и замер с рукою у козырька в ожидании дальнейших вопросов.

Недоумевая, Чехов оглядел выстроившихся перед ним людей, которые смотрели на него почтительно и с выражением самого рабского усердия на лицах.

— Чем же они занимаются здесь, эти люди?

— По своей по крестьянской части, ваше превосходительство! Хлебопашеством!

— Гм,— удивился Чехов.— Разве здесь можно заниматься хлебопашеством?

— Не могу знать, ваше превосходительство!

От напряжения на лице унтера выступили крупные капли пота. Вытаращенные глаза его выражали почтение, страх и желание угодить начальству.

— Хорошо,— сказал Чехов.— Опустите руку... И, пожалуйста, не называйте меня вашим превосходительством. Я вовсе не генерал, уверяю вас...

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — прокричал унтер.

— И... и, если можно, не кричите так громко. У меня голова болит.

Унтер испуганно поглядел на голову Чехова и прохрипел:

— Не угодно ли будет отдохнуть, ваше превосходительство?

— Да, да, действительно,— отозвался Чехов.— Не мешало бы...

— Пожалуйста, ваше превосходительство! Вот сюда...

Снова взявши под козырек, унтер обежал Чехова и кинулся указывать дорогу. Попутно он успел прокричать поселенцам, которые продолжали стоять без шапок, с вытянутыми по швам руками:

— Вольно! Р-разойдись!

Перепрыгивая с кочки на кочку и минуя огромные, выкорчеванные из болотистой земли пни, Чехов пошел мимо унылых изб, сложенных из плохого, сырого леса, без дворов, без зелени, без крылец. На некотором расстоянии от Чехова почтительно следовал унтер.

«Ку-ка-ре-ку!» — раздалось откуда-то. Чехов приостановился. На мшистой кочке разгуливал взъерошенный мокрый петух с веревкой на лапе. Другой конец веревки был привязан к колышку, вбитому в землю. Неодобрительно посмотрев на Чехова, искоса, петух нехотя хлопнул крыльями и опять крикнул.

— Это он почему на привязи? — спросил Чехов.

— Не могу знать, ваше превосходительство! — прокричал унтер. Затем, подумав, добавил обыкновенным своим простуженным голосом: — Должно быть, по причине расположения места. Иначе нельзя.

Чехов пожал плечами и пошел дальше.

Показалась новая большая изба, заметно отличавшаяся от всех прочих тесовой крышей, двором, палисадником, занавесками на окнах. В одной половине избы — лавка. Над входом в лавку вывеска: «Продажа всех-возможных товаров». Из другой половины появились хозяева и с поклонами вышли навстречу гостю.

...Чехов сидит в избе, за столом, перед самоваром. Изба чистая, светлая, оклеенная обоями. На стене картина: «Мариенбад, морские купанья близ Либавы». Под картиною стоит хозяин избы и лавки — поселенец раскольничьего вида — и, сложив руки на животе, рассказывает Чехову:

— Мы много довольны, ваше превосходительство. Нечего бога гневить. Живем хорошо. И земля здесь может родить, и климат, слава тебе господи, мягкой, одна беда...

— Какая? — спрашивает Чехов.

— Народ избаловался! Не хочет работать...

— А что здесь можно работать?

— Все можно,— говорит поселенец.— Что начальство велит, то и можно. А земля, она все произведет.

— Все?

— Все!

— Ну, а, например, дыню? — интересуется Чехов.

— Случается, ваше превосходительство. Вызревают и дыни.

Чехов достает из кармана записную книжку, быстро пишет.

Из сеней доносится шум, чей-то плачущий голос, и вслед за тем в избе появляется женщина, мокрая, грязная, простоволосая. Не говоря ни слова, она падает в ноги Чехову.

— Что такое? — встревоженно поднимается Чехов.— Встаньте, пожалуйста...

— Явите божескую милость, ваше превосходительство... Не дайте погибнуть!

— Встаньте, прошу вас... Что вы хотите?

— Хотим в каторжное состояние. Дозвольте, сделайте милость!

Расстроенный Чехов, недоумевая, взглянул на хозяина.

— Что такое? Кто она, эта женщина?

— В сожительницах тут у одного, ваше превосходительство. А он отбыл срок наказания и крестьянские права получил.

— Так в чем же дело? Почему вы хотите обратно на каторгу?

— Нет никакого способу, ваше превосходительство! Не проживешь никаким родом... Пока мой был в каторжном состоянии, ему от казны пай шел, а теперь мы всего решились. С голоду пропадаем, ваше превосходительство, лопухи едим...

— А вы хлеб сейте.

— Сеяли, ваше превосходительство, из сил выбились... Урожаю ни разу не было, срамота одна! Лопухи живут да брюква.

— Ага! Брюква все-таки вызревает?

— Не поспевает вызревать, ваше превосходительство! Ее водой уносит, сами изволили видеть...

Чехов недоумевающе пощипал бородку.

— Как же вы живете в таком случае?

— Сами не знаем! — воскликнула женщина.

Чехов задумался.

— Вы бы на материк просились,— сказал он наконец нерешительно.

— Денно и нощно просимся, ваше превосходительство... Не пускают!

Женщина зарыдала и снова рухнула на колени.

— Дозвольте нам обратно в каторжное состояние, ваше превосходительство. Не дайте погибнуть!

Чехов совсем растерялся. Он скорбно и вместе с тем как-то по-детски беспомощно склонился к женщине, пытаясь ее поднять с пола, и, досадуя на себя, на свою неумелость, на бессилие свое, проговорил глухим, вздрагивающим голосом:

— Зачем вы так?.. Встаньте же... Вы ошибаетесь, уверяю вас... Ну что я могу сделать, голубушка? Что? Что? Что?

Тайна Лапшевникова

«Пожалуйста... не обращайте внимания ни на Лапшевникова, ни на Галушкина, ни на Ватрушкина,— успокаивал Чехов мелиховскую учительницу М. Ф. Терентьеву в сентябре 1899 года.— Вас никогда не переведут без моего ведома, и, во всяком случае, если кто-либо из сильных мира сего пожелает перевести Вас, то я приму все зависящие от меня меры, чтобы Мелиховская школа не лишилась Вас».

Кто же были эти «сильные мира сего», сулившие всякие неприятности мелиховской учительнице?

В примечаниях к письму читаем: «Лапшевников — это лицо не выяснено. Галушкин, Ватрушкин — пародии на фамилию «Лапшевников».

Обследовав восемь томов чеховских писем, мы нигде больше не сумели обнаружить Лапшевникова. Мы встретились с ним еще раз лишь в одном из неопубликованных писем М. Ф. Терентьевой Чехову, хранящемся в отделе рукописей Библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

«В прошлое воскресенье у меня были туманные картины,— писала учительница.— За мной присылал Лапшевников и предлагал волшебный фонарь; я, конечно, для блага детей не отказалась... Только фонарь был дан на один раз, ребятишки разлакомились и все спрашивали: «будут ли у нас еще когда-нибудь картины?» Я, конечно, должна была сказать, что нет, так как фонаря не дают; но что же делать?..»

Письмо М. Ф. Терентьевой не многое прояснило, но стало очевидно: Лапшевников жил где-то по соседству, совсем неподалеку от Мелихова, может быть, в самом Мелихове.

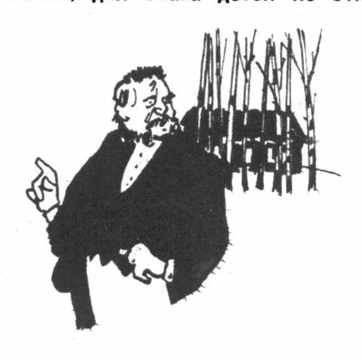
Мы не ошиблись. Только Лапшевников на поверку оказался не Лапшевниковым, а... Варениковым, Иваном Аркадьевичем Варениковым! Не пародией, не символом, а реальным лицом с именем, отчеством и фамилией, давшей Чехову повод для всяческих шуток.

Помещик и земский «деятель», этот Вареников (или «Варзныков», как именует его однажды Чехов) действительно был соседом писателя по Мелихову. О подвигах этого господина можно было бы поведать миру не одну историю.

«Учительница со слезами рассказывала мне,— пишет уехавшему в Ялту Чехову сестра Мария Павловна,— будто Вареников сообщил попу, что Мелиховскую школу закроют непременно, т. к. у земства нет средств содержать ее. Я успокоила Марию Федоровну как могла, но все-таки это подло со стороны нашего соседа». И добавляет: «Высек он там еще каких-то мальчиков за порубку в лесу, теперь его будут судить, дело передано прокурору». Чехов в ответ писал Марии Павловне: «Насчет Вареникова писал мне суд[ебный] следователь. Дело потушено».

Во всяком случае, Вареников ясен. Что же касается «Лапшевникова», то это, конечно, такое же прозвище, как и «Галушкин» и «Ватрушкин». Прозвище, подхваченное мелиховской учительницей и вполне естественное в устах автора «Лошадиной фамилии».

Н. ПОДОРОЛЬСКИЙ

Друзья и враги

В. ЕРМИЛОВ

Рассказ Антона Павловича Чехова «Враги» (1887 г.) явился знаменательным произведением еще молодого писателя, уже ставшего великим художником. Этот рассказ дает ясное представление о друзьях и врагах Чехова — о людях, которых он любил, и о людях, которых он презирал. Друзья Чехова — обыкновенные, рядовые, трудовые люди. Его враги — тунеядцы, чью пошлость, ничтожество он умеет видеть и под самым утонченным, «благородным» обличьем. Столкновение этих двух типов людей и явилось темой «Врагов».

Этот рассказ знаменателен и в том отношении, что в нем сказались главные особенности Чехова-художника. Любовь и презрение автора не выражены прямо и непосредственно, рассказ может показаться с первого взгляда всего лишь беспристрастным повествованием о том, как два интеллигентных человека — доктор Кирилов и помещик Абогин — под влиянием горя несправедливо, незаслуженно оскорбили друг друга.

У доктора Кирилова, пожилого человека, умер единственный сын, шестилетний мальчик. У Абогина жена притворилась больной и услала мужа за доктором для того, чтобы тем временем сбежать с любовником. Пересечение этих двух несчастий и образует сюжетную основу рассказа. Абогин появляется в квартире доктора Кирилова и умоляет его «спасти» больную. Кирилов отказывается поехать в имение Абогина; он не может оставить свою жену, склонившуюся над только что умершим мальчиком. Подавленный горем, Кирилов не способен сейчас думать о чем-нибудь другом, ему трудно даже говорить. Но Абогин настойчив, он умоляет доктора совершить подвиг. И Кирилов соглашается.

Когда они приезжают в имение Абогина, обнаруживается коварная измена его супруги. И тут с Абогина слетает вся «интеллигентность» изящного барина, «свободного художника», виолончелиста, пожертвовавшего и своими музыкальными способностями и своей карьерой во имя своей любви . Горе Абогина лишено какой бы то ни было человеческой красоты, оно делает его отвратительным. Он «вопит» в своей ярости и делится с Кириловым «тайнами» своих отношений с женой.

И Кирилов чувствует себя оскорбленным.

«— Зачем вы все это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! — крикнул он и стукнул кулаком по столу.— Не нужны мне ваши пошлые тайны, черт бы их взял! Не смеете вы говорить мне эти пошлости! Или вы думаете, что я еще недостаточно оскорблен? Что я лакей, которого до конца можно оскорблять? Да?

Абогин попятился от Кирилова и изумленно уставился на него.

— Зачем вы меня сюда привезли? — продолжал доктор, тряся бородой.— Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чем тут я? Что у меня общего с вашими романами? Оставьте меня в покое! Упражняйтесь в благородном кулачестве, рисуйтесь гуманными идеями, играйте (доктор покосился на футляр с виолончелью) — играйте на контрабасах и тромбонах, жирейте, как каплуны, но не смейте глумиться над личностью! Не умеете уважать ее, так хоть избавьте ее от вашего внимания!

— Позвольте, что это все значит? — спросил Абогин, краснея».

Теперь уже Абогин, в свою очередь, выходит из того состояния, в котором люди не замечают ничего, кроме своего несчастья.

«— А то значит, что низко и подло играть так людьми! Я врач, вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями и моветонами, ну, и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, бутафорскую вещь!..

— Вы с ума сошли! — крикнул Абогин.— Не великодушно! Я сам глубоко несчастлив и... и...

— Несчастлив,— презрительно ухмыльнулся доктор.— Не трогайте этого слова, оно вас не касается. Шалопаи, которые не находят денег под вексель, тоже называют себя несчастными. Каплун, которого давит лишний жир, тоже несчастлив. Ничтожные люди!»

Перед нами как будто вполне беспристрастный рассказ о том, как два культурных человека под влиянием горя, делающего людей эгоистичными и неспособными понять друг друга, тяжело и незаслуженно оскорбили друг друга. Обе стороны как будто в совершенно равном положении, у обоих героев весомые и, казалось бы, одинаково человечные причины горя. Если уже решать, кто из них более несправедлив в грубой ссоре, то, по-видимому, не прав Кирилов. У него нет никаких оснований обвинять Абогина в том, что тот привез его для участия в пошлой истории. Приглашая Кирилова, Абогин был убежден в опасной болезни своей жены.

И, однако, все это лишь поверхность, внешний слой рассказа, как и явная неправота, несправедливость Кирилова — только внешняя, только формальная неправота.

Подлинная глубина, настоящая поэтическая сущность рассказа может обнаружиться лишь при анализе художественной конкретности, при разборе тех мельчайших поэтических деталей, сцепление которых и образует художественное произведение.

Поэтическая сущность рассказа становится ясной уже при сопоставлении **двух картин горя.** Вот картина горя Кирилова и его жены.

«Тот отталкивающий ужас, о котором думают, когда говорят о смерти, отсутствовал в спальне. Во всеобщем столбняке, в позе матери, в равнодушии докторского лица лежало что-то притягивающее, трогающее сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человеческого горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умеет передавать, кажется, одна только музыка. Красота чувствовалась и в угрюмой тишине; Кирилов и его жена молчали, не плакали, как будто, кроме тяжести потери, сознавали также и весь лиризм своего положения: как когда-то, в свое время, прошла их молодость, так теперь, вместе с этим мальчиком, уходило навсегда в вечность и их право иметь детей!»

А вот картина горя Абогина. Он убедился в бегстве жены и вернулся в гостиную, где Кирилов ожидает, когда его поведут к больной.

«У порога этой двери стоял Абогин, но не тот, который вышел. Выражение сытости и тон-

Услуга за услугу

В Мелихове живет неоднократно встречавшийся с Чеховым колхозник Михаил Прокофьевич Симанов. Вот что он рассказал.

— Мой дед, Андриан Афанасьевич Симанов, был сапожником. Однажды в самую страду у него заболела жена, и он решил просить помощи у Чехова.

Подойдя к его дому, Андриан Афанасьевич увидел Антона Павловича, сидевшего при свете керосиновой лампы за столом над бумагами. «Работает. Мешать не стоит»,— рассудил дед и решил вернуться.

Но Маша, кухарка Чеховых, схватила деда за руку и потащила к дому. Громкий разговор привлек внимание Антона Павловича. Он вышел на улицу. Тут дед и обратился к нему: «Сделай милость, Антон Павлович, посмотри старуху...»

Чехов сразу же пошел. Осмотрев больную, он распорядился убрать из горницы весь хлам и поставить туда кровать. На прощание сказал: «Не беспокойтесь, скоро поправится. За лекарствами присылайте Мишатку или Ванюшку...»

Но ни мне, ни Ивану не пришлось ходить к Чехову за лекарством. Он сам ежедневно навещал бабушку, а на десятый день разрешил ей встать.

Мы хотели отблагодарить Чехова за лечение. Собрали деньжонок. Как он возмутился!

Дед был огорчен. Чем еще мог он отблагодарить Чехова?

И как-то осенью такой случай представился. Андриан Афанасьевич ехал из Лопасни. Дожди окончательно испортили дорогу, и колеса утопали в грязи. Вдруг из-за кустов на поляну вышел с тетеревом в руке Чехов. Он присел на пень и стал переобуваться.

Дед заметил, что сапоги у Антона Павловича совсем износились. Он предложил подвезти Чехова.

Приехав в Мелихово, Андриан Афанасьевич вечерком послал на усадьбу моего брата Ивана, чтобы тот через кухарку тайком взял сапоги для починки. До рассвета сидел дед Андриан с сапогами, а утром принес их и попросил Машу поставить на место.

Кухарка потом рассказывала, что когда Чехов встал и принялся обуваться, то удивленно посмотрел на сапоги: «Что за чертовщина? Подлог. Это не мои сапоги, на моих набоек не было, да и подметки здесь новые... Маша, идите-на сюда...»

Кухарка не смогла скрыть и рассказала все. Он улыбнулся и вышел.

Зайдя к деду, Чехов с шутливой серьезностью сказал: «А вы сегодня меня пересидели, Андриан Афанасьевич, у вас огонек-то дольше горел. Видно, мои сапоги лечили?»

Ю. СТЕПАНОВ

Михаил Прокофьевич Симанов в Мелихове. 1959 год.

кого изящества исчезло на нем, лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительным выражением не то ужаса, не то мучительной физической боли».

Красота человеческих чувств — у Кирилова. Абогина же горе только отвратительно исковеркало.

Мы видим, что перед нами по своей художественной сущности не рассказ о том, как два культурных человека несправедливо оскорбили друг друга, а рассказ о том, как человеческое горе было оскорблено пошлостью.

Право на все человеческие чувства имеют только люди, связанные с трудом. Кирилов говорит от имени «всех вообще рабочих»; читатель чувствует за ним массу трудовых русских людей с их чувством человеческого достоинства, отвращением к барству и паразитизму.

Только у людей труда — поэзия, красота, музыка жизни. Художник внушает читателю отвращение к внешней красоте, мнимой поэтичности. Читатель чувствует, что она оскорбляет что-то глубоко человеческое, опошляет подлинную красоту...

Горький сказал, что художественная литература — это **живопись словом.**

Чехов — гениальный **живописец словом.** В рассказе «Враги» перед нами возникает ряд великолепных картин, которые по своей выразительности, **зримости** могут выдержать сравнение с картинами лучших живописцев кистью. И мы читаем рассказ Чехова так же, как смотрим картины. Литературный разбор рассказа становится разбором картин... Задержимся на одной из них.

Жена Кирилова склонилась над своим умершим сыном. «На кровати, у самого окна лежал мальчик с открытыми глазами и удивленным выражением лица. Он не двигался, но открытые глаза его, казалось, с каждым мгновением все более темнели и уходили вовнутрь черепа. Положив руки на его туловище и спрятав лицо в складки постели, перед кроватью стояла на коленях мать. Подобно мальчику, она не шевелилась, но сколько живого движения чувствовалось в изгибах ее тела и в руках!»

Эта картина проникнута исключительно глубокой поэтической мыслью.

В основе здесь тема **движения**, как выражения живой жизни. Вот почему и сказано о покойном: «Он не двигался»,— хотя, казалось бы, странно подчеркивать это по отношению к мертвому. Но это сказано потому, что главное тут заключается в соотношении неподвижности ребенка с неподвижностью матери, в этом повторе, отражении его неподвижности в ее неподвижной позе; художник показывает, что это именно повтор, отражение, взаимосвязь — прямым уподоблением: «Подобно мальчику, она не шевелилась...»

Но непосредственно после уподобления идет противоположность: «...Но сколько живого движения чувствовалось в изгибах ее тела и в руках!» Эта противоположность, однако, не отделяет мать от умершего ребенка: как раз наоборот, противоположность трагически усиливает, углубляет их взаимосвязь — именно контрастом между мертвенной неподвижностью мальчика и внутренним сильным, живым движением матери; это ее потенциальное **живое движение** — как бы **за** мальчика, **за** навсегда прерванное движение его столь рано оборвавшейся жизни. Его жизнь как бы еще продолжается в его матери; давшая ему жизнь, она еще продолжает жить его жизнью. Вот почему во всей ее позе столько движения! Вряд ли когда-либо в искусстве была так глубоко выражена **тема** неразрывной связи матери с ребенком; вряд ли какой-либо художник мог так глубоко выразить тему **жизни** в теме **смерти.** Как бы продолжающаяся в матери жизнь ее ребенка с особенной силой обостряет ваше ощущение того, что смерть произошла только сейчас, что время еще не успело проложить свой рубеж, что тело мальчика еще не успело остыть, что глаза его еще не приобрели мертвенного выражения; продолжающаяся в матери жизнь ее мальчика с особенной силой говорит о невозможности примириться с такою ранней смертью; об этом же говорит и удивленное выражение лица мертвого ребенка; само сочетание понятий «мертвый ребенок» представляется невозможным, противоестественным.

Так художник сумел раскрыть подлинно живое и человеческое в мертвенном покое...

Замечательно в рассказе и сопоставление двух женских образов — жены доктора Кирилова и супруги Абогина. Неожиданным кажется читателю, что жена Абогина с ее страстями, изменами, «романтическим» бегством от мужа к любовнику, живущая столь «бурной» жизнью, оказывается, судя по ее карточке, молодой женщиной «с красивым, но сухим и невыразительным, как у монашенки, лицом». Лицо монашенки, то есть человека, отрешившегося от живой жизни, своим острым контрастом с такой, казалось бы, живою жизнью этой дамы подчеркивает невыразительность, пустоту этих страстей, их неглубокий, не очень-то «живой», лишенный настоящего человеческого содержания характер.

Уметь раскрыть живое и человеческое в мертвенном, а мертвенное, бездушное — в «оживленной», «бурной» жизни — значит уметь по-настоящему любить и по-настоящему ненавидеть. Сухое, невыразительное лицо монашенки мертвенно в сопоставлении с живым образом матери, потерявшей ребенка.

Лицо монашенки у супруги Абогина — это, в сущности, штрих комический, сатирический: он указывает на противоречие между стилем жизни, претензией персонажа и его подлинной сущностью — претензией на «полноту жизни» и внутренней безжизненностью. То, что у Абогина такая супруга, бросает дополнительный, окончательный свет и на него самого. Вот, оказывается, во имя кого он «всем пожертвовал», отказался и от служебной карьеры и от музыки, порвал со своей родней. Таким образом, маленький штрих оказывается сатирическим и в отношении Абогина. Его жизнь целиком посвящена этой женщине с сухим, невыразительным лицом; эта женщина и есть его жизнь. При всей чувствительности, утонченности, «артистичности» Абогина его жизнь, по существу, сухая и невыразительная; это жизнь эгоистическая, узкая, замкнутая в кругу ничтожных, бессодержательных переживаний.

Так в рассказе «Враги» предстают главные художественные особенности творчества Чехова, приемы его великолепного мастерства, его лирический «подтекст».

Живопись картин в рассказе Чехова невольно вызывает стремление «перевести» эти картины с языка живописи словом на язык живописи кистью.

Художники Чеховы

Прошлым летом внимание жителей Александровска-на-Сахалине привлекали двое приезжих. Часами бродили они по городу, подолгу простаивая у каких-то зданий, а повстречав на улице старика или старушку, останавливали их и задавали странные вопросы: не скажут ли они, где находился дом полицейского управления, лавка колониального фонда, тюремный госпиталь...

Это были художники Чеховы: племянник Антона Павловича Чехова Сергей Михайлович с сыном Сергеем, студентом Московского художественного института имени В. И. Сурикова. Они прибыли на Сахалин для того, чтобы проехать по тем местам, где в свое время побывал А. П. Чехов.

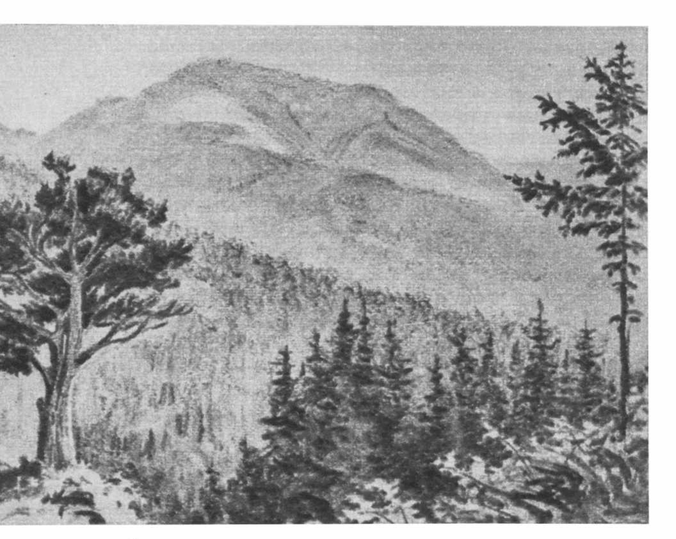
Более двадцати лет Сергей Михайлович Чехов посвятил путешествиям по чеховским местам, свыше четырехсот рисунков выполнил он за эти годы.

Таганрог, Подмосковье, Ялта... А вот украинская усадьба близ Сум, где Чеховы жили три лета подряд; задворки деревни Белой, бывшей Нижегородской губернии. Зимой 1891—1892 годов в Поволжье свирепствовал голод, и А. П. Чехов принимал деятельное участие в организации помощи голодающим.

Посещая чеховские места, Сергей Михайлович старается разыскать людей, которые помнят Антона Павловича Чехова. Иногда удается узнать интересные подробности из жизни писателя.

Недавно в издательстве «Московский рабочий» вышла книга воспоминаний «Вокруг Чехова». Написана она родным братом писателя — Михаилом Чеховым. Иллюстрации к книге сделаны сыном и внуком Михаила Павловича — Сергеем Михайловичем и Сергеем Сергеевичем Чеховыми.

Л. КАФАНОВА

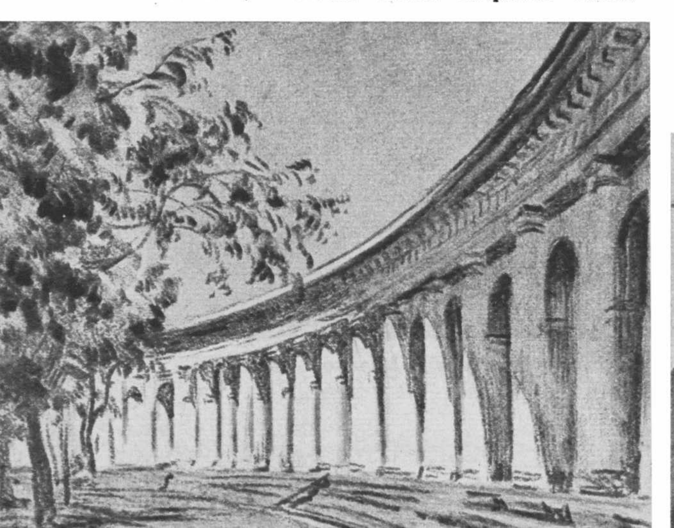

С. М. Чехов. Сахалин. Пейзаж близ Южно-Сахалинска (бывшая Владимировка).

С. С. Чехов. Сахалин. Кировское, бывшее Рыковское. Изба ссыльно-каторжного Маркела Иванова.

С. С. Чехов. Таганрог. Торговые ряды, где торговал отец писателя Павел Егорович Чехов.

Сергей Михайлович и Сергей Сергеевич Чеховы.

Фото Ю. Кривоносова.

П. А. Нилус. А. П. ЧЕХОВ. 1902—1903 годы.

Дом-музей А. П. Чехова. Москва.

И. И. Левитан.
МЕЛИХОВО.

Н. Н. Горлов.

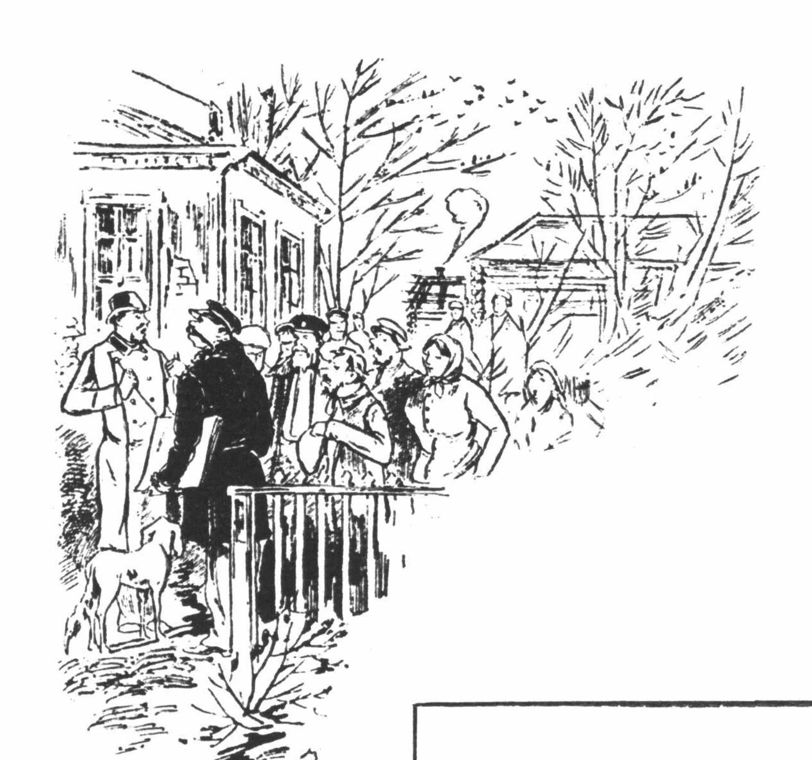
МАКСИМ ГОРЬКИЙ
и А. П. ЧЕХОВ
СЛУШАЮТ
Ф. И. ШАЛЯПИНА.

1959 год.

И. И. Левитан. РЕКА ИСТРА. 1885 год.

«ШВЕДСКАЯ СПИЧКА»

Пародия А. П. Чехова на уголовный рассказ

Ник. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

«Утром, 6 октября 1885 г., в канцелярию станового пристава 2-го участка С-го уезда явился прилично одетый молодой человек и заявил, что его хозяин, отставной гвардии корнет Марк Иванович Кляузов, убит. Заявляя об этом, молодой человек был бледен и крайне взволнован. Руки его дрожали и глаза были полны ужаса».

Так начинается рассказ «Шведская спичка», написанный молодым Антоном Павловичем Чеховым в 1883 году. Рассказ был впервые напечатан в «Альманахе Стрекозы», в приложении к журналу «Стрекоза» на 1884 год. И журнал и альманах редактировал И. Ф. Василевский (Буква).

Рассказ остроумно иллюстрирован художником Николаем Чеховым, братом Антона Павловича. Некоторые из этих иллюстраций приводятся здесь.

Читатели, разумеется, помнят дальнейшее развитие «Шведской спички», носящей подзаголовок «Уголовный рассказ». В нем имеются вроде бы все элементы обычного «сыщицкого» жанра, которым безмерно увлекались в 80-х годах прошлого столетия. Здесь и пропавший труп убитого, и «мудрый, но действующий по старинке» следователь Чубиков, и его помощник-письмоводитель Дюковский, якобы обладающий особым нюхом и решающий «психологические задачи» на основе «беспощадной логики» сыщика.

Ярко, остро, по-чеховски нарисована мещанская провинциальная глушь, с глубоким юмором очерчены представители «власть имущих» и окружающие их люди.

«Кляузовское дело» развертывается в рассказе, держа в напряжении читателя. Уже арестованы по «нюху» Дюковского несколько человек, а «загадка» все еще не решена.

Ключом к развязке событий служит обгоревшая шведская спичка, найденная «гениальным сыщиком» Дюковским в комнате убитого корнета. «Психологические умозаключения» Дюковского приводят следственные власти к жене станового, якобы замешанной в убийстве корнета. «Застигнутая врасплох», жена станового ведет следователей в... баню, где спит отнюдь не убитый, а живой и пьяный ее любовник — корнет Кляузов, которого она все эти дни прятала от ревнивого мужа.

Следует общий конфуз и яростная брань следователя Чубикова в адрес своего помощника Дюковского:

«— Подавись своей спичкой! Уйди и не раздражай, а то я из тебя, черт знает, что сделаю! Чтобы и ноги твоей не было!

Дюковский вздохнул, взял шляпу и вышел.
— Пойду запью! — решил он, выйдя за ворота, и побрел печально в трактир».

Совершенно ясно, что перед нами отнюдь не попытка написать «уголовный рассказ», хотя бы и в юмористической форме. «Шведская спичка» — злая сатирическая пародия на уголовные романы, которыми так увлекались в то время. Пародия, бьющая не столько по производителям этой печатной макулатуры, сколько по мещанам-читателям, с восторгом переваривающим подобное «чтиво».

В своих ранних фельетонах Чехов писал об «уголовных романах»: «Читаешь, и оторопь берет... Убийства, людоедства, миллионные проигрыши, привидения, лжеграфы, развалины замков, совы, скелеты, сомнамбулы и... черт знает, чего только нет в этих раздражениях пленной и хмельной мысли!».

Но гнева фельетониста для обличения этой своего рода «болезни века» Чехову показалось мало, и он пишет пародию, которая убивает острейшим чеховским оружием — смехом.

Далеко не сразу была понята специалистами пародийность «Шведской спички». В книге А. Дермана «Творческий портрет Чехова» «Шведская спичка» причислена, например, к разряду «эффектно-фабульных произведений», характерных для раннего Чехова. То, что «Шведская спичка» — пародия, великолепно поняли читатели Чехова. В борьбе за высокий вкус в литературе, в борьбе против обывательских увлечений «уголовщиной» «Шведская спичка» сыграла немалую роль.

О намерении самого Чехова написать «Шведскую спичку» именно как пародию свидетельствует письмо Антона Павловича к редактору журнала «Осколки» Николаю Александровичу Лейкину. Письмо было впервые опубликовано в книге «Лейкин в его воспоминаниях и переписке» (1907), но опубликовано с некоторыми пропусками. Таким оно перешло в известное издание писем Чехова, под редакцией его сестры М. П. Чеховой, а оттуда в Полное собрание сочинений писателя, начатое у нас в 1944 году. Подлинник письма, о котором идет речь, считался утерянным. Сейчас письмо находится в моем собрании. Содержание письма таково:

«19 сентября (1883 г., Москва).

Многоуважаемый Николай Александрович!

Зима вступает в свои права. Начинаю работать по-зимнему. Впрочем, боюсь, чтобы не сглазить...

Написал Вам пропасть, дал кое-что в «Будильник» и в чемодан про запас спрятал штучки две — три... Посылаю Вам «В ландо», где дело идет о Тургеневе, «В Москве на Трубе». Последний рассказ имеет чисто московский интерес. Написал его, потому что давным-давно не писал того, что называется легенькой сценкой. Посылаю и еще кое-что. Заметки опять не того... Отдано мною большое место «Училищу живописи» не без некоторого основания. Во-первых, все художественное подлежит нашей цензуре, потому что «Осколки» сами журнал художественный, а во-вторых, вокруг упомянутого училища вертится все московское великое и малое художество. В-третьих, каждый ученик купит по номеру, что составит немалый дивиденд, а в 4-х, мы заговорим об юбилее раньше других. Я мало-помалу перестаю унывать за свои заметки. В Ваших питерских заметках тоже мало фак-

Рисунки Николая Чехова.

тов. Все больше насчет общего, а не частного... (Прекрасно ведутся у Вас эти заметки... Остроумны и легки, хотя и ведет их, по-видимому, юрист). Потом, я уже два раза съел за свои заметки «подлеца» от самых искренних моих, а А. М. Дмитриев рассказывал мне, что он знает, кто этот Рувер. «Он в Петербурге живет. Ему отсюда посылается материал. Талантлив, бестия!»

Недавно я искусился. Получил я приглашение от Буквы написать что-нибудь в «Альманах Стрекозы»... Я искусился и написал огромнейший рассказ в печатный лист. Рассказ пойдет. Название его «Шведская спичка», а суть — пародия на уголовные рассказы. Вышел смешной рассказ. Мне нравятся премии «Стрекозы».

Вы пишете, что Пальмин дикий человек. Немножко есть, но не совсем... Раза два он давал мне материал для заметок, и из разговоров с ним видно, что он знает многое текущее. Проза его немножко попахивает чем-то небесно-чугунно-немецким, но, ей-богу, он хороший человек. Вчера у меня были большие гимназисты... Глядели «Суворина на березе» и не поняли.

Прощайте. С почтением имею честь быть А. Чехов».

Вне всякого сомнения, это — одно из очень интересных писем Чехова. Помимо подтверждения того, что рассказ «Шведская спичка» написан им именно как «пародия на уголовные рассказы», чем, собственно, кладется конец спорам по этому поводу, все остальное в письме крайне любопытно. Упоминаемый рассказ «В ландо» был напечатан Н. А. Лейкиным в журнале «Осколки», а рассказ «В Москве на Трубе», один из очаровательных рассказов Чехова, был возвращен автору и напечатан им, но не в «Осколках», а в «Будильнике». Лейкин мотивировал свой отказ тем, что рассказ «имеет чисто этнографический характер».

Разговор о «заметках» касается репортерской работы Чехова, которую он вынужден был вести в тех же «Осколках» под псевдонимом «Рувер». В данном случае репортаж касался пятидесятилетнего юбилея Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Упоминаемые имена: Буква — И. Ф. Василевский, редактор журнала «Стрекоза»; А. М. Дмитриев — сотрудник «Зрителя», писавший под псевдонимом «Барон Галкин»; Л. И. Пальмин — поэт, познакомивший, между прочим, молодого А. П. Чехова с редактором журнала «Осколки» Н. А. Лейкиным. Что значит в письме фраза «глядели «Суворина на березе», установить не удалось. По-видимому, речь идет о какой-то карикатуре на Суворина, редактора газеты «Новое время».

Небезынтересны некоторые подробности о самом адресате, редакторе «Осколков» Н. А. Лейкине.

Все знают, как трудно начал свой писательский путь А. П. Чехов. Материальная нужда заставила его кинуться в объятия мелкой юмористической прессы. Журналы «Стрекоза», «Осколки», «Свет и тени», «Будильник», «Зритель» и другие, в которых начал свою деятельность писатель Чехов, мало чем отличались друг от друга. Мелкие, банальные темы, характерные для 80-х годов, заполняли страницы этих юмористических органов. Безыдейные, рассчитанные на мещанские вкусы обывателей, журналы эти не шли дальше обличения купцов-лавочников, мелких чиновников и неудачников-литераторов. Неверность жен, браки по расчету, дачные мужья, мелкие взяточники являлись едва ли не основными их темами.

Редактор «Осколков» Н. А. Лейкин был, несомненно, самым крупным и популярным среди редакторов и сотрудников всех этих журналов и журнальчиков. К моменту знакомства с Чеховым Лейкин считался уже знаменитым. Купечество Гостиного и Апраксина дворов было в восторге от его юмористических романов «Наши за границей», «Стукин и Хрустальников», от сборников рассказов «Неунывающие россияне», «Саврасы без узды». Плодовитость Лейкина была необычайна. Кое-что из написанного им было совсем неплохо и увлекло за собой не только «апраксинцев», но и часть буржуазной интеллигенции. Кроме того, некоторые произведения Лейкина печатались в «Современнике» и «Отечественных записках».

О популярности Лейкина говорит известный анекдот, приписываемый К. А. Тимирязеву. Великий ученый, в то время еще будучи сравнительно молодым человеком, в 1883 году выехал в Петербург на похороны любимого им писателя Ивана Тургенева. Похороны творца «Записок охотника» привлекли невиданное количество народа.

Стоял жаркий день. Тимирязеву захотелось пить, и он зашел по дороге в какую-то бакалейную лавку — утолить жажду стаканом кваса.

Стоявший за прилавком купчина-хозяин почтительно спросил ученого:

— Кого это, господин, хоронят, позвольте узнать?

— Ну как кого? Неужели вы не знаете? Хоронят великого писателя Тургенева.

На это живой «герой лейкинской музы» глубокомысленно ответил:

— Подумать только, писатель Тургенев — и столько народа! Что ж это может быть, если не дай бог когда-нибудь помрет сам господин Лейкин!

Молодой Чехов вначале тоже был несколько увлечен редактором «Осколков» и, считая Лейкина почти «метром», охотно пошел на его предложение сотрудничать исключительно в «Осколках».

Очень скоро, однако, Чехов раскусил сущность этого предложения. И если в 1883 году Чехов писал брату Александру о Лейкине, что «человечина он славный, хоть и скупой», то уже через пять лет Антон Павлович видел в Лейкине только дельца-редактора и «буржуа до мозга костей».

Как бы то ни было, некоторую роль в судьбе молодого Чехова Лейкин, несомненно, сыграл. И если он не «открыл Чехова», как позже сам же писал в своих мемуарах, то какую-то долю помощи пытался оказывать. Не считая маленькой книжки Чехова «Сказки Мельпомены», вышедшей в Москве в 1884 году и содержащей всего шесть рассказов, первая настоящая книга писателя, «Пестрые рассказы», была издана в 1886-м журналом «Осколки».

Не так просто было с изданием книг в то время. Лейкин вряд ли предполагал, что, оказывая помощь молодому и задиристому писателю Антоше Чехонте, сам он вписывал этим свое имя в историю русской литературы куда больше, чем всеми собственными произведениями, создавшими ему большую, но короткую славу.

Возвращаясь к рассказу Чехова «Шведская спичка», нельзя не обратить внимания на то, что рассказ подписан в «Альманахе Стрекозы» не одним из многочисленных псевдонимов писателя и даже не «Антоша Чехонте», а полностью: «А. Чехов».

Это если не первый, то, во всяком случае, один из первых рассказов Чехова, подписанный его настоящей фамилией. Надо принять во внимание, что даже первая книжка писателя, «Сказки Мельпомены», вышла под именем А. Чехонте. На обложке второй чеховской книги стоит тоже «А. Чехонте» (лишь на заглавном листе в скобках — «Ан. П. Чехов»). Только на третьей своей книге, изданной в 1887 году под заглавием «В сумерках», Чехов окончательно прощается с А. Чехонте и подписывает книгу полностью: «Ан. П. Чехов». Появление такой же его подписи в конце 1883 года под рассказом «Шведская спичка» мне не кажется случайным. По-видимому, сам Антон Павлович придавал немалое значение «Шведской спичке», которая по тому времени явно была одной из самых значительных его работ, имевших не только «улыбательный» характер.

Антоша Чехонте вырастал в Антона Павловича Чехова — славу и гордость великой русской литературы.

Его любят в странах Азии

Мартин ВИКРАМАСИНГХ, Цейлон

Гений Чехова вдохновляет наших лучших писателей. Более, чем любой другой европейский новеллист, он популярен среди нашей интеллигенции. Это тем более удивительно в стране, интеллигенция которой на протяжении более чем столетия испытывала непрерывное воздействие английского языка и литературы.

Совсем недавно редакторы крупнейшего цейлонского журнала, выходящего раз в три месяца, объявили о своем намерении издать в этом году специальный чеховский номер.

Подобно Шекспиру или Диккенсу, Чехов получил всеобщее признание. Но любовь народа Цейлона к Чехову более интимная и более сильная.

Писатель, который делает материалом для рассказов свой личный опыт жизни, должен создавать оригинальные произведения, не связанные старыми теориями искусства и критическими схемами. Одним из величайших писателей такого рода является Чехов.

Подобно Горькому и Достоевскому, он сохранил свою независимость и оригинальность, отказавшись от западных теорий романа, потому что жизнь русского народа, несмотря на внешнее сходство, отличается от жизни народов Западной Европы.

Жизнь дореволюционной России, как и в Индии и на Цейлоне, была хаотичной и стремительной. В этом и состоит близкое психологическое сходство в жизни средних классов России и Цейлона. Здесь не только всеобщее сходство жизни, раскрываемое великими писателями. Чехов развивал свой безыскусный метод изображения российской жизни со всеми ее быстро меняющимися красками и образами. Такова одна грань чеховского гения, вдохновляющая наших писателей.

В странах, где рабочий класс задавлен капиталистами, рассказы Горького становятся силой, побуждающей людей к социализму. Рассказы Чехова будут также формировать убежденных социалистов среди цейлонцев, вышколенных в течение столетий буддизмом и индуизмом.

Гений Чехова с его инстинктивным недовольством ужасами капиталистического общества показывает в поздних рассказах жизнь русских средних классов. За их характерами — психологическая атмосфера, живо воспроизводящая норыстолюбие, эксплуатацию, тщеславие, бесчеловечную жестокость неограниченной конкуренции капиталистического общества и их трагические последствия.

Афиша спектакля «Три сестры» в Японии.

ГОРДЫЙ ПОЛЕТ „ЧАЙКИ"

А. СОЛОДОВНИКОВ,
директор МХАТа

С появлением на сцене чеховской «Чайки» связано — не формально, а по существу — самое рождение Московского Художественного театра. Светлый, человечный талант Чехова определил самую суть искусства Художественного театра: его трепетную взволнованность, умение нести в зрительный зал тончайшие движения человеческой души, веру в человека. Чайка не случайно стала эмблемой театра.

В свою очередь, Художественному театру Чехов обязан славой выдающегося драматурга. Если бы в мхатовской «Чайке» не произошло органического слияния новаторских приемов писателя и театра, русская и мировая литература, может быть, и не получила бы ни «Трех сестер», ни «Вишневого сада». Ведь они были написаны специально для Художественного — уже после того, как Чехов поверил в существование театра, способного понять его творчество и воплотить на сцене.

В день 25-летия первой постановки «Вишневого сада» Вл. И. Немирович-Данченко произнес в Чеховском обществе пророческие слова: «...Придет какая-то молодая труппа, очень талантливая, какие-то наши внуки, которые сумеют схватить все то, что сделал Художественный театр с Чеховым, и в то же время сумеют как-то осветить пьесу и с точки зрения новой жизни... и тогда Чехов еще раз начнет жить для русской публики».

С той поры прошло более тридцати лет. Внуки пришли. И в дни столетия Чехова они не просто почтительно склоняют головы перед памятью великого писателя. Нет! Они знают и любят его как соратника, потому что в его творчестве находят взгляд в будущее, мысли, надежды, устремление к новой жизни... Пусть для Чехова эта жизнь была лишь неясным мерцанием зари наступающего дня, а для его внуков стала живой, ощутимой реальностью, все равно Антон Павлович остается подлинным современником для своих внуков. Они вместе с Вершининым и Тузенбахом спорят о том, что такое счастье, только теперь лучше, яснее видят пути к счастью. Они понимают: смысл будущего — коммунизм, участие в его строительстве — и вместе с Астровым берегут и насаждают леса, вместе с Петей Трофимовым бодро говорят: «Здравствуй, новая жизнь!»

Внукам Чехова кажется, что он, такой скромный, в своем старомодном пенсне, немножко нелюдимый и неразговорчивый, шагает рядом с ними со своим вопрошающе-любознательным взглядом. И они рассказывают ему, что не подвели его, что они счастливы, что борются за жизнь, которая становится и обязательно станет «невообразимо прекрасной».

Немирович-Данченко ошибся, пожалуй, только в одном. Чехов живет сейчас не только для русской публики, а для всех стран и народов! Весь мир отмечает юбилей Чехова. Там, за «горами горя», его популярность в наши дни необычайна. Писатель привлекает людей своей непримиримостью к житейской пошлости, своей уверенностью в светлом будущем.

Людям, которые любят Чехова, мы хотели бы передать его веру, его оптимизм.

И мы делаем это.

Когда Художественный театр во время своих недавних поездок в Англию, Францию, Японию показывал пьесы Чехова, публика и пресса сначала испытали удивление, затем огромную радость: в спектаклях МХАТа им открылся новый, неведомый певец надежды, увидевший сквозь туман будущего «небо в алмазах».

Почта Художественного театра после наших зарубежных поездок пестрит марками самых различных стран. Большинство писем связано с именем Чехова, с работой над его произведениями.

Наш китайский друг Чэнь Жуи окончила в Москве ГИТИС. Мы отправили ей альбом фотографий для постановки «Трех сестер»: к чеховскому столетию готовится спектакль в Пекине. Токийский Художественный театр создан в Японии после гастролей МХАТа; во главе театра стоят последователи Станиславского, поклонники Чехова. И с ними мы связаны постоянной перепиской.

Но бывают случаи потруднее. Вот листочек тонкой голубоватой бумаги. Он отправлен из Южной Родезии. Любительский театр города Булавайо хочет ставить «Чайку»!.. Музей МХАТа тщательно подобрал для театра в Булавайо все материалы, которые могли бы помочь первой постановке Чехова в Черной Африке... И трудно было передать нашу радость, когда пришел второй голубой листочек. В нем говорилось:

«В Черной Африке традиции Московского Художественного театра являются могущественной силой. Мы очень благодарны за чудесные фотографии ваших постановок чеховских пьес. Они дошли в полной сохранности. Поверьте, что получить такое доказательство дружбы от театрального коллектива, который лондонский «Таймс» назвал «самым прославленным театральным коллективом в мире», и получить такие добрые слова поощрения явилось вдохновляющим импульсом».

Любят и ставят Чехова в Майами (штат Флорида) в одном из лучших студенческих театров США. И этому театру по его просьбе мы послали выставку, посвященную истории чеховских постановок. Эта выставка обошла многие города Америки и, как нам сообщают из Майами, имела большой успех. Студенческий театр, в свою очередь, посылает МХАТу фотографии своей работы над чеховской «Чайкой».

«Чайка». Англия.

Бессмертную и волнующую жизнь обрели пьесы Чехова на подмостках советского театра. Но и за пределами родины писателя многие честные художники стремятся зажечь у людей огонь надежды, сделать их жизнь чище, осмысленнее. Они обращаются к нашему Чехову, и он помогает им в этом! Чеховская «Чайка» летит все выше, все дальше...

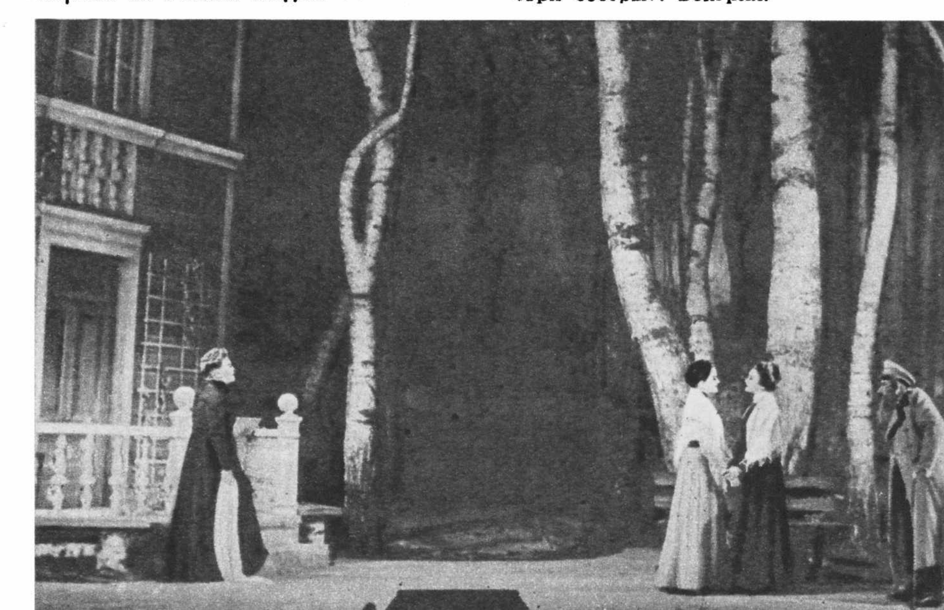
«Чайка» свободно пересекает океаны!..

«Чайка» парила над колыбелью Художественного театра. Благодаря Чехову вырос и окреп театр. Коллектив МХАТа отмечает чеховские дни новой постановкой «Чайки», надеясь, что спектакль творчески свежо раскроет поэтические богатства этого произведения, воплотит мысли, образы, которые и сейчас волнуют каждого художника, ищущего путей к настоящему, большому искусству.

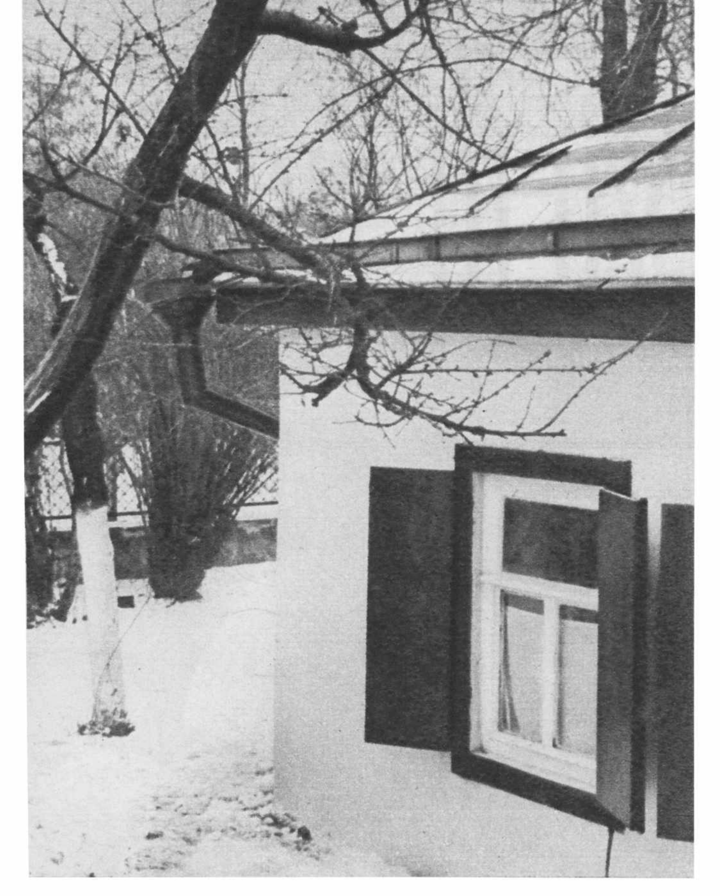
...На моем столе лежат первые экземпляры медали, которую Художественный театр отливает в честь предстоящего юбилея А. П. Чехова. Эта медаль — людям, отдающим свой талант народу, ищущим истоки искусства в жизни, в борьбе за счастье людей.

«Дядя Ваня». Китай.

«Три сестры». Венгрия.

Дом, где родился Антон Павлович Чехов.

огненно-рыжей бородой. Сыновья узнали «дары» учительской линейки, но в познаниях не пошли дальше «альфы, беты и гаммы». Пришлось Павлу Егоровичу отдать мальчиков в гимназию.

Среди множества интересных, трогательных, бесконечно волнующих экспонатов, пожалуй, самый драгоценный — школьная парта Антона Чехова, та самая, за которой писалось выпускное сочинение о «безначалии». Стоит эта парта в том самом классе и на том самом месте, как стояла при Чехове, — на «камчатке», у окна. В этом чеховском классе находится ныне музей.

Чехов — душа города. Его любят здесь особой, нежной и проникновенной любовью. Не просто чтят память великого писателя, а именно любят — как живого, как современника.

Я к Чехову поближе подхожу
И, к камню теплому прильнув щекою,
С ним вместе вдаль на Таганрог гляжу,
На все обоим нам родное...

Это строфа из стихотворения школьника, прочитанного на школьном вечере в чеховской школе. Чудесный это был вечер! Читались рассказы Чехова, посвященные ему стихи. Десятиклассники сыграли «Юбилей». В исполнении ребят этот смешной водевиль выглядел во сто раз смешней: слишком уж очевиден контраст исполнителей и персонажей. И хотя все до одного «актеры» были отличники, боже, какую невообразимую кутерьму подняли они в своей «артистической», когда пытались преобразиться в «нестарого человека с моноклем» — Шипучина, в «старуху в салопе» — Мерчуткину или в старого бухгалтера Хирина! Зрители — папы и мамы, учителя и школьники — хохотали до слез.

А вот другая группа «артистов», девятиклассники. Это народ серьезный. Они взялись за «Трех сестер» и многое поняли в этой чеховской пьесе глубоко и тонко. Поняли главное: что герои «Трех сестер» не нытики, что они умели мечтать о лучшей жизни, что способны были трудиться и созидать.

Современный Таганрог — город высокоразвитой тяжелой индустрии. Здесь производятся самоходные комбайны, сталь, трубы, чугун и едва ли не самые крупные в стране котлы высокого давления. Здесь с благоговением хранят память о том, как, посетив в свой последний приезд на родину котлостроительный завод, Чехов жадно интересовался положением рабочих. И не случайно он вложил горькие слова в уста студента Пети Трофимова из «Вишневого сада»: «...у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота...»; «Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни?» — восклицал все тот же Петя Трофимов...

Поглядел бы Антон Павлович на своих земляков-рабочих сегодня, побывал бы в их Дворцах культуры, в их новых квартирах, в детских яслях!

В городе строятся новые ясли, дома, школы, клубы, Дворцы культуры...

И, наконец, театр! «Волшебный край!» Во времена Чехова гимназистам посещение театра не дозволялось. И все же Антоша здесь бывал часто. Смотрел он «Ревизора», «Гамлета». Сбросив гимназический мундирчик, облачившись в «партикулярное» платье, а то для вящей конспирации приклеив себе усы и бакенбарды, забирался на галерку... «Это был период увлечения театром и театральным искусством,— писал в своих воспоминаниях современник Чехова таганрожец В. В. Зелененко.— Гимназисты вообще были поклонниками талантов, и всякий талант находил себе восторженных почитателей. Но тут были поклонники чистые, бескорыстные...»

С этой чистой и бескорыстной любовью к искусству навсегда вошел театр в жизнь Чехова. И, быть может, в том, что Чехов стал великим драматургом, большая заслуга театра города его юности.

КАК ЖИВОЙ С ЖИВ

Л. ЖУКОВА

Фото Ф. Короткевича.

Память о Чехове — удивительном писателе и удивительном человеке — живет в каждом доме, в каждом уголке Таганрога. Вот домик из самана, невзрачный и приземистый. Более ста лет тому назад в нем поселилась семья Павла Егоровича и Евгении Яковлевны Чеховых. Здесь в крошечной комнатке родился третий сын их — Антон. За домом, под окном, старенькая, сухая вишня. Вишнями высажена и узкая аллейка, ведущая к дому. Сейчас они голые, озябшие, а весной, должно быть, чудесны в цвету...

Улица, на которой родился Чехов, называлась Полицейской. Ничего более нелепого, чем это сочетание, и не придумаешь. Теперь это улица Чехова.

А вот знакомый по описаниям каменный спуск к морю, где кареглазый мальчик любил сиживать часами с книгой в руках. Иногда ловил он тут головастых бычков... В городском парке культуры и отдыха есть аллея, которую еще с чеховских времен зовут Гимназической. Антоша часто гулял здесь. «Он очень любил ухаживать за гимназистками»,— вспоминает брат писателя М. П. Чехов.

Спартаковский переулок ведет к школе номер два имени А. П. Чехова. Это бывшая классическая гимназия, одно из первых средних учебных заведений на юге России...

Ребятишки в красных галстуках заполняют те самые классы, где пересмешник Антоша Чехонте постигал тайны латинских «экстемпоралий» (переводы русского текста на латинский). Но уже нет окошек в дверях, ведущих в класс: «воспитатели» не подглядывают за своими подопечными... Прообразы Беликова, «человеки в футлярах», предложили чеховскому выпуску великолепно изобретенную ими тему: «Несть горше зла, чем безначалие». Среди гимназистов ходили слухи, что Антону Чехову за сочинение директор гимназии, действительный статский советник Э. Рейтлингер, предлагал поставить двойку, ибо написано было оно «не на тему». Увы, содержание этого сочинения до наших дней не дошло: его не сберегли.

Зато как бережно и требовательно отбирают ребята свои сочинения в альманах «Чеховцы». Поместить в этом альманахе свое сочинение — большая честь для каждого начинающего «литератора».

В школе имени Чехова есть небольшой музей, созданный преподавателем литературы Иваном Ивановичем Бондаренко. Он страстный чеховед, по крупицам коллекционирующий все, что может служить приметой детских и гимназических лет писателя. Внимание привлекает макет желтого, унылого дома, вытянутого в длину. Так выглядит, оказывается, и поныне здание, где помещалась анекдотическая греческая школа, отравившая Чехову его детские годы. И сразу вспоминаешь: «В детстве у меня не было детства». Павел Егорович Чехов хотел добра своим детям, когда отдал Николая и Антона обучаться к греку Николаю Спиридоновичу Вучине, человеку с

Таганрогскую сцену на протяжении многих десятилетий украшали подлинные таланты, настоящие мастера. В советское время, в 1944 году, сюда приехала группа выпускников Государственного института театрального искусства, учеников прославленного М. М. Тарханова, приехала, чтобы «строить и жить». Молодой коллектив сразу же заявил о себе как о принципиальных «чеховцах», открыв сезон «Тремя сестрами», и с тех пор последовательно и убежденно работает над чеховской драматургией. После «Трех сестер» — спектакля, о котором говорили не только в Таганроге,— последовали «Иванов», «Вишневый сад», «Чайка», «Дядя Ваня». Юные «чеховцы» заставляли верить в трагедийную силу своих героев. Воспитанные на Чехове, они смогли воплотить и мир горьковских образов, с их могучей бунтарской душой, по плечу им оказались и образы современных советских людей.

Столетие со дня рождения Чехова для молодого коллектива совпало со значительно более скромной, но тоже дорогой для него датой. Пятнадцать лет в таганрогском театре!.. Пятнадцать лет — срок немалый, но коллектив не «постарел». Это все те же «чеховцы», все так же верны они своим юношеским традициям. К чеховским дням таганрожцы поставили заново «Вишневый сад», и если можно говорить о недостатках этого спектакля, то главный из них — молодость исполнителей. По-прежнему явно «моложавы»

Здание бывшей гимназии. Здесь прошли школьные годы Чехова.

Раневская, Гаев, Симеонов-Пищик, Шарлотта, Фирс...

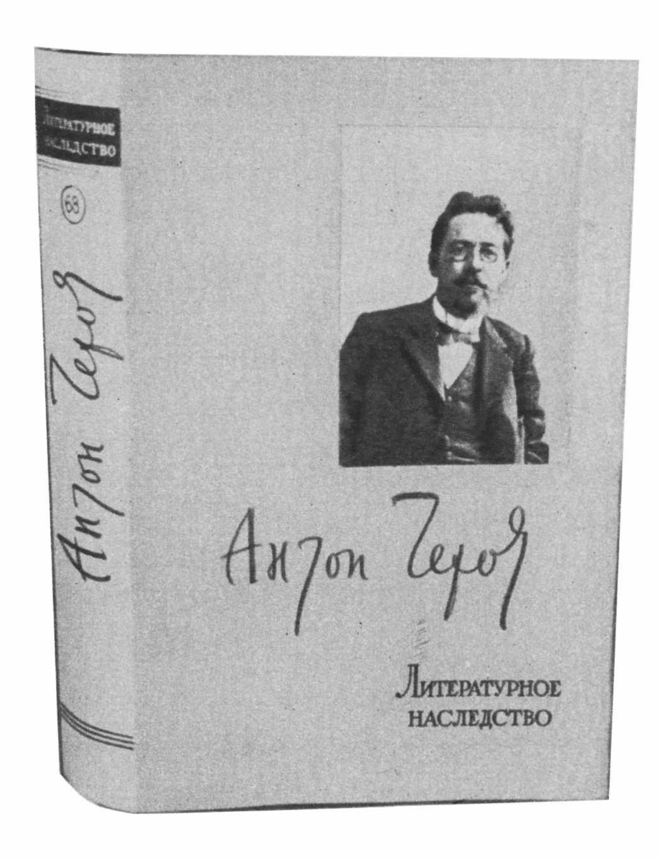
Режиссеры спектакля — С. Лавров и В. Мартьянова. Это — примечательное сочетание. Валентина Ивановна Мартьянова — педагог «тархановского курса» — не забывает своих питомцев. Регулярно приезжает она из Москвы в Таганрог, следит за творческим ростом своих «детей», многие из которых стали уже заслуженными. Вот и сейчас на афише имя Мартьяновой стоит рядом с именем ее ученика, главного режиссера театра С. С. Лаврова, заслуженного деятеля искусств РСФСР. В спектакле «Вишневый сад» много свежего, он радует образностью, ясностью замысла, чистотой исполнительской манеры. Есть в нем заслуживающие внимания режиссерские находки: второе действие перенесено с поля у часовенки в вишневый сад. Казалось бы, это — отступление от чеховской ремарки. Но, нет, театр не спорит с Чеховым, а стремится как можно более полно, более драматично выразить и раскрыть его же замысел. Стоит только взглянуть на сцену на чахлые, едва расцветшие деревья, на голые сучья, чтобы понять: вот он, образ оскудевающего, бесплодного прошлого... Эту тему тонко несут и Л. Антонюк в роли Раневской (в старом спектакле она играла Аню), и П. Будяк — Гаев, и В. Волков — Фирс.

...Торжественно отмечает Таганрог столетие со дня рождения своего великого земляка. В этот день миллионы людей вспомнят о городе на Азовском море, давшем миру Чехова.

За этой партой сидел Антон Чехов.

Сцена из спектакля «Вишневый сад» в исполнении артистов Таганрогского драматического театра имени А. П. Чехова. Слева: Варя — М. Плышевская, Раневская — Л. Антонюк, Аня — В. Кириллова, Петя Трофимов — В. Успенский.

Издательство Академии наук СССР выпускает к юбилею А. П. Чехова очередной том «Литературного наследства». В нем печатаются ранняя редакция «Трех сестер», рукописный текст рассказа «Невеста», несколько ранних юмористических фельетонов, принадлежность которых Чехову выяснена только теперь. В томе публикуются 142 письма Чехова, большинство которых оставались совершенно неизвестными, а другие публиковались с купюрами или затерялись на страницах периодических изданий. Представлено около ста не вошедших в Полное собрание сочинений дарственных надписей Чехова на книгах и фотографиях. Интересны публикуемые в томе письма к Чехову А. Плещеева, А. Куприна, И. Бунина, Вс. Мейерхольда, а также воспоминания и выдержки из неизданных дневников современников Чехова.

О значении, которое приобрело творчество Чехова за пределами Советского Союза, убедительно свидетельствуют материалы, собранные в разделе «Чехов за рубежом»: обзоры по Франции, Чехословакии, США и Англии, история произведений Чехова в различных странах.

Из чеховского тома «Литературного наследства» мы публикуем здесь письмо Чехова к И. Э. Бразу, воспоминания художницы А. А. Хотяинцевой о встречах с писателем и отзывы иностранных литераторов о Чехове.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

Публикация и послесловие И. С. Зильберштейна.

И. Э. БРАЗУ

<Москва.> 4 апр<еля 1897 г.>

Многоуважаемый Иосиф Эммануилович.

У меня, по определению докторов, процесс в легочных верхушках. Крови ужг нет, я хожу свободно и 10 апреля уеду к себе в Лопасню, но будущее мое неопределенно. Возможно, что во второй половине мая меня пошлют на кумыс, а осенью куда-нибудь на юг. Во всяком случае буду изо всех сил гнуть к тому, чтобы быть в Петербурге 5—10 мая. Если это не удастся и если я летом буду здоров (относительно), то поеду на родину в Таганрог. Из Таганрога рукой подать в Херсонскую губ., где вы будете находиться. Если вы будете расположены работать летом, то сообщите мне ваш херсонский адрес — и я приеду.

Пейзажист Левитан серьезно болен. У него расширение аорты. Расширение аорты у самого устья, при выходе из сердца, так что получилась недостаточность клапанов. У него страстная жажда жизни, страстная жажда работы, но физическое состояние хуже, чем у инвалида.

От всей души благодарю вас за письмо и ваше сочувствие. Желаю всего хорошего и крепко жму руку.

Искренне вас уважающий и преданный

А. ЧЕХОВ

Уже в первые годы своей коллекционерской деятельности П. М. Третьяков поставил себе одной из задач создание галереи портретов своих современников— выдающихся русских людей, и в первую очередь писателей. С конца 1860-х годов он приступил к осуществлению этого плана, заказывая такие портреты лучшим художникам. Благодаря замечательной инициативе Третьякова портреты Достоевского, Островского, Майкова, Даля исполнил Перов, портреты Льва Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Гончарова, Полонского, Григоровича— Крамской, портреты Тургенева, Писемского, А. К. Толстого, Гаршина — Репин. Ряд портретов писателей Третьяков заказал в 1890-х годах,— в частности, в 1894 году он предложил Серову написать портрет Лескова.

В конце 1896 года П. М. Третьяков начал подумывать о заказе портрета Чехова.

В январе—феврале следующего года Третьяков обратился к молодому живописцу Иосифу Бразу (1872—1936) с предложением написать портрет Чехова. Чем был продиктован такой выбор Третьякова, неизвестно. Сохранилось письмо Третьякова к Бразу от 21 января 1897 года, в котором сообщается о приобретении одного его произведения, понравившегося Третьякову (хранится в отделе рукописей Русского музея). В те же недели Третьяков предложил Бразу написать портрет Чехова. Молодой художник, польщенный таким предложением, ответил согласием. Тогда Третьяков решил заручиться согласием Чехова. С этой целью 2 марта он навестил Левитана, который в тот же день сообщил писателю: «Только что был у меня П. М. Третьяков, дорогой мой Ант[он] Пав[лович], и просил написать тебе и узнать, когда ты будешь в Питере и на сколько времени. Он договорился с художником Бразом, очень талантливым портретистом, получившим, между прочим, первую премию за портрет. Живет он в Питере и страстно желает писать с тебя. Он обещал Третьякову долго не мучить тебя. Ответь мне скорей». Чехов через день — 4 марта,— побывав у Левитана, дал согласие позировать Бразу (в это же посещение Чехов обследовал плохо чувствовавшего себя Левитана и установил у него тяжелое заболевание сердца, о чем и идет речь в публикуемом письме).

Это был первый случай в жизни Чехова, когда портрет его заказывали, да еще для такого прославленного собрания картин русской школы живописи, как собрание Третьякова, которое к тому времени уже было Московской городской галереей и первым в России музеем отечественного изобразительного искусства. Чехова писали лишь близкие ему люди — брат Николай Павлович, Левитан, притом еще в молодые годы. Предложение Третьякова пришлось писателю по душе, но все же он решил предварительно осведомиться о Бразе у своего друга архитектора Ф. О. Шехтеля, который ответил Чехову 9 марта: «Этот художник появился на выставках лишь с прошлого года и сразу зарекомендовал себя выдающимся портретистом, впрочем, выбор П. М. Третьякова достаточно говорит за него». Получив это письмо, Чехов решил списаться с Бразом и в первом письме, отправленном 11 марта, сообщал ему: «...для портрета я могу все бросить и приеду, когда прикажете». (Цитируем по автографу в отделе рукописей Третьяковской галереи; в Полном собрании сочинений Чехова указано, что письмо «печатается по подлиннику», однако оно напечатано неряшливо, с пропусками; в частности, цитируемые нами слова также пропущены.)

Публикуемое письмо Чехова к Бразу — единственное оставшееся неизвестным в печати звено их переписки (оно хранится в отделе рукописей Государственного Русского музея). Письмо относится к тому времени, когда писатель из-за болезни был вынужден отложить ранее назначенное время сеансов. В июле 1897 года, через три месяца после отправки настоящего письма, художник получил возможность приняться за работу. Но, несмотря на его несомненные старания, портрет не понравился ни Чехову, ни Бразу (который, по-видимому, вскоре и уничтожил это полотно). Тот портрет, который мы знаем, был написан в Ницце в марте—апреле 1898 года. Но и на этот раз художника постигла неудача, несмотря на то, что он сумел в какой-то степени передать сходство. В письме к художнице А. А. Хотяинцевой Чехов дал шутливую оценку портрета: «Говорят, что и я и галстук очень похожи, но выражение, как в прошлом году, такое, точно я нанюхался хрену». Несколько месяцев спустя Чехов еще резче отозвался о портрете, утверждая, что он, «по общему отзыву, не похож, написан Бразом неинтересно, вяло».

Когда же несколько лет спустя актерам МХАТа была подарена репродукция этого портрета, Чехов охарактеризовал его предельно отрицательно: «...Зачем, зачем портрет работы Браза? Ведь это плохой, это ужасный портрет, особенно на фотографии... Ах, если бы вы знали, как Браз мучил меня, когда писал этот портрет! Писал один портрет 30 дней — не удалось; потом приехал ко мне в Ниццу, стал писать другой, писал и до обеда и после обеда, 30 дней — и вот если я стал пессимистом и пишу мрачные рассказы, то виноват в этом портрет мой». Так и осталось это полотно, никак не передающее внутренней сущности Чехова, единственным капитальным его портретом, которому к тому же суждено было стать самым популярным изображением писателя. И приходится пожалеть, что в силу каких-то обстоятельств Третьяков не предложил этого заказа Серову — лучшему портретисту того времени. Ему, безусловно, в большей степени, чем Бразу, было под силу решить такую трудную и многогранную задачу, как создание портрета Чехова.

ВСТРЕЧИ с Чеховым

А. ХОТЯИНЦЕВА

Александра Александровна Хотяинцева (1865—1942) — художница, внучка декабриста Ивана Николаевича Хотяинцева (1785—1863), избежавшего сибирской ссылки благодаря тому, что близкий друг его Пестель успел перед арестом уничтожить компрометирующие документы. А. Хотяинцева сообщила, что у нее хранился альбом ее деда-декабриста, в котором находились стихи, очень нравившиеся Антону Павловичу:

Мило с милой веселиться,
Мило с милой слезы лить,
Мило сердцем с ней делиться,
Мило милой милым быть.

А. Хотяинцева училась в Училище живописи, ваяния и зодчества, где получила медаль. Занималась у Репина в Академии художеств, училась в парижских студиях и учредила в Москве «Художественную мастерскую», где преподавали В. Серов, К. Коровин, Н. Ульянов. Участвовала в московских и петербургских выставках. В чеховском доме в Ялте имеется ее картина «Вишневый сад» и акварельная автокарикатура.

Известно тринадцать писем Чехова к А. А. Хотяинцевой. В архиве Чехова писем Хотяинцевой не сохранилось. Автограф мемуаров находится в моем собрании.

Хотяинцева была не только талантливой художницей. Ее воспоминания, пересыпанные шутками, которыми она обменивалась с Чеховым, живо воспроизводят атмосферу непринужденности и жизнерадостности, столь характерную для Чехова.

П. С. ПОПОВ

Конец декабря 1897 года.

Моросит теплый дождь. Море, пальмы, запах желтофиолей...

— Ницца!

Улица Гуно, Русский пансион, веселый голос Антона Павловича:

— Здравствуйте! Хорошо, что вы приехали, за обедом здесь цесарку подают! Завтра в Монте-Карло поедем, на рулетку! (Я приехала из Парижа, в письме Антон Павлович обещал приготовить мне комнату.)

— Комнаты в большом доме все заняты, вам дают в dépendance — маленьком флигеле во дворе. Здесь живет человек сорок русских, никто из них никогда не слыхал обо мне, никто не знает, кто я! Впрочем, одна дама смутно подозревает, что я пишу в газетах.

Через несколько дней, однако, появились какие-то молодые супруги из Киева, очевидно, знавшие, кто такой Чехов.

Комната их была рядом с комнатой Антона Павловича, и через тонкую стенку было слышно довольно ясно, как они по очереди читали друг другу рассказы Чехова. Это забавляло Антона Павловича. Иногда сразу нельзя было догадаться, какой именно рассказ читается, тогда автор прикладывал ухо к стене и слушал.

— А... «Свадьба»!.. Нет, нет... Да, «Свадьба»!

Я нарисовала на это карикатуру и пугала, что он простудит ухо.

Публика в пансионе была, в общем, малоинтересная. За табльдотом рядом с Чеховым сидела пожилая сердитая дама, вдова известного педагога Константина Дмитриевича Ушинского. Про нее Антон Павлович говорил:

— Заметили вы, как она особенно сердится, когда мне подают блюдо и я накладываю себе на тарелку? Ей всегда кажется, что я беру именно ее кусок...

Напротив сидела старая толстая купчиха из Москвы, прозванная Антоном Павловичем «Трущобой». Она была постоянно недовольна всем и всеми, никуда не ходила, только сидела в саду, на солнышке. Ее привезли в Ниццу знакомые и здесь оставили. Ни на одном языке, кроме русского, она не говорила, очень скучала, мечтала о возвращении домой, но одна ехать не решалась.

Чехов пожалел ее и вскоре — надо было видеть ее радость! — объявил ей:

— Собирайтесь, едут мои знакомые, они доставят вас до самой Москвы!

В виде благодарности «Трущоба» должна была отвезти кому-то в подарок от Антона Павловича две палки. Вообще всем возвращающимся в Россию давались поручения. Антон Павлович очень любил делать подарки, предметы посылались иногда самые неожиданные, например, штопор...

Рядом с «Трущобой» сидели и, не умолкая, болтали две баронессы, мать и дочь, худые, высокие, с длинными носами, модно, но безвкусно одетые. Клички давать не пришлось, ярлычок был уже приклеен! Но как-то раз дочка явилась с большим черепаховым гребнем, воткнутым в высокую прическу; гребень был похож на рыбий хвост. С тех пор молодая баронесса стала называться «Рыба хвостом кверху». В моих карикатурах начался «роман»: Чехов ухаживает за «Рыбой». Старая баронесса препятствует: он беден; она заметила, что в рулетку он всегда проигрывает. Чехов в вагоне, возвращается из Монте-Карло с большим мешком золота, с оружием — штопором — в руке, охраняет свое сокровище, а баронессы сидят напротив и умильно на него смотрят. Чехов в красном галстуке — у него было пристрастие к этому цвету — делает предложение. Встреча в Мелихове: родители, сестра, домочадцы и собаки... Чехов тащит на плече пальму.

— Хорошо бы такую в Мелихове посадить! — говорил он, любуясь какой-нибудь особенно высокой пальмой.

Свадьба, кортеж знакомых... Молодые уезжают на собственной яхте.

Антону Павловичу нравились мои рисунки, он шутил:

— Вы скоро будете большие деньги загребать, как мой брат Николай! Всегда будете на извозчиках ездить!

От других лиц остались в памяти только прозвища: «Дама, которая думает, что она еще может нравиться», «Дорогая кукла». Прозвища устанавливались твердо. Если я спрашивала: «Пойдем сегодня к «Кукле»?»,— Антон Павлович непременно поправлял: «К «Дорогой кукле». Эта дама была женой какого-то губернатора. Она была больна, лежала в постели всегда в очень нарядных белых кофточках, отделанных кружевами и яркими бантиками, каждый раз другого цвета. Она скучала и очень просила приходить к ней по вечерам. Чехова **читала.**

По утрам Антон Павлович гулял на Английском бульваре и, греясь на солнце, читал французские газеты. В то время они были очень интересны: шло дело Дрейфуса, о котором Чехов не мог говорить без волнения [1].

Поутру же неизменно перед домом появлялись, по выражению Антона Павловича, «сборщики податей» — певцы, музыканты со скрипкой, мандолиной, гитарой. Антон Павлович любил их слушать, и «подать» всегда была приготовлена.

Однажды пришла совсем незнакомая девочка-подросток и так серьезно и энергично требовала, чтобы Чехов позировал ей для фотографии, что ему пришлось согласиться и быть «жертвой славы»! На другой день был прислан большой букет цветов, вероятно, от нее, но фотографии не было.

Писем Антон Павлович получал много и сам писал их много, но уверял, что не любит писать писем.

— Некогда, видите, какой большой писательский бугор у меня на пальце? Кончаю один рассказ, сейчас же надо писать следующий... Трудно только заглавие придумать, и первые строки тоже трудно, а потом все само пишется... и зачем заглавия? Просто бы № 1, 2 и т. д.

Однажды, взглянув на адрес, написанный мной на конверте, он накинулся на меня:

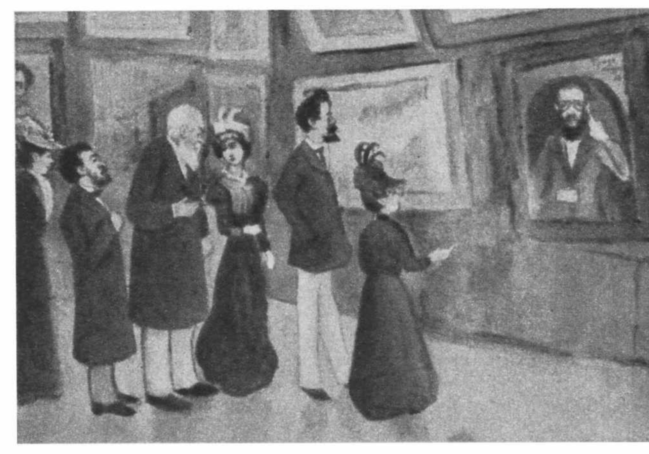
— Вам не стыдно так неразборчиво писать адрес? Ведь вы затрудняете работу почтальона!

Я устыдилась и запомнила.

Даже в таких мелочах проявлялась та действенная и неустанная любовь к людям, которая так поражает и трогает в Чехове. И как его возмущали обывательская некультурность и отсутствие любознательности!

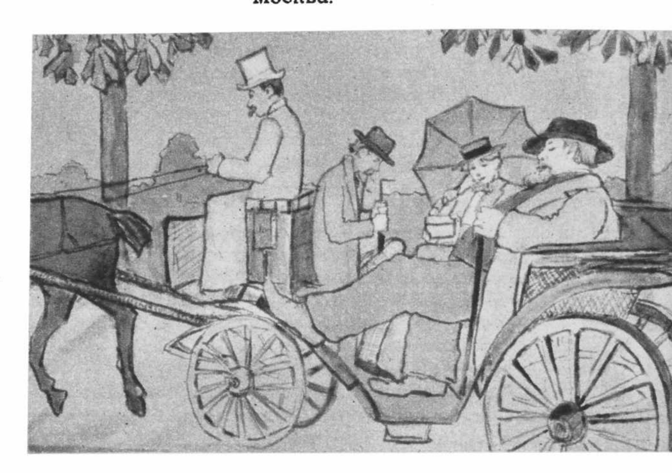
Рассказывал... Люди обеспеченные, могут жить хорошо. В парадных комнатах все отлично, в детской грязновато, в кухне — тараканы! А спросите их, есть ли у них в доме Пушкин? Конечно, не окажется.

Между завтраком и обедом публика пансиона ездила в Монте-Карло, разговоры за столом обыкновенно касались этого развлечения. Ездил и Чехов и находил, что там очень много интересного. Один раз он видел, как про-

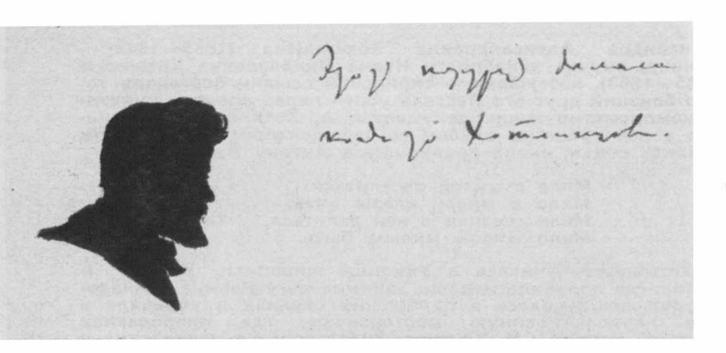

Чехов в Третьяковской галерее перед своим портретом, написанным И. Бразом. Шарж-акварель А. Хотяинцевой. 1898. Дом-музей А. П. Чехова. Москва.

Прогулка на извозчике в Ницце. В коляске на переднем сиденье Чехов, напротив него — М. Ковалевский и А. Хотяинцева. Шарж-акварель А. Хотяинцевой. 1897. Дом-музей А. П. Чехова, Москва.

[1] Чехов писал Хотяинцевой о деле Дрейфуса в феврале 1898 года: «Вы спрашиваете меня, все ли я еще думаю, что Золя прав. А я Вас спрашиваю: неужели Вы обо мне такого дурного мнения, что могли усомниться, хоть на минуту, что я не на стороне Золя?»

Силуэт Чехова, сделанный А. Хотяинцевой. Надпись Чехова: «Этот портрет делала когда-то Хотяинцева». Библиотека СССР имени В. И. Ленина.

игравшийся англичанин, сидя за игорным столом с очень равнодушным лицом, изорвал в клочки свое портмоне, смял и скрутил металлический ободок и потом только, очень спокойно, пошел.

По вечерам очень часто приходил приятель Антона Павловича, доктор Вальтер, и мы втроем пили чай в комнате Чехова; в пансионе чай вечером не полагался, но мы по русской привычке не обходились без него. Вспоминали и говорили о России. Антон Павлович очень любил зиму, снег и скучал о них, как «сибирская лайка».

Впоследствии, когда ему пришлось устраивать свой сад в Ялте, где много вечнозеленых растений, он насадил деревья с опадающей листвой, чтобы «чувствовать весну». Он очень любил цветы. В Мелихове он разводил розы, гордился ими. Гостям-дачницам из соседнего имения (Васькина) он сам нарезал букеты. Но срезал «спелые» цветы, те, которые нужно было срезать по правилам садоводства, и «чеховские» розы иногда начинали осыпаться доро́гой, к большому огорчению дачниц, особенно одной, поклонницы Чехова, которую Антон Павлович прозвал «Аделаидой». Звали ее совсем иначе.

— Она похожа на Аделаиду,— говорил он.

Тут же около роз находился огород с любимыми «красненькими» (помидоры), и «синенькими» (баклажаны), и другими овощами.

Раз я рисовала флигелек Антона Павловича с красным флажком на крыше, означавшим, что хозяин дома и соседи-крестьяне могут приходить за советом. Хозяин, разговаривая со мной, прохаживался по дорожке за моей спиной, и неизменные его спутники — таксы «Царский вагон», или Бром, и «Рыжая корова», или Хина,— сопровождали его. Кончаю рисовать, поднимаюсь, стоять не могу! Моя туфля-лодочка держалась только на носке, а в пятку Антон Павлович успел всунуть луковицу! Трудно было даже предположить, что Чехов тяжело болен, так он был весел и жизнерадостен.

— И я и Левитан не ценили жизни, пока были совершенно здоровы, теперь только, когда мы оба серьезно заболели, мы поняли ее прелесть!

В то время, когда я была в Мелихове, Антон Павлович собирал для издания все свои рассказы, напечатанные в юмористических журналах. Его брат разбирал эти старые журналы и вслух читал рассказы. Чехов заливался смехом:

— Это мой рассказ? Совсем не помню! А смешно...

В ходу были всякие домашние словечки, забавные прибаутки. Антон Павлович поддразнивал меня и, если я попадалась, утешал:

— Говорить глупости — привилегия умных людей!

Себя называл Потемкиным:

— Когда я еду мимо церкви, всегда звонят, так было с Потемкиным.

Я усомнилась.

Дня через два, рано утром, мы поехали на станцию. Проезжаем через село, равняемся с церковью — зазвонили колокола.

— Слышите?! Что я вам говорил? — И тут же спросил — неожиданные вопросы были ему свойственны:

— А вы играли в моем «Медведе»? Нет? Очень приятно, а то почти каждая барышня начинает свое знакомство со мной: «А я играла вашего «Медведя»!»

Кроме Мелихова, общие воспоминания у нас были и о Богимове, где Чеховы провели лето и куда я попала через несколько лет после них. В гостиной с колоннами все так же еще стоял большой старинный диван карельской березы, на спинке его было написано братом Антона Павловича такое стихотворение:

На этом просторном диване,
От тяжких трудов опочив,
Валялся здесь Чехов в нирване,
Десяток листов исстрочив.
Здесь сил набирался писатель,
Мотивы и темы искал.
О, как же ты счастлив, читатель,
Что этот диван увидал!

В соседнем имении вокруг сада шла, совсем необычно, аллея из елок. Отсюда она попала в «Дом с мезонином».

* * *

Так в воспоминаниях о России проходило вечернее чаепитие у Антона Павловича в Ницце. Он норовил его затянуть, но доктор Вальтер не позволял ему поздно ложиться спать.

Приблизительно около десяти часов где-то по соседству кричал осел, и каждый раз, несмотря на то, что мы знали об этом, так громко и неожиданно, что Антон Павлович начинал смеяться. Ослиный крик стал считаться сигналом к окончанию нашей вечерней беседы. Доктор Вальтер и я желали Антону Павловичу покойной ночи и уходили. Помню одно исключение: встречу Нового 98 года — ровно в полночь.

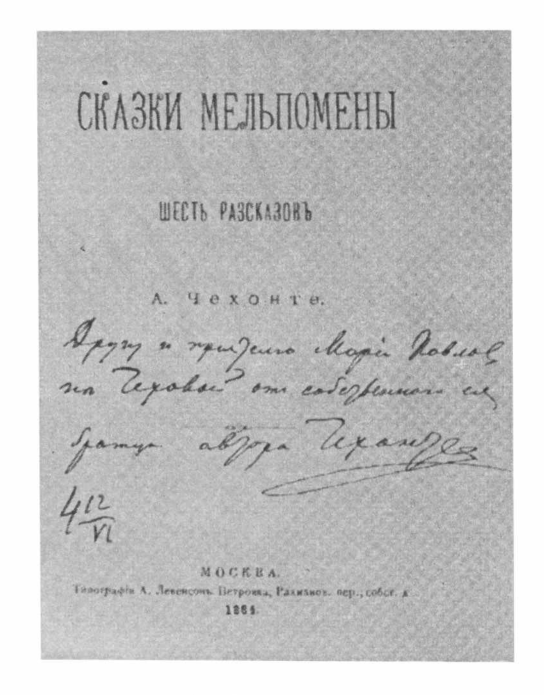
Весной 98 года Антон Павлович приехал в Париж. Максим Максимович Ковалевский и я встретили его на вокзале. Приехал бодрый и веселый. Нашу небольшую компанию русских художниц раскритиковал:

— Живете, как на Ваганькове! Скучно, нельзя же все только работать, надо развлекаться, ходить по театрам. Непременно посмотрите в Фоли-Бержер новую пьесу, очень смешная, «Новая игра».—И несколько позже спросил:— Послушались, посмотрели смешную пьесу?

Чехов говорил, что «Кармен» — самая любимая его опера. Цирк он тоже очень любил. Осенью 98 года, перед отъездом из Москвы, он пригласил меня пойти в цирк с ним и Алексеем Сергеевичем Сувориным.

В цирке я скоро устала и захотела уйти одна, но мои спутники решили тоже уйти. Была чудесная звездная ночь, после жары и духоты в цирке дышалось легко. Я выразила свое удовольствие по этому поводу, и Антон Павлович сказал:

— Так легко, наверно, дышится человеку, который выходит из консистории, где он только что развелся!

СКАЗКИ МЕЛЬПОМЕНЫ

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

А. Чехонте.

Другу и приятелю Марии Павловне Чеховой от собственного ее братца автора Чехонте

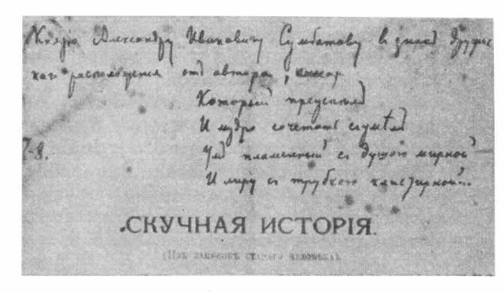
4 12/VI

МОСКВА.

1884

Дарственная надпись Чехова на сборнике «Сказки Мельпомены», 1884 год: «Другу и приятелю Марии Павловне Чеховой от собственного ее братца автора Чехонте (188)4 12/6».

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва.

СКУЧНАЯ ИСТОРІЯ

Дарственная надпись Чехова на повести «Скучная история» (оттиск из журнала «Северный вестник», 1889, № 11):

«Князю Александру Ивановичу Сумбатову в знак дружеского расположения от автора,
Который преуспел
И мудро сочетать сумел
Ум пламенный с душою мирной
И лиру с трубкою клистирной...»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва.

ПЬЕСА БЕЗ НАЗВАНИЯ

Н. Гриценко репетирует роль Платонова. Фото М. Чернова.

Среди произведений А. П. Чехова есть одно, судьбы поистине удивительной.

В начале 20-х годов в Московском архиве разбирали старые документы Русско-Азовского общества. Совершенно неожиданно к ногам одного из работников архива упала толстая тетрадь, сшитая нитками. Аккуратный, еще неустойчивый почерк, на обложке нет ни имени автора, ни названия текста. Какая-то драма из жизни дворянской интеллигенции прошлого века...

После большой работы литературоведу Н. Ф. Бельчикову удалось выяснить, что пьеса написана А. П. Чеховым в начале 80-х годов. При жизни автора драму раскритиковали в Малом театре, где Чехов мечтал увидеть ее в бенефис Ермоловой. И самолюбивый автор вычеркнул из своей памяти самое воспоминание о труде многих дней и ночей...

Однако удивительное в истории пьесы на этом не кончилось.

Как только драма была включена в собрание сочинений Антона Павловича Чехова, пьесу переводят и начинают готовить к постановке в Лондоне, Праге... Недавно в чеховском музее в Ялте побывала группа итальянских кинорежиссеров и театральных деятелей. Они рассказали, что эта пьеса, под названием «Платонов», в настоящее время одна из наиболее популярных русских пьес в Италии.

В 1956 году постановка Жана Вилара «Этот безумец Платонов» пользовалась шумным успехом в Париже.

На родине писателя пьеса появилась сначала на псковской сцене, затем в Алма-Ате; в 1958 году «Платонов» в постановке режиссера Сулимова порадовал москвичей во время декады казахского искусства в Москве.

А сейчас спектакль «Платонов» готовят вахтанговцы. В главных ролях заняты ведущие артисты театра: Н. Гриценко, А. Л. Абрикосов, Г. А. Абрикосов, Г. Пашкова. Коллектив театра имени Евг. Вахтангова посвящает новую постановку столетию со дня рождения Антона Павловича Чехова.

Л. ОСИПОВА.

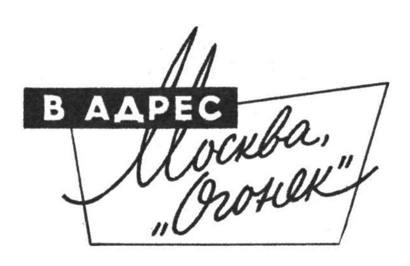

А. А. Пластов. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Вор».

А. М. Каневский. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Лошадиная фамилия».

КУКРЫНИКСЫ. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Тоска».

ОБ ОХОТНИКАХ ДО ОХОТНИЧЬИХ ОБЩЕСТВ

Прошло много времени с того дня, как в «Огоньке» были опубликованы очерк В. Титова в «Краю перепуганных птиц» и отклики читателей «Браконьер — это преступник» («Огонек» №№ 14 и 28 за 1959 год), а поток писем читателей, продолжающих разговор на эти темы, не прекращается. Единодушно требуют они: навсегда покончить с браконьерством! При этом вопрос о судьбах живой природы, ее охране ставится шире и резче. В этом отношении интересно письмо нашего читателя Н. Вологдина из Кирова.

«Может быть, мои вопросы о ружье, об охотниках, об охотничьих обществах покажутся странными,— пишет он.— Но нужно ли нам столько охотников, сколько их имеется у нас? Есть места, где все давно выбито, где осталась какая-то малость зверя и птицы. Возможно ли там допускать охоту, разрешать охотничьи общества, продавать оружие?»

Вопрос дельный и серьезный!

Г. Еругин из Пензы тоже ведет речь об охотниках: «Я не понимаю, какое право избранных имеют наши охотники-любители на уничтожение живого в природе? Почему они получили это право избранных? Сколько их? Ведь меньше, чем тех, кто не стреляет зверя, птицу, не острожит и не лучит рыбу. Почему одна часть общества, не стреляющая и не убивающая птиц и зверей, должна оберегать природу, охранять ее, а другой, и притом меньшей, части общества дано какое-то сомнительное право уничтожать то, что бережет все общество?»

«Приходишь в ужас, когда узнаешь, сколько у нас в стране охотничьих обществ,— пишет читатель Д. Лагутин из Уфы.— В них не один миллион стрелков, и каждый что-нибудь убивает. А зачем все это? Ведь давно прошли те аксаковские времена, когда без боязни, что дичь убавится, можно было набивать за день до сотни уток, десятки рябчиков или зайцев. Нет теперь нигде такого количества дичи в центральных районах страны, а число охотников в них все растет и растет. Пожалуй, на мой взгляд, ни один браконьер не приносит столько вреда, сколько легально, открыто его приносят охотники-любители из размножившихся до бесконечности охотничьих обществ».

В самом деле, пустые ли все это вопросы? Попробуем разобраться в них.

Когда-то, а уже теперь можно сказать, в стародавние времена, когда дичи и зверя было много, а охотников мало, никому в голову не приходило говорить о запрещении охоты, о целесообразности разрешать или не разрешать охотничьи общества. Тогда говорили о восстановлении поголовья некоторых уничтоженных видов животных: бобра, выхухоли, зубра и других. Теперь же возникает тревога не только за восстановление некоторых утраченных видов животного мира, а за всю нашу живую природу, которая находится в опасности не в отдельных местах страны, а на огромной части нашей территории.

Читатель А. Китасов так пишет нам из Харькова:

«Приведу пример, как в один час можно превратить цветущий уголок в пустыню. Года три назад наш коллектив охотников поехал на открытие охоты в Вузовку, что от Харькова находится километрах в ста пятидесяти. Это одно из лучших мест для водоплавающей дичи на Украине. И вот на пространстве длиной в 15 километров и шириной в 3 собралось около пяти тысяч охотников из Харькова и Днепропетровска. Все водоемы были густо усеяны охотниками на лодках, а по берегам стрелки стояли на расстоянии 25—30 метров друг от друга в пять рядов. С рассветом началась дикая канонада. За утро в нашу пятую цепь прорвались одна утка, один ястреб и два жаворонка. Часам к десяти утра все способное летать и плавать здесь было уничтожено».

Другое письмо пришло из Алма-Аты. Автор не охотник-любитель, а профессор Казахского государственного университета, заведующий кафедрой экспериментальной физики В. В. Чердынцев. К письму приложена вырезка из газеты «Алма-атинская правда» от 5 августа 1959 года. Озаглавлена она: «Подготовка к отстрелу сайгаков». Профессор в ней подчеркнул следующие выразительные абзацы:

«В прошлом году охотниками Алма-Аты и области было отстреляно около четырех тысяч сайгаков. Ныне нашим охотникам разрешается отстрелять сорок пять тысяч животных.

Отстрел будет производиться в районе Бет-Пак-Далы вблизи реки Чу, куда эти животные возвращаются из северных районов на зимовку.

Как показал опыт прошлых лет, лучшим способом является ночной отстрел картечью из машин с включенными фарами... Сайгаки обычно собираются на ночь в большие стада. Ослепленные фарами, они почти не разбегаются».

Профессор пишет: «Эта кампания очень похожа на ту, в результате которой погибли многочисленные стада бизонов в Северной Америке. Боюсь, что август этого года может стать и для сайги роковым».

И вот возникает вопрос, кто здесь браконьер: тысячи ли людей, вывезенных на истребление живой природы под Вузовку, за Харьковом, сотни ли охотников, призываемых газетой к истреблению сайги, или какой-либо один человек, браконьер, о котором мы чаще всего говорим?

И еще письмо из Алма-Аты, от В. Сазонова: «Раньше сайга была обычным животным и в Европе и в степях Украины. Чтобы сохранить ее, советские биологи много лет назад завезли сайгу на необитаемый остров Аральского моря Барсакельмес, где она сумела размножиться и по льду перейти в степи Казахстана. И вот теперь Алма-атинское общество охотников организует истребление сайги варварскими способами. Мне кажется, пора поставить вопрос о целесообразности всеобъемлющей организации охотников, то есть об охотничьих обществах, и об ответственности их за судьбы нашей природы. Слыхал я, что уже во многих областях нечего стало бить, а общества там все существуют».

Стоит призадуматься над этим письмом. Если присмотреться к тому, сколько у нас имеется по всей стране людей, вооруженных охотничьим ружьем, то окажется, что только в РСФСР семьдесят два областных, краевых и республиканских общества. Они делятся на районные и городские, «охватывая» семьсот пятьдесят тысяч стрелков. Прибавьте сюда охотничьи общества «Динамо», Советской Армии, и количество людей, вооруженных охотничьим ружьем, вырастет неизмеримо. Учтите еще тринадцать охотничьих обществ союзных республик да людей, вооруженных ружьем «вольно». Не слишком ли много у нас охотников до охотничьих обществ? Вот и хочется поддержать читателя Д. Лагутина, который спрашивает: «Почему, в самом деле, наше советское общество, стремящееся охранить природу страны, должно благоволить к этим людям и разрешать им уничтожать в личных целях то, что обществом оберегается и умножается?»

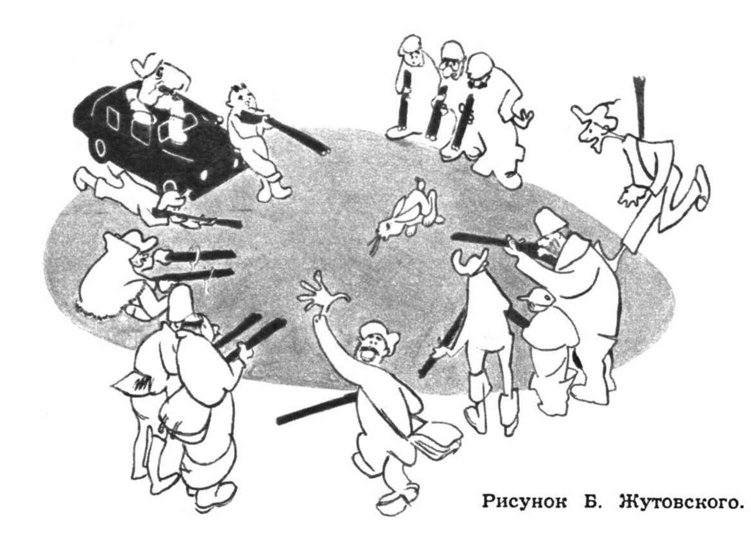

Рисунок Б. Жутовского.

Мы уже слышим возражения: «Охотники-любители не приносят много вреда, они скорее занимаются отстрелом излишнего поголовья птиц и животных, и охотятся они по лицензиям».

Конечно, не везде так дико ведут себя охотники, как в Алма-Ате, Харькове и Днепропетровске. И, тем не менее, читатели справедливо сомневаются в целесообразности такой удивительной разветвленности охотничьих обществ. Ведь есть места, где и бить уже нечего. Не пора ли, например, запретить охоту во всех центральных областях страны?

Но и там, где охотничьи общества могут быть оставлены, все ли благополучно по части гражданской совести? Помнят ли охотники о своей ответственности за охрану природы? Вот письмо из Калуги от А. Марина. Он сообщает, что недавно «старший охотничий инспектор Еремин вместе с егерями Брусникиным, Федуловым, Костяевым и Бойцовым без лицензии отстреливали кабанов, а для того, чтобы скрыть добычу, на всякий случай брали с собой незаполненные бланки лицензий. После охоты они возвращали их чистыми, а добычу присваивали».

Мы проверили эти факты, они подтверждаются. И было так, что начальник Калужской госохотинспекции Б. Варганов снял с работы браконьеров Еремина и Федулова. Но по требованию профсоюзного комитета, при поддержке заместителя председателя облисполкома тов. Аракчеева, браконьеры были восстановлены на работе. Странную позицию занял и представитель Главного управления охотничьего хозяйства В. Логинов. Приехав в Калугу, расследовав дело, он тоже «санкционировал» восстановление браконьеров на работе. Не в результате ли такого «поощрения» решился на убой лося недавно и другой тамошний браконьер, И. И. Капитонов, председатель Лев-Толстовского районного общества охотников?

Браконьерский бой зверя в Калужской области — дело далеко не редкое. В роли браконьеров выступают тут и местные и заезжие охотники. Читатель А. Боев пишет нам из той же Калуги: «Наше охотничье общество слишком засорено людьми, которые хотят побольше взять для себя и ничего не дать природе. Его давно надо почистить и сократить».

Видимо, пришло время пересмотреть устаревшие взгляды на право охоты всем без исключения, пересмотреть положение об охотничьих обществах, которых у нас развелось слишком много. Пусть они действуют там, где оправдывается их существование. Но пусть помнят о своей первейшей обязанности — охранять природу.

Вопросы, поднятые читателями, требуют широкого обсуждения. К ним должны прислушаться комитеты по охране природы и Главохотинспекция. Это тревога людей, обеспокоенных судьбой живой природы нашей страны.

В. СЕРГЕЕВ

ПОЧЕМУ «УШЛИ ПОД ЗЕМЛЮ» ДРЕВНИЕ ГОРОДА?

Мне часто приходится слышать о раскопках древних городов. Как они оказались под землей?

Е. Ф. Богданов

Грозный.

Люди издавна заметили, что в земле и под водою встречаются остатки древнейших сооружений или даже целых городов, попадаются старинные вещи.

Несколько лет тому назад возле озера Севан в горах Армении была построена электростанция. Для движения ее турбин используются воды озера. В связи с этим уровень озера понизился, и у берегов его открылись места, многие сотни лет бывшие под водою. Под слоем ила находились развалины городов и селений. Как же они оказались на дне озера? Три тысячи лет тому назад озеро было меньше, чем сейчас. Но с течением времени уровень воды все поднимался и поднимался, озеро вышло из берегов и затопило ближайшие населенные пункты. Жители вынуждены были бросить города и поселки и уйти в безопасные места.

Вы замечали, что иногда старый дом как бы врастает в землю? На самом деле не дом опускается вниз, а уровень поверхности земли вокруг него из года в год незаметно повышается, нарастает слой, который археологи называют культурным.

Каким же образом образуется культурный слой? Рассмотрим это на примере Новгорода. Все знают о замечательном произведении русского зодчества — Софийском соборе, построенном в 1052 году. Собор стоит в центре города, и в древности вокруг него кипела жизнь. Здесь собиралось народное вече, сюда стекались богомольцы, тут же велась торговля. Чтобы войти в собор, нужно было подняться на несколько ступенек лестницы. Но вот прошло некоторое время, и первая ступенька лестницы оказалась в земле, потом та же участь постигла вторую, третью... и, наконец, лестница исчезла. Прошло еще некоторое время, и богомольцам, чтобы попасть в храм, приходилось уже не подниматься по лестнице, а опускаться вниз.

В центральной, наиболее древней части города культурный слой достигает почти девяти метров. В толще этого слоя, перекрывая друг друга, залегают остатки около тридцати строительных ярусов — деревянных мостовых и связанных с ними сооружений. При постройке домов щепки и другой строительный мусор падали на землю и оставались на ней. В мусор зарывался и терялся инструмент, туда же выбрасывалось все ненужное. Осенью мусор заносило опавшими листьями, а деревянная мостовая рядом с домами покрывалась грязью. Зимой недалеко от домов ссыпали золу из печей, летом все это заносилось пылью. Проходят годы. Дома разваливаются или погибают от пожара, и вот уже на этом месте строят новые дома, настилают новые мостовые... И так из года в год, из столетия в столетие, постепенно, но неуклонно нарастает культурный слой, и все глубже и глубже оказываются в земле остатки древних сооружений.

Ю. В. КУХАРЕНКО,
кандидат исторических наук

26 января — 10 лет со дня провозглашения Индийской Республики.

Занимая в течение десяти лет индийской независимости пост министра здравоохранения Индии, я ездила в СССР учиться и набираться опыта и всегда возвращалась обновленной, полной энтузиазма и знаний. Особенно большое впечатление произвела на меня охрана материнства и детей в Советском Союзе. Я призывала индийских врачей, особенно молодежь, чаще посещать эту великую страну и учиться у нее. Затем я обратилась к Советскому правительству с просьбой направить в Индию группу врачей, которые помогли бы создать у нас научно-практический детский госпиталь с тем, чтобы это новое учреждение внедряло новейшие советские методы в области охраны здоровья детей.

Советские врачи незамедлительно приехали в Дели. Они не только создали госпиталь Калавати Саран, но и в течение последних четырех лет воспитали и подготовили большой отряд индийских врачей и другой медицинский персонал, посвятивший свои силы и знания вместе с русскими друзьями счастью и благу индийских матерей и их детей.

Я не нахожу слов, чтобы выразить благодарность за ту работу, которую проделали советские врачи в Дели. Я очень часто посещаю наше общее детище — Калавати Саран — и каждый раз убеждаюсь в том, какой большой славой пользуются русские врачи.

То, что они сделали, Индия никогда не забудет!

Раджкумари Амрита КАУР.

В ожидании приема у госпиталя Калавати Саран.

КАЛАВАТИ САРАН

Ник. ПАСТУХОВ

В палату, где стоит шесть кроваток с юными пациентами, входят профессор Александр Леонидович Либов, доцент Михаил Павлович Матвеев и индийский врач-ассистент. Александр Леонидович поднимает сложенные ладони — это индийское приветствие намасте — и пристально вглядывается в детей. На приветствие ему отвечают только двое. По лицу профессора пробегает тень озабоченности.

За ночь две кроватки опустели... Слишком поздно доставили детей в госпиталь. Сейчас на их месте лежат новенькие, их привезли в тяжелом состоянии. Михаил Павлович Матвеев щупает пульс, выслушивает сердце, осматривает худые тельца. Индийский врач что-то шепчет на ухо Александру Леонидовичу.

— Так я и знал,— говорит Либов,— опять знахари! Ну что ж, начнем с того, что одолеем последствия колдовства, а затем займемся самой болезнью. Но не падайте духом, коллега. Наука, а главное, вера в свои силы делают чудеса. Ваше мнение, товарищ Матвеев?

— Ребята будут жить! — говорит Михаил Павлович.

Это подтверждает и индийский врач.

На намасте профессора не ответил и пятилетний Кумар. Он лежит в полубессознательном состоянии.

— Тяжелая форма воспаления легких, — поясняет Александр Леонидович и тут же дает указание ввести гамма-глобулин.

Проходит несколько минут — и мальчик открывает глаза. Он с любопытством смотрит на окружающих его людей.

— Ну вот,— обращается Александр Леонидович к ассистенту,— вы видите: он хочет жить, глазенки-то живые!

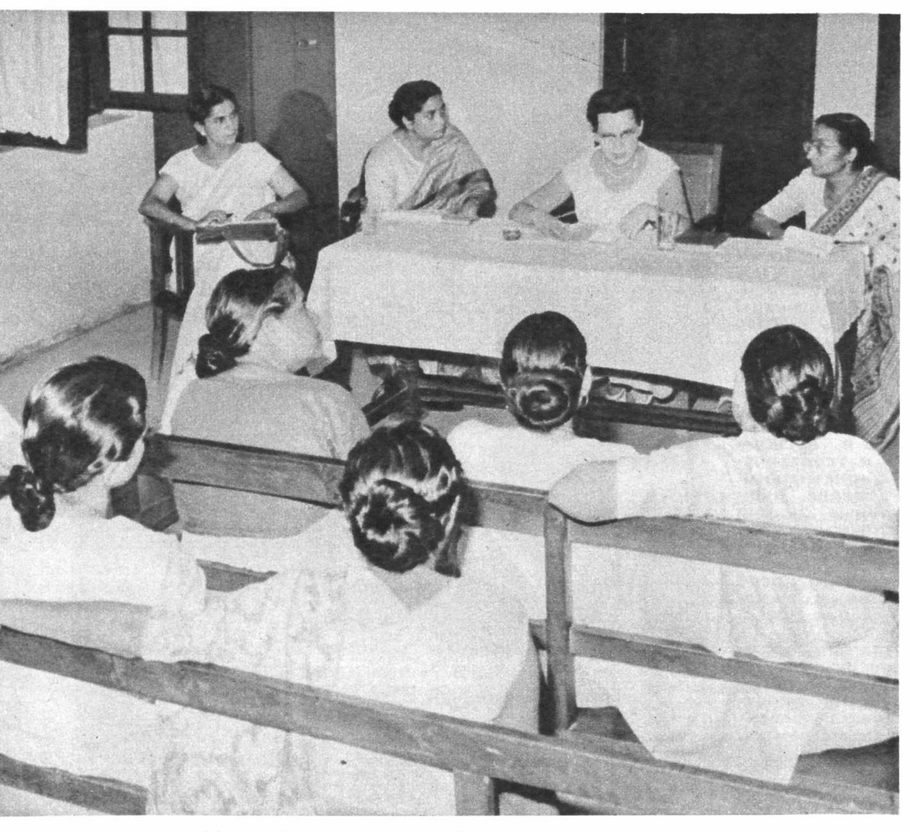
На соседней койке — девочка Лакшми, у нее все еще нет улучшения. Ее тоже лечил знахарь. Вымогая у родителей Лакшми, крестьян-бедняков, последние гроши и считанные зерна риса, он вводил в ее организм какие-то специи и в дыму курений бормотал молитвы и заклинания. Лакшми становилось все хуже и хуже. Но вот девочку доставили в госпиталь, где «русские творят чудеса».

—Джалди, докхтор, буляйте! Скорее позовите доктора,— сказал отец медсестре, внося на руках в госпиталь безжизненное тельце дочери.

Доцент Матвеев еще до анализов определил характер болезни: тяжелая дистрофия и острое кишечное заболевание. В таком состоянии раньше здесь детей врачи не брались лечить. Да и лечение стоило больших денег. За операцию аппендицита, например, приходилось отдавать частному врачу годовую зарплату! Калавати Саран — бесплатный правительственный госпиталь, и Лакшми получит здесь все, чем только располагает медицина.

Лакшми еще не может делать намасте: она слишком слаба. При виде врачей на ее лице появляется застенчивая улыбка. Сейчас над ее кроваткой склонились двое — индийский врач Судд и кандидат медицинских наук Алла Матвеевна Киркевич. Они решают вопрос: как вернуть к жизни дочь индийского батрака?

А тем временем в регистратуру госпиталя стекаются толпы женщин с детьми. Их уже не вмещает вестибюль, и они располагаются прямо на улице. До 400 детей проходят ежедневно амбулаторный прием. Но на одну из 65 коек госпиталя попадут только тяже-

Раиса Александровна Уклонская читает лекцию.

Премьер-министр Джавахарлал Неру в новом калькуттском детском госпитале, внедряющем опыт Калавати Саран.

Фото индийского фотокорреспондента Вирендра Кумара и Бюро пресс-информации при индийском правительстве.

лобольные. Главный врач госпиталя, индийский профессор госпожа С. С. Полл, говорит, что в первую половину 1959 года госпиталь обслужил 27 тысяч больных.

Калавати Саран существует четыре года. Советские специалисты создали кабинет детской хирургии, привезли всю аппаратуру для физических методов лечения. Техник В. И. Железнов следит за безотказной работой аппаратов. Клинической лабораторией руководит неутомимая Ольга Петровна Шагурина. Физиотерапией ведает врач Н. П. Горбатюк, специалист по лечебной физкультуре.

— Я горжусь тем, что под руководством советских коллег я стала первым индийским физиотерапевтом,— говорит молодая индийская женщина-врач Гуджраль.— Я приобрела новую благородную профессию.

* * *

Я вошел в кабинет профессора Либова. Рабочий день окончился, но он продолжал трудиться. На книжных полках — новые книги на английском, русском и хинди. Вот и портрет Раджкумари Амриты Каур, основательницы госпиталя.

7 марта 1958 года, когда Александр Леонидович садился в самолет на Внуковском аэродроме, в Москве бушевала снежная метель. А 8 марта в Дели цвели розы, гулял ласковый ветерок, какой бывает летом в Сочи. Работу пришлось начать в день прилета: к утру была спасена жизнь безнадежно больной девочки.

Обступали неотложные дела: названия лекарств, которые выписываются в СССР, обозначены по-латыни, а в Индии они именуются по-английски... Пришлось писать пособие для советских врачей, пользующихся британской фармакопеей. Надо было знакомиться с древней индийской медициной.

Профессор Либов и его сотрудники стали издавать на английском языке труды своего научно-практического центра, рефераты важнейших работ, опубликованных в советской медицинской литературе. Премьер-министр Джавахарлал Неру дал высокую оценку трудам советского коллектива.

В Индии существуют центры охраны материнства и детства. Сестер, добровольно работающих в этих центрах, обучает советской системе санитарного просвещения и помощи на дому кандидат медицинских наук Р. А. Уклонская.

Сюда потоком идут письма врачей и больных, женщин и молодежи. Они пишут о своей вере в могущество советской медицины, о любви и уважении к стране спутников, к стране счастливого детства и материнства.

...Спустя несколько дней я снова посетил госпиталь. Мне разрешили войти в палату, где стояло шесть кроваток. Я поздоровался с детьми, и мне ответили лишь четверо. Но где же Кумар и Лакшми? Их в палате не было! Неужели?.. Подавленный, вышел я из палаты.

Александр Леонидович улыбнулся и попросил меня следовать за ним. В конце коридора он остановился. Из комнаты рядом слышался звонкий детский смех, шум игр.

— Это комната для выздоравливающих, зайдите!

Я увидел радостные лица, сияющие глаза. Кумар и Лакшми бросились на шею Александру Леонидовичу.

Они были счастливы: и индийские ребята и русский доктор.

Гость Тагора

Кара СЕЙТЛИЕВ

Индийский я исколесил простор,
Разыскивая дом,
Где жил Тагор,
Где побывать хотелось с давних пор.
Забуду ли торжественность минуты!
Расстелен моря голубой ковер,
И дом вверху, на улице Калькутты,—
Тот самый дом,
В котором жил Тагор.
Я видел пышность и дворцов и храмов,
А тут передо мною дом простой.
Я ожидал увидеть белый мрамор
Или фонтаны с розовой водой,
В замысловатом зеркале бассейна
Рой ангелов, пускающихся в пляс...
Но на тахте, дощатой, самодельной,
Передо мною старенький палас
Да фонари под потолком без света,
Как несколько давно потухших звезд,
Но эти все предметы
И приметы
Тагора открывали в полный рост.
И необыкновенней и чудесней
Дворцовых украшений —
Над столом
В обычной,
В деревянной рамке песня,
Тагора песня украшала дом.
Что перед нею храмы,
Несказанно
Сверкающие вязью золотой,
Пустая беломраморность фонтана,
Стреляющего розовой водой!
Что перед нею каменные горы,
Подернутые сединой века́,—
Перед строкой единственной Тагора,
Что, словно нитка жемчуга, тонка!
И, с каждым днем звучней и полновесней,
Она живет у мира на устах.
Хозяйкой дома остается песня.
И я сегодня у нее в гостях.

Перевел с туркменского
Анисим КРОНГАУЗ.

ВОКРУГ НАС

НАЧАЛО ДРУЖБЫ

Ивану Артемьевичу Радзивилову они понравились с первого взгляда. Ему пришлись по душе их взволнованность, восторженность.

Иван Артемьевич принял их за комсомольцев, приехавших строить Казахстанскую Магнитку. Опытный монтажник, смолоду полюбивший свое дело, он невольно проникся симпатией к молодым людям, которые восхищались домной — детищем его рук. «Из них толк будет,— решил он.— Надо человека два — три к себе в бригаду завербовать, пока другие не расхватали».

— Каким ветром? — спросил он.

— Московским!

— А кто по специальности?

— Актеры...

— Да ну? — удивился Радзивилов.

Оживленно беседуют о театральных делах председатель бюро народного театра «Буревестник» мастер Светлана Сивко и председатель совета театра «Современник» актер Игорь Кваша.

Ему приходилось обучать своему мастерству и вчерашних десятиклассников, и токарей, и слесарей, но артистов...

— Мы из театра «Современник». В гости к вам!..

— Милости просим. Идемте, покажу вам нашу красавицу.

...Перед глазами Игоря Кваши, Евгения Евстигнеева, Лилии Толмачевой и других актеров раскрывалась одна из замечательнейших сказок-былей наших дней. Взору было тесно среди зданий, сооружений, стрел башенных кранов. И надо всем главенствовала громада доменной печи, перепоясанной трубопроводами.

— Наша первая домна наречена именем Сорокалетия Ленинского комсомола. Скоро дадим свой, казахстанский чугун! — с гордостью говорил Радзивилов.— Вот вторую домну начали.

В тот же день москвичи познакомились с участниками народного театра «Буревестник». Это самодеятельный коллектив строителей Казахстанской Магнитки.

Поездка на Казахстанскую Магнитку расширила горизонты актеров, показала им новых людей, их замечательные дела. Они играли для строителей иногда по два раза в день. За две недели дали двадцать спектаклей. И всегда в зале полным-полно! Повсюду: на площадке, в общежитиях, в клубах — артистов встречали радушно, приветливо. Даже казахстанская зима, которая властно вступила в свои права, казалась не такой уж суровой.

...Гастроли подходили к концу. Сделано было много. И все же каждый из ансамбля «Современник» чувствовал, что нужно еще прочнее закрепить дружбу между молодым столичным театром и народным театром ударной комсомольской стройки.

Появился договор о творческом содружестве. «Современник» поможет «Буревестнику» поставить спектакль о Казахстанской Магнитке, а возможно, и у себя тоже поставит его. Московские режиссеры будут выезжать на стройку для консультаций по репертуару, разработке эскизов декораций и костюмов. Актеры «Современника» скомплектуют для «Буревестника» библиотеку по искусству и театральному мастерству. Первый дар от москвичей — сценическую электроаппаратуру — народный театр уже получил. Начало дружбы двух молодежных коллективов положено!

А. ЖЕРЕХОВ,
К. СЕГЛИН

У ШКОЛЬНИКОВ — РАБОЧИЕ РАЗРЯДЫ

На Московском электроламповом заводе теперь хорошо знают ребят из старших классов 441-й школы, где введен одиннадцатилетний срок обучения. Многим ученикам можно доверить самую точную и ответственную работу: не подведут. Для этого пришлось немало потрудиться и самим ребятам и преподавателям.

Трудновато приходилось с физикой. Электричество стали изучать уже в девятом классе, а не в десятом, как прежде. Опыты в физическом кабинете и теоретические занятия с инженерами и мастерами завода дали ребятам начальные знания по будущей специальности.

Борис Паршев и Валерий Соколов показывают нам фото- и электронное реле своего изготовления; Николай Самсонов сделал пресс-формы и штампы.

Девочки готовятся стать испытательницами электровакуумных приборов. Продукция, которую они проверяют, очень сложна: осветительные, сигнальные лампы, радиолампы, электронно-лучевые трубки... Если на экране с делениями спокойно мерцает зеленая полоска — значит, все в порядке. Но если полоска сдвинулась и по экрану забегали коротокие зигзаги, тогда эту лампу пропустить нельзя, она идет в брак.

Недавно все одиннадцатиклассники 441-й школы сдали испытания на рабочие разряды.

Л. ДЕРМАН

Нина Гурова, ученица одиннадцатого класса, работает испытательницей радиоламп.

Фото Галины Санько.

Григор Дерменчян с товарищами по цеху.

Фото В. Джейранова.

РОМАН О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Недавно на книжных прилавках Еревана появился роман «Под черной схимой» Григора Дерменчяна. Книгу быстро раскупили, она нашла массу читателей.

Что же это за роман и кто его автор?

Десятилетним мальчиком Григор Дерменчян остался сиротой. Его родители были убиты во время армянской резни в Турции. Мальчик выпрыгнул в окно; турки стреляли ему вслед, ранили в обе руки.

Затем Григор попадает в американский детский дом в Бейруте. Оттуда по требованию Ватикана его вместе с другими сиротами перевели в католический приют при женском монастыре. Здесь «воспитывали» мальчика до 1927 года, пытаясь привить ему ненависть к Советской Армении.

Монастырь в Бейруте, затем миссионерский Колледж святого Григория Просветителя, который всецело находился под влиянием Ватикана... Григор Дерменчян выразил протест против воинствующего мракобесия и был изгнан из колледжа. Став безработным, юноша знакомится с прогрессивными людьми из армянской колонии в Ливане, включается в борьбу против католической реакции.

— Во время второй мировой войны,— рассказывает Григор Дерменчян,— борьба между демократическими силами и реакционерами в Ливане крайне обострилась. Нам приходилось охранять друг друга, чтобы не быть застигнутыми врасплох террористами.

Наконец в 1946 году Григор Дерменчян был вместе с семьей репатриирован в Советскую Армению. Позади годы скитаний на чужбине, годы лишений. Впереди новая жизнь.

Г. Дерменчян получает работу на Ереванском электроламповом заводе и вскоре начинает писать книгу о пережитом.

— Я задумал новый роман,— говорит Григор Саркисович.— Герои его — рабочие и работницы нашего электролампового завода, новые люди, с новой, советской моралью. Я буду счастлив, если удастся правдиво рассказать о них.

Г. ТЕВОСЯН

На берегах Невы и Гаронны

Француженка Анна-Мария Тейак из Бордо и русский парень из Великих Лук Виктор Бухарков никогда прежде не встречались, ничего не знали друг о друге, но благодаря обмену студентами познакомились. Виктор Бухарков летит через Париж в Бордо, а Анна-Мария Тейак торопится в Ленинград.

Мне захотелось узнать, как жил советский студент в Бордо и как чувствует себя юная француженка в Ленинграде.

Дело это оказалось несложным: Бухарков недавно вернулся из Франции домой, а Тейак еще живет в шумном университетском общежитии на Мытнинской.

— Как и почему я принялась за русский язык? — спрашивает Анна-Мария Тейак и тут же отвечает: — Семь лет я училась в Лицее для молодых девушек в Бордо, а затем поступила в университет, на юридический факультет. Зубрила историю, юриспруденцию, английский... Но вот однажды услышала, что профессор Жорж Люсьяни, известный во Франции славист, создает в нашем университете кафедру русского языка и литературы. «А что,— думаю,— если попробовать три часа в неделю учить русский?»

Подумала — и записалась.

И вот, как видите, я уже говорю по-русски. Вспоминаю, как я приехала в Ленинград. Поезд подходил к перрону, а я стояла у окна и думала: «Что-то ждет меня в этом большом чужом городе?..»

Сразу же у вагона меня встретили Люся Маслобоева (вот она, прошу познакомиться, это моя русская сестра), Таня Кожевникова и Иозас Усас — все ленинградские «французы», студенты университета. Они повезли меня сначала в это общежитие, потом сразу же потащили смотреть город... Спустя несколько дней после моего приезда Люся пригласила меня на русские блины. Блины были чудесные. Их стряпала Люсина мама, Александра Николаевна. Сейчас, когда я немного простужена, Люсина мама прислала вот это малиновое варенье...

Вспоминаю, кстати, историю, которая произошла со мной нынешним летом в Москве. Моя сестра Бижу, брат Ив и подруга Франсуаза Фрай на легковой машине «ситроен» отправились из Бордо в Москву, в туристическую поездку. А я, чтобы встретить их, заблаговременно приехала в столицу из Ленинграда. Мы условились о встрече в Останкине. И вот наступило это утро, такое солнечное... Я гуляла у цветников. Садовник поливал кусты роз.

— Вам, наверное, хочется сорвать одну розу? — спросил он.

— Одну? А три нельзя?

— Сразу три? Многовато...

— Понимаете, мосье, сейчас сюда на машине прямо из Франции приезжают мои брат, сестра и подруга...

— Вот оно что! Ну, тогда по случаю дружеского визита можете нарвать букет...

Подкатил долгожданный «ситроен». Ив, Бижу и Франсуаза были счастливы... Несколько дней мы прожили под Москвой, раскинув туристскую палатку. Навсегда останутся в моей памяти чудесные часы, проведенные вместе с туристами в славной семье Виктора Бухаркова, с которым я познакомилась еще в Бордо. Его жена Марионелла оказалась очаровательной хозяйкой, а маленькая дочка Аленушка привела всех нас в восторг.

А вот что рассказал Виктор Бухарков:

БЫСТРОКРЫЛЫЙ

В нынешнем году волжский скоростной теплоход «Ракета» отпразднует своеобразный юбилей: им будет пройден первый миллион километров пути, а количество перевезенных пассажиров достигнет 50 тысяч.

Суда типа «Ракета» — теплоходы на подводных крыльях — начнут курсировать в эту навигацию по многим внутренним водным путям нашей страны, в том числе и по рекам Сибири.

Минувшей осенью на заводе «Красное Сормово» спустили на воду новый, еще более мощный теплоход на подводных крыльях, названный «Метеором». На нем 150 пассажирских мест. А самый крупный в Западной Европе теплоход на подводных крыльях, недавно построенный швейцарской фирмой «Супромар», вмещает 115 пассажиров.

По своим гидродинамическим качествам теплоход «Метеор» опережает все известные теплоходы на подводных крыльях.

В ноябре он закончил испытательный рейс из Горького в Феодосию. Успешно преодолев волны на Азовском и Черном морях, он показал отличную остойчивость.

Корпус теплохода «Метеор» построен из дюралюминия. Управление главными двигателями осуществляется из штурвальной рубки. Пассажиры сидят в мягких креслах с откидными спинками.

Весной 1960 года «Метеор» будет сдан в эксплуатацию.

Коллектив сормовских конструкторов во главе с Р. Е. Алексеевым заканчивает модельные испытания и разработку проекта еще более мощного крылатого судна «Спутник» — на 300 пассажиров, со скоростью до 100 километров в час.

Инженер **А. МНДОЯН**,
техники **Б. РОЗЕНБЕРГ**, **Ю. ПЕНОВ**

На снимке: теплоход «Метеор».

Фото авторов.

Рубановская выучка

Прораб Виктор Этдинович Хариби горячился, убеждал, настаивал, требовал:

— Дайте мне бригаду Рубанова! Тогда я головой ручаюсь за успех...

Закончив в Нижнем Тагиле строительство крупнейшей в стране доменной печи, монтажники Уралстальконструкции решили оказать помощь своим товарищам в Сталинске. Задание поручили одному из лучших прорабов, В. Э. Хариби. А он, в свою очередь, поставил условие: «Пошлите со мной Рубанова».

Семнадцать лет трудится Александр Васильевич Рубанов в Уралстальконструкции, всегда был на хорошем счету. Но особенно прославился в 1959 году на стройке в Нижнем Тагиле.

Нижнетагильская домна строилась необычным способом. Ее монтировали с помощью уникального крана из тяжелых, укрупненных узлов, которые предварительно собирались на земле. Бригада Рубанова одной из первых пришла на стройплощадку, чтобы заранее подготовить блоки.

1 апреля начался монтаж. Его поручили вести трем сильнейшим бригадам: Рубанова, Тарасова, Шадрина,— а старшим поставили Александра Васильевича.

Кожух домны вместо 35 дней был смонтирован всего за одиннадцать. Монтаж наклонного моста рабочие из бригады Рубанова осуществили за три подъема из узлов весом свыше 60 тонн каждый. Такое мастерство вызвало всеобщий восторг на стройке. Еще в апреле бригаде Рубанова присвоили почетное звание коллектива коммунистического труда.

Ученик Александра Васильевича молодой монтажник Виктор Алфимов возглавил отдельную бригаду. Дела в бригаде Виктора пошли хорошо — 170 — 180 процентов нормы!

— Видна рубановская выучка,— говорят рабочие.

Т. ИНСКАЯ

Бригадир монтажников А. В. Рубанов и член бригады студент строительного техникума И. М. Гореславский.

Фото В. Демидова.

Свежие овощи в полярную ночь

За окном бушуют свирепые шпицбергенские бураны, крепчают морозы, а в теплице шахтерского поселка Пирамида зреют овощи.

Свежие овощи за 78-м градусом северной широты! Еще совсем недавно старожилы крайних широт не могли поверить, что под обыкновенным стеклом, в котором долгой полярной ночью отражаются сполохи северного сияния, можно собирать урожаи овощных культур. А теперь никому не в диковину свежие огурцы, красные помидоры, зеленый лук, салат, выращенные в краю заснеженных гор, среди вечных ледников. Овощи идут в столовую для полярных шахтеров.

Н. ЗАЙЦЕВ

Рудник Пирамида,
о. Шпицберген.

Работницы теплицы Милия Мережко и Вера Кузнецова за сбором помидоров.

Фото автора.

— Итак, я в Бордо... Профессор Жорж Люсьяни, который предложил обмен между нашими университетами, поручил меня заботам Поля Кастена и Мишеля Малляртига — своих студентов, изучающих русский язык.

Как же я жил, учился? Вот в дневнике записаны события обычного учебного дня.

Ровно в семь тридцать подъем. А в девять я уже в аудитории факультета литературы и гуманитарных наук. С девяти до двенадцати — французский язык и литература. Первый час занятий ведет ассистент профессора Люсьяни Ги Вере — читаем вслух грамматические упражнения. Второй час — лекции профессора Флота, известного исследователя творчества Гюго. Третий час — занятия фонетикой. В нашей группе иностранных студентов — американцы, англичане, немцы, мексиканцы, югославы.

Полуденный перерыв. В вестибюле меня ждут новые друзья. Поль и Мишель — будущие преподаватели русского языка и литературы. Они взяли с меня слово, что я буду говорить с ними только по-русски. «Хорошо,— согласился я,— но мне-то ведь надо учить французский язык!» Как же быть? Думали-думали и порешили: они обращаются ко мне по-русски, я к ним — по-французски.

Итак, мы направляемся в ресторан и с аппетитом уничтожаем бифштекс...

Потом с двух часов дня — лекции профессора Робера Эскарпи. Курс, который он ведет, состоит из бесед на различные темы. Сегодня — проблема семьи, завтра — высшего образования.

В три часа дня в аудитории появляется профессор Луазо. Он ведет курс истории французской цивилизации.

Звонок... Наступает время самостоятельных занятий. Собираю книги и отправляюсь в библиотеку нашего факультета. Здесь тихо, уютно. Все шкафы открыты — пожалуйста, бери сам любую книгу! Три часа работаю над темой «Сослагательное наклонение французского языка».

Семь часов вечера. В общежитии меня ждут Поль и Мишель. Надо торопиться: профессор Эскарпи пригласил нас сегодня в гости!

В числе гостей оказались его коллеги, профессора Дюльк и Перотен. Первый преподает в институте политических знаний, второй читает нам курс современной французской литературы. Радушный хозяин вспомнил о своей недавней поездке в Советский Союз, о гостеприимстве ленинградцев...

Разгорелась дискуссия о талантливом современном французском поэте Жане Превере. Мы слушали пластинки с песнями на слова Превера в исполнении Ива Монтана.

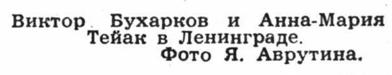
...Таков один из многих дней, проведенных мною в Бордо. С Полем и Мишелем мы жили, как говорится, душа в душу. Вместе путешествовали в Пиренеях, гостили в маленьких французских деревушках, вместе готовились к экзаменам, вместе радовались, когда была запущена советская ракета на Луну. Друзья прибежали ко мне, крича на весь коридор:

— Виктор! Поздравляем! Луна у тебя в кармане!

Вместе с Полем и Мишелем я гостил в их семьях. Побывал, разумеется, и в семье Анны-Марии Тейак. Славные люди! Веселые, общительные, сердечные.

...Нужно ли что-нибудь добавить к этим двум рассказам?

Н. МАР

Виктор Бухарков и Анна-Мария Тейак в Ленинграде.

Фото Я. Аврутина.

Госпожа Сара Кубичек, Вилли Экстайн (слева) и Игорь Нетто

Виза — футбольный мяч

Игорь НЕТТО,
заслуженный мастер спорта

Человек, который задумал бы удивить жителя Ижевска мотоциклом, а туляка — самоваром или охотничьим ружьем,— такой человек поставил бы перед собой трудную задачу. И чувствовал бы он себя не очень уверенно.

В подобном положении оказывается всякая европейская футбольная команда, приезжающая в Южную Америку. И «Спартак», приземлившийся одним прекрасным ноябрьским днем в аэропорте Рио-де-Жанейро, не был исключением.

Бразильских футболистов в их естественной среде мы впервые увидели на импровизированных футбольных полях пляжа Копакабана.

Нас удивила одна деталь: хотя это были и «дикари», которым, вероятно, ни разу еще не доводилось внимать советам тренера, но мячом они уже владели виртуозно. Тут были и точнейшие передачи в одно касание, и экономная обработка мяча на большой скорости, и пушечные удары по воротам. Сразу стало понятно, почему на пляж Копакабана, как нам рассказывали, часто наведываются тренеры профессиональных команд. Здесь они черпают резервы...

Это может показаться странным, но когда мы позже смотрели игру двух бразильских команд — «Ботафого» и «Канто до Рио»,— у меня было такое впечатление, будто я вижу тех же самых парней с Копакабана, только одетых строго по форме и придерживающихся заданной им тактической схемы. Соперники стоили друг друга, но «Ботафого» все же был сильнее. Особенно хорошо играл знаменитый Гарринча. После первенства мира в Стокгольме мы считали главным его оружием неповторимые финты, молниеносные прорывы и мощные удары. И теперь мы увидели все это в полном блеске. Прорвавшись к штрафной площадке противника, Гарринча сделал такой «шют», что вратарь, принявший мяч на живот, упал без сознания и его долго приводили в себя.

Сидя на трибуне южноамериканского стадиона, чувствуешь себя, мягко выражаясь, не совсем привычно. Вначале кажется, что темперамент игроков и зрителей можно сравнить с бенгальским огнем, с фейерверком: ярко, очень шумно, много треска, но как будто бы не обжигает. Однако спустя несколько дней, посмотрев другой матч, мы поняли, что это отнюдь не холодный бенгальский огонь, а динамит. Но об этом ниже...

В первые же дни пребывания в сильнейшей футбольной державе мы достаточно насмотрелись и наслушались, но не надо думать, что все это нас смутило и повергло в уныние. Наоборот, у всех ребят появился тот особый спортивный азарт, который охватывает спортсмена перед состязанием с сильным противником. И организаторы нашей поездки и сами бразильские футболисты приняли спартаковцев очень душевно. К тому же нас подбодрила одна встреча...

Супруга президента Бразилии госпожа Кубичек выразила желание побеседовать с советскими футболистами. Она приняла нас в своем особняке.

Выйдя из автобуса, мы направились по аллейке к входу в прекрасный особняк, когда навстречу нам вышла улыбающаяся госпожа Кубичек. Пока нас представляли, появились репортеры.

Одновременно с нами в гостях у госпожи Кубичек находился Вилли Экстайн, певец из Соединенных Штатов. Она предложила ему и мне сфотографироваться с нею вместе на память. Защелкали затворы фотоаппаратов...

Затем госпожа Кубичек пригласила нас в большой зал. Тут мы преподнесли ей подарки: двух забавных матрешек и музыкальную шкатулку в виде модели спутника. «Спутник» вызвал ажиотаж среди репортеров. И мы с особой остротой ощутили чувство гордости, когда из «спутника» полилась мелодия: «Широка страна моя родная...».

За чашкой кофе проходила непринужденная беседа. Госпожа Кубичек поинтересовалась, довольны ли мы приемом, оказанным нам в Рио-де-Жанейро, и шутливо сказала, что постарается со своей стороны всячески способствовать тому, чтобы мы еще лучше ощутили гостеприимство бразильцев.

Но, увы, законы гостеприимства, в его обычном, житейском понимании, перестают действовать с того момента, как раздается свисток судьи к началу матча. Даже самые радушные хозяева не станут потакать всем прихотям гостей на футбольном поле. Как известно, свой первый матч — с «Фламенго» — мы проиграли со счетом 0 : 3. Не буду повторять еще раз весь ход игры — об этом уже достаточно писалось в печати,— хочется лишь отметить, что бразильцы были быстры, напористы и очень техничны. Мы же действовали вяло, скованно, словно стоя на месте. Конечно, отчасти виновата и жара, но сколько ни сваливай на климат, проиграли мы, что называется, по всем швам.

И утешение пришло лишь через день, в городе Белу-Оризонти, где игрался сверхплановый матч с «Атлетико Минейро», сбор от которого поступал в фонд благотворительного общества, возглавляемого госпожой Кубичек. Во-первых, жители города встречали спартаковцев как самых любимых друзей (одна черточка: в ресторане к обеду для нас приготовили украинский борщ), а во-вторых, мы сумели победить сильную команду — 2 : 1. Борьба была острая, порой довольно напряженная.

И приятно сознавать, что при всей напряженности игра шла корректно, не в пример особенно запомнившемуся нам матчу, на котором полностью проявился взрывчатый южноамериканский темперамент. Дело было так.

Встречались сборные армейские команды Бразилии и Аргентины.

За сборную Бразилии выступал, между прочим, популярнейший футболист, подлинный народный герой страны Пеле (он числится за клубом «Сантос» из Сан-Паулу, но так как сейчас служит в армии, ему приходится выступать и в армейской команде).

Аргентинцы с самого начала повели себя агрессивно в наихудшем смысле этого слова. Их защита совершенно откровенно играла не на мяч, а на игрока, владеющего мячом или готовящегося получить передачу. Особенно усердно они охотились за Пеле, его «сносили» без всякого зазрения совести. Минут тридцать пять он терпел, но в конце концов терпение его лопнуло. Вот партнер Пеле по команде выбрасывает мяч из аута, Пеле принимает его на грудь, опускает на ногу и тут же падает, буквально скошенный аргентинским защитником. Негодующий рев трибун сотрясает воздух. Поднявшись, Пеле тем же самым приемом сбивает с ног защитника, и тот остается лежать недвижно, как мертвый. Трибуны ревут одобрительно: знай наших! Судья подбегает к Пеле, что-то энергично ему говорит, и он, пожав плечами, покидает поле. Через две — три минуты поверженный защитник поднимается как ни в чем не бывало и хочет продолжать игру, но судья и ему показывает рукой на выход.

Во втором тайме драка на поле нарастала с кинематографической быстротой. Вот свалка у ворот аргентинцев. Судья пытается урезонить кого-то, но аргентинский вратарь размахивается и дает судье изрядного тумака. Судья не остается в долгу и бьет вратаря. На штрафной площадке разгорается кулачный бой. Но тут вмешиваются полицейские. Драчуны растащены в разные стороны. Судья удаляет с поля вратаря. Можно продолжать игру. Продолжают, но... через пять минут снова на поле необходимо присутствие полицейских. Удаляется очередной из аргентинских игроков. И так далее...

Публика на трибунах была в данном случае единодушна, потому что все болели за своих, за бразильцев. Но на матчах между двумя бразильскими командами единодушия не бывает. Случается довольно часто, что на трибунах вспыхивают массовые драки с применением холодного и огнестрельного оружия. Полиция вынуждена бывает разгонять дерущихся с помощью слезоточивого газа и брандспойтов.

После Бразилии путь наш лежал в Уругвай — одну из ведущих футбольных стран континента. В Монтевидео мы проиграли сильнейшей команде «Насьональ» со счетом 0 : 3, но на сей раз счет не отражал действительного соотношения сил. Если можно так выразиться, по качеству эти голы были совсем не похожи на три мяча, забитых в наши ворота футболистами «Фламенго». Там это были, как говорят болельщики, «трудовые» голы — результат того, что нас переиграли. А в Монтевидео мы трижды начинали с центра поля потому, что делали грубейшие ошибки на своей и на чужой штрафной площадках при территориальном преимуществе...

Проигрывать дважды всегда неприятно, а если дело происходит в стране, где советские спортсмены появились впервые, неприятно вдвойне. Поэтому в столицу Колумбии Боготу мы прилетели с твердым намерением не проиграть, хотя знали, что наш соперник — профессиональная команда «Мильонариос», чемпион страны, составлена из опытнейших игроков.

В Боготе жителям было известно о нашем приезде заранее, и город встретил нас восторженно. Где бы мы ни появлялись, нас приветствовали улыбками, возгласами: «Спутник! Спутник!» Вообще всюду за океаном все советское ассоциируется со спутником, поэтому в дни нашего пребывания в Боготе слова «Спартак» и «спутник» были понятиями-синонимами.

Не нужно долго жить в Боготе, чтобы понять, что жителями ее владеют две страсти: футбол и бой быков — коррида. Трудно только определить, какая из них сильнее. У меня сложилось такое впечатление, что матадоры, едва вложив шпаги в ножны, тут же идут на стадион, а футболисты, сняв бутсы и переодевшись, бегут на корриду.

Как-то после тренировки пошли на бой быков и мы — посмотреть, что это такое.

Внешне, в чисто зрелищном отношении, коррида великолепна. В тот день выступало три матадора. Вот они трое, имея за спиной целый строй помощников и слуг, в том числе конных пикадоров, вышли в ярких костюмах на утоптанный песок арены. Когда пышная церемония открытия окончилась, куадрильи распались, и на арене появился первый бык. Он был черный, не очень крупный, но, видимо, сильный. Один матадор отделился от стенки ограды и встал перед быком, что-то говоря ему, — вероятно, приглашал кинуться вперед. Но бык, попав из темного загона на солнечную арену, или плохо видел, или был настроен дружелюбно и кидаться на человека не хотел. Понадобилось несколько минут, чтобы расшевелить его. Наконец бык немного разозлился. Тогда появился пикадор — на лошади, с длинной пикой. Уже достаточно раздраженный, бык кинулся к лошади, но всадник вонзил острие пики в загривок быку, поднял лошадь на дыбы и провел быка под нею. Потом на арену выбежал юноша с небольшими кинжальчиками в обеих руках. Бык кинулся к нему. Подпустив быка вплотную, юноша встал на цыпочки, и когда рога вот-вот должны были неминуемо поднять его на воздух, он ловко увернулся и вонзил кинжальчики в загривок пронесшемуся мимо быку. Затем кинжальчики втыкались еще и еще, и бык сделался похожим на подушку для булавок.

Кульминационным моментом боя был заключительный удар шпагой. Матадор вонзил ее глубоко, по самый эфес. Бык несколько секунд еще стоял, пошатываясь, а потом рухнул на песок.

Со вторым быком сначала все шло точно так же. Но заключительный удар был нанесен неточно. Бык, уставший, обессиленный, отошел к ограде, прислонился и замотал головой, словно отказываясь продолжать эту бессмысленную борьбу. Слугам неудачливого матадора пришлось добить его кинжалом. Матадора освистали...

После этого смотреть на арену мне было неприятно, и я ушел.

Ребята, оставшиеся до конца, говорили, что дальше все шло отлично, и коррида им понравилась.

Наша встреча с «Мильонариосом» отодвинула все другие вопросы жизни колумбийской столицы на задний план. Болельщики «Мильонариоса» предвкушали победу, поэтому в день матча в городе царило праздничное настроение. И хотя мы сыграли вничью — 1 : 1, оно не испортилось, потому что зрители увидели интересный поединок. У боготцев не было уныния даже тогда, когда мы обыграли другую команду — «Санта Фе» — со счетом 6 : 3. Зрители остались так довольны, будто результат был обратный.

И опять самолет — и новая страна, Венесуэла. В Каракасе мы снова встречались с «Мильонариосом», — так решили организаторы нашего турне. Интерес к матчу был настолько велик, что он начался с опозданием на десять минут. Дело в том, что пропускная способность входных ворот каракасского стадиона низкая: у входа установлены турникеты-счетчики, и каждый проходит через вертушку, а это сильно тормозит человеческий поток. Наплыв оказался больше, чем предполагала администрация стадиона, потому и пришлось пойти на опоздание.

У «Мильонариоса» мы выиграли — 2 : 1. Вышли победителями и в матче со сборной Венесуэлы — 2 : 0.

Итак, мы закончили свое турне по Южной Америке. Всюду нас принимали очень хорошо, перед нами широко распахивались все двери. И всюду визой нам был футбольный мяч... Мы убедились в том, что простые люди Южной Америки относятся к нашей Родине с большим уважением.

Как спортсмены, мы поняли в этой поездке главное: мы отстаем в технике обращения с мячом, и если хотим успешно выступать на международной арене, нужно обратить особое внимание именно на эту истину.

Литературная запись
О. МИХАЙЛОВА.

В Москве, в клубе имени Ф. Э. Дзержинского, состоялся торжественный вечер, посвященный вручению призов и золотых медалей чемпионам СССР 1959 года — футболистам московского «Динамо».

На нашем снимке (слева направо): начальник команды Е. Фокин, Л. Яшин, К. Крижевский, В. Кесарев, Б. Кузнецов, Г. Федосов и капитан команды В. Царев у приза Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР.

Фото А. Бочинина.

Очередное заседание творческого клуба «Огонька» было посвящено новым исследованиям в области мозга, которые ведутся советскими и зарубежными учеными. С сообщением на эту тему выступил заслуженный деятель науки профессор Ю. П. Фролов.

В художественной части заседания клуба собравшиеся были ознакомлены с оригинальным жанром на эстраде. Выступали артисты Всесоюзного гастрольно-концертного объединения В. Ведищев, И. Кожевников, А. Акопян. Много стран объездили эти актеры. Многие зарубежные газеты писали об их высоком мастерстве.

Арутюн Акопян во время своих недавних гастролей в Париже награжден почетным дипломом и золотой медалью французской ассоциации иллюзионистов. Такой награды за последние 10 лет не удостаивался ни один из приезжавших в Париж артистов этого жанра. На Цейлоне Арутюн Акопян избран почетным членом «магического круга». На заседании клуба «Огонька» артист продемонстрировал фокусы и сложные манипуляции, которые он показывает без всякой аппаратуры, в стремительном темпе.

Большим мастерством отличалось и выступление молодых актеров Вячеслава Ведищева — эквилибр на катушках — и жонглера Ивана Кожевникова. Редкий и сложный трюк — баланс на трех и четырех катушках Ведищев делает с необычайной легкостью и простотой.

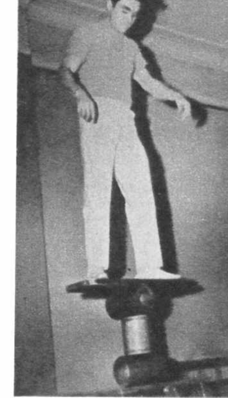
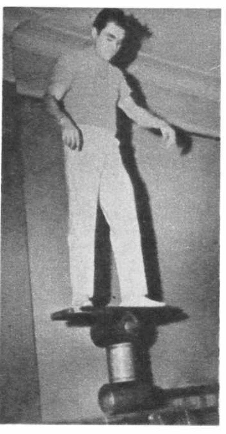
С живыми и остроумными интермедиями выступил молодой конферансье Олег Милявский.

В концерте принимала участие пианистка Мария Городищева. Она поделилась своими впечатлениями о многочисленных встречах с зарубежным зрителем.

Фото А. Бочинина.

Профессор Ю. П. Фролов.

Вячеслав Ведищев.

Олег Милявский.

Мария Городищева.

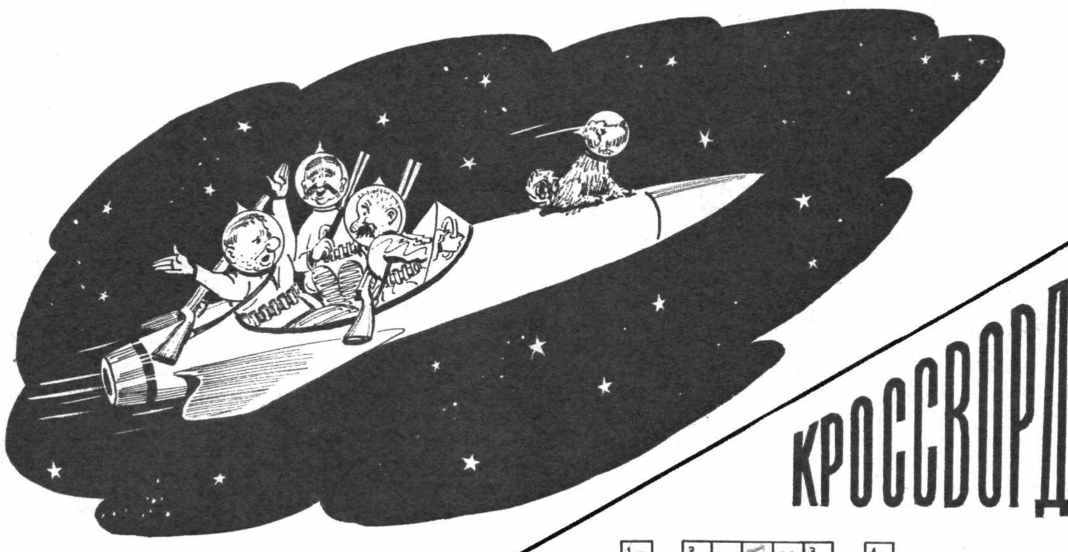
Арутюн Акопян.

Иван Кожевников.

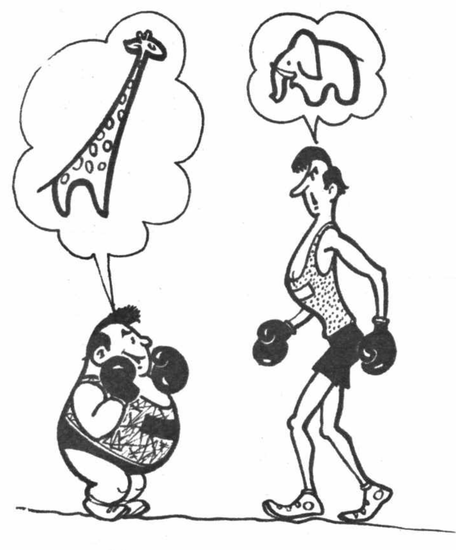

— Все последние дни я думаю только о вас!
Рисунок Е. Горохова.

КРОССВОРД

На Большую Медведицу.
Рисунок В. Петрова.

Первое впечатление.

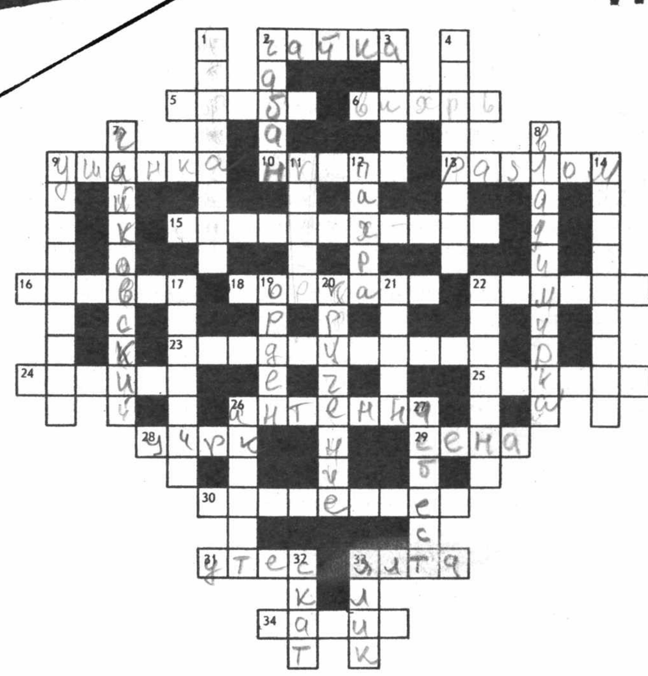
Рисунок Ю. Макаренко.

Загадочная картинка.

— Почему пустуют эти места?
Рисунок Ю. Черепанова.

Наступают морозы.
Рисунок Вл. Гальба.

По горизонтали:

2. Эмблема Московского художественного театра. 5. Часть охотничьего припаса. 6. Сильный ветер. 9. Головной убор. 10. Рыба семейства тресковых. 13. Пьеса Б. Лавренева. 15. Создание нового. 16. Условный знак. 18. Соединение проводников. 22. Плотная ткань. 23. Шутка в одном действии А. П. Чехова. 24. Музыкальный интервал. 25. Одна из крупнейших рек Азии. 26. Часть радиоустановки. 28. Советская кинокомедия. 29. Департамент во Франции, включающий Париж. 30. Русский ученый. 31. Скала. 33. Город, в котором находится Дом-музей А. П. Чехова. 34. Азербайджанский поэт XVIII века.

По вертикали:

1. Журнал, в котором дебютировал А. П. Чехов. 2. Пастух. 3. Центр угольной промышленности в Приморском крае. 4. Рассказ А. П. Чехова. 7. Автор оперы «Чародейка». 8. Картина И. И. Левитана. 9. Чеховский герой. 11. Молочный продукт. 12. Приток Москвы-реки. 14. Ископаемое млекопитающее. 17. Собиратель и исследователь русских народных песен. 19. Награда. 20. Соединение нескольких нитей. 21. Вождь первого массового восстания рабов в Сицилии. 22. Твердый минерал. 26. Ударение. 27. Минерал, изоляционный и огнеупорный материал. 32. Комплект колесных пар локомотива. 33. Небольшая шлюпка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

1. Рубрика. 7. «Колокол». 8. Рубанок. 11. Аншлаг. 12. Осмий. 13. Пароль. 16. Праща. 17. Календарь. 18. Фобос. 22. Стационар. 23. «Пигмалион». 24. Орешников. 26. Постамент. 30. Торос. 31. Баскетбол. 32. Днепр. 35. Оптика. 36. Гонок. 37. Бабуин. 40. Микешин. 41. Овчарка. 42. Америка.

По вертикали:

1. Рукав. 2. Балластер. 3. Иеремиада. 4. Амбар. 5. Плакат. 6. Анабас. 9. Кантата. 10. Колибри. 14. Мадаполам. 15. Орнитолог. 16. Паспорт. 19. Сенатор. 20. София. 21. Смета. 25. Еврипид. 27. Ежевика. 28. Склонение. 29. Стромболи. 33. Сказка. 34. Кашира. 38. «Пышка». 39. Мачта.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

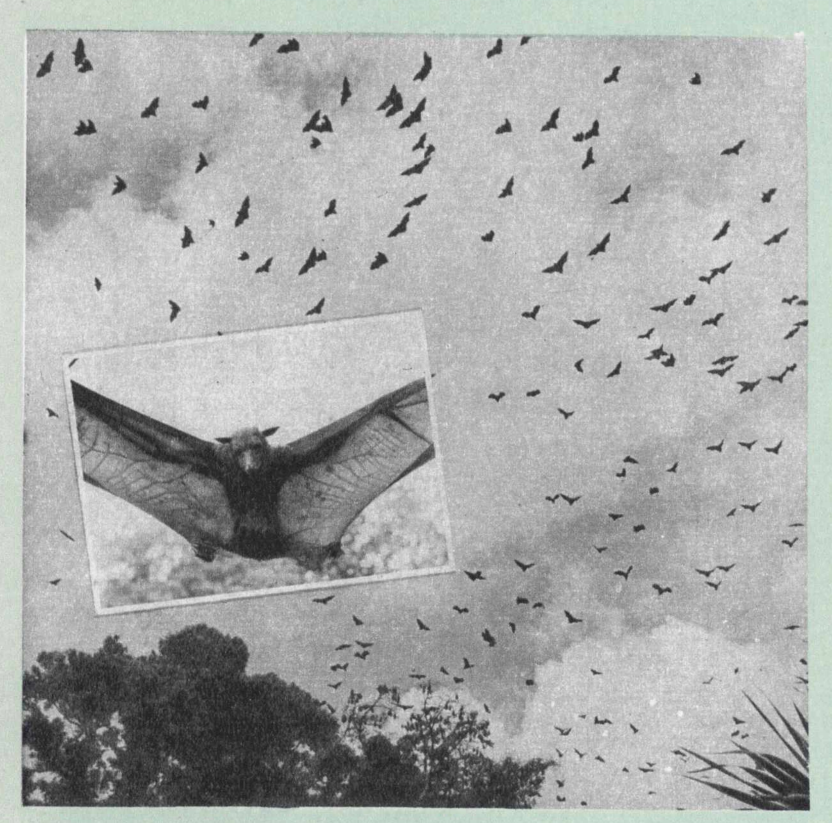
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00814. Подписано к печати 20/I 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 5. Заказ 3223.

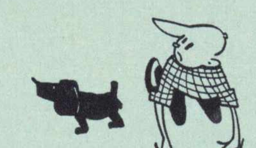
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

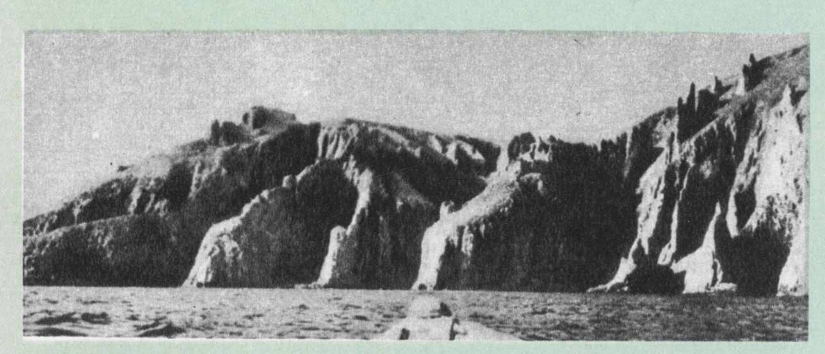
Занимательные фотографии

ЛЕТУЧИЕ СОБАКИ. Летучих собак мне удалось заснять в Индонезии, в Багорском ботаническом саду, где они живут на деревьях. Летучие собаки ведут преимущественно ночной образ жизни, питаясь плодами. Они боятся хищных птиц, а удар грома приводит их в ужас.

Дм. Бальтерманц

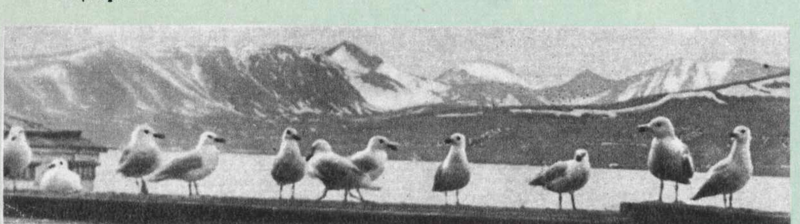

НЕПРИСТУПНАЯ СТЕНА. Когда плывешь вдоль берегов Чукотки, видишь гранитные крепости, башни, замки. Несколько десятков миллионов лет назад здесь поднималась из глубин расплавленная магма. Застывшая в толще земной коры, она превратилась в гранит, который и образовал неприступную стену, обрывающуюся в море.

Н. Сушкина, профессор МГУ

ШУМИТ НАША ПТИЦЕФЕРМА. Большие полярные чайки прилетают на Шпицберген с восходом солнца в марте и улетают с наступлением темноты в ноябре. Круглые сутки стоит летом над поселком птичий гомон. «Шумит наша птицеферма»,— говорят полярники.

Шпицберген. С. Иванов

ПАМЯТНИК МАСТЕРАМ. Как видение из русских сказок, встает перед пересекающими Онежское озеро экскурсантами Кижиский погост, выстроенный на острове Кижи. Когда-то здесь проходили торговые пути в Новгород; в иные времена погост служил крепостью. Оригинальное произведение народного деревянного зодчества — памятник талантливым мастерам.

Петрозаводск. П. Беззубенко

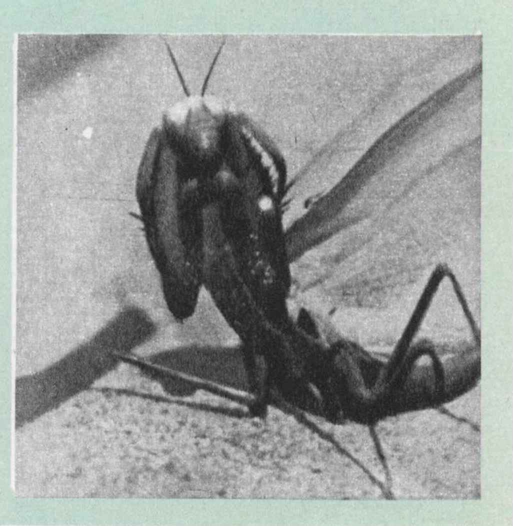
ИНТЕРЕСНОЕ ПОДОБИЕ. Похожи не только по форме, но и по окраске, а родственного между собой ничего не имеют. Что же запечатлел фотоаппарат? Где чешуйки поменьше,— это обыкновенная еловая шишка, а где побольше,— хвост ящера панголина.

И. Сосновский, директор Московского зоопарка

БОГОМОЛ. Однажды в парке я увидел на аллее большого богомола. Я нагнулся и тронул его за усы. Однако богомол не спешил скрыться, пока не услышал щелчок затвора.

Жданов. В. Романов

Цена номера 3 руб.